

**ИСТОРИЧЕСКІЙ  
ВѢСТНИКЪ**

**ПЕРВАЯ  
МИРОВАЯ ВОЙНА  
1917 ГОД**

**ТОМ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ  
НОЯБРЬ 2017**



ИСТОРИЧЕСКІЙ  
**ВѢСТНИКЪ**

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА  
1917 ГОД



**ТОМ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ**



Под общей редакцией С.М. Исхакова



МОСКВА, 2017

## ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

### Редакция

**А.Э. Титков**

главный редактор, кандидат исторических наук

**Ф.Г. Тараторкин**

зам. главного редактора, кандидат исторических наук

**И.Я. Керемецкий**

зам. главного редактора, художественный редактор, член-корреспондент Международной академии культуры и искусства

**Т. Лефко**

редактор английской версии

**Е.А. Радзиевская**

ученый секретарь

### Редакционный совет

**В.Э. Goldman**

Ph.D., профессор кафедры истории Исторического факультета Университета Карнеги-Меллона

**А.А. Горский**

доктор исторических наук, профессор Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

**С.В. Девятов**

доктор исторических наук, профессор, советник директора ФСО России, заведующий кафедрой истории России XX–XXI вв. Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

**Д.Р. Жантиев**

кандидат исторических наук, доцент Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова

**С.М. Исаков**

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, заместитель председателя Научного совета РАН по истории социальных реформ, движений и революций

**Г. Кантор**

доктор философии Оксфордского университета, Сент-Джонс колледж

**И.В. Курукин**

доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Средневековья и Нового времени Факультета архивного дела Историко-архивного института РГГУ и Учебно-научного института русской истории РГГУ

**Г.Д. Ленхофф**

Ph.D., профессор кафедры истории Исторического факультета Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе

**А.В. Марей**

кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Центра фундаментальной социологии НИУ ВШЭ

**Ф. Мартинес Мартинес**

профессор истории права, Мадридский университет Комплаутенсе

**Д. Панатери**

Ph.D., доцент истории права Университета Буэнос-Айреса

**Е.И. Пивовар**

председатель редакционного совета, доктор исторических наук, президент РГГУ, профессор, член-корреспондент РАН

**А.Л. Смышляев**

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, ведущий научный сотрудник Института мировой культуры МГУ имени М.В. Ломоносова

**А.Э. Титков**

кандидат исторических наук, проректор РГГУ

**Я.М. Хамеен-Анттила**

профессор арабских и исламских исследований, Эдинбургский университет

## THE HISTORICAL REPORTER

### Editorial Administrative Committee

**Alexey E. Titkov**

Editor-in-Chief, Candidate of Historical Sciences (Ph.D.)

**Filipp G. Taratorkin**

Deputy Editor-in-Chief, Candidate of Historical Sciences (Ph.D.)

**Igor Ya. Keremetskiy**

Deputy Editor-in-Chief, Art Editor, Corresponding Fellow of International Academy of Art and Culture

**Todd Lefko**

Editor of the English Version

**Elizaveta A. Radzievskaya**

Academic Secretary

### Editorial Board

**Wendy Z. Goldman**

Ph.D., Paul Mellon Distinguished Professor of History at Carnegie Mellon University, History Department

**Anton A. Gorskiy**

Doctor of Historical Sciences (Dr. habil.), Professor at Moscow State University, Historical Faculty, Distinguished Researcher of Russian Academy of Sciences, Institute of Russian History

**Sergey V. Deviatov**

Doctor of Historical Sciences (Dr. habil.), Adviser to the Director of Federal Protective Service of Russia, Head of Russian History in XX–XXI cc. Department at Moscow State University, Historical Faculty

**Dmitriy R. Zhantiev**

Candidate of Historical Sciences (Ph.D.), Associate Professor at Moscow State University, Institute of Asian and African Studies

**Salavat M. Iskhakov**

Doctor of Historical Sciences (Dr. habil.), Distinguished Researcher of Russian Academy of Sciences Institute of Russian History. Vice-Chairman of the Scientific Council of Russian Academy of Sciences on the History of Social Reforms, Movements and Revolutions

**Georgy Kantor**

D.Phil. (Ancient History), St. John's College, University of Oxford

**Igor V. Kurukin**

Doctor of Historical Sciences (Dr. habil.), Professor at Russian State University for the Humanities Institute for History and Archives, Medieval and Modern History Department

**Gail D. Lenhoff**

Ph.D., Professor at University of California Los Angeles, History Department

**Alexander V. Marey**

Candidate of Sciences in Theory and History of Law and the State (L.D.), Distinguished Researcher of Higher School of Economics, Center of Fundamental Sociology

**Faustino Martínez Martínez**

Associate Professor of Complutense University of Madrid, History of Law and Institutions Department

**Daniel Panateri**

Doctor in History (Ph.D.), Lecturer at the University of Buenos Aires, History of Law

**Efim I. Pivovarov**

Chairman of the Editorial Board, Doctor of Historical Sciences (Dr. habil.), President of Russian State University for the Humanities, Professor, Corresponding Fellow of Russian Academy of Sciences

**Alexander L. Smishliaev**

Candidate of Historical Sciences (Ph.D.), Senior Researcher at Russian Academy of Science, World History Institute, Distinguished Researcher of Moscow State University, Institute of World Culture

**Alexey E. Titkov**

Candidate of Historical Sciences (Ph.D.), Vice-Rector of Russian State University for the Humanities

**Jaakko Markus Hämeen-Anttila**

Professor at University of Edinburgh, Arabic and Islamic Studies



## ОТ РЕДАКЦИИ

Вот уже и 100 лет, как стала Первая мировая война трагическим фактом мировой истории, который в 2014–2017 гг. отмечался целом рядом различных научных и общественных мероприятий, где высказывались самые разные, порой полярные точки зрения на роль войны в судьбе Российской империи. У ее правящих кругов были свои внешнеполитические задачи, они надеялись на их достижение, но сотни тысяч погибших и раненных на фронтах вызывали все большее и большее нарастание среди солдатских масс недовольства против монархии, политиков, стоявших у власти, правящих кругов вообще. Ситуация на театрах военных действий после Февральской революции 1917 г. стала кардинально и стремительно меняться. На большей части рубежа противостояния наступило фактическое перемирие, началось братание русских солдат, натерпевшихся от войны, с противником. Армия уже не хотела воевать, а это был явный симптом социального напряжения в обществе в целом, приведшего к «углублению» русской революции, которая перетекала в русскую гражданскую войну.

Данный номер посвящен событиям 1917 г.<sup>1</sup> В статье В.Ж. Цветкова анализируется разработка начальником штаба Верховного главнокомандующего генералом от инфантерии М.В. Алексеевым стратегических планов наступательных операций русской армии на 1917 г. Боевые действия русской армии в оперативно-стратегическом контексте на всех театрах военных действий Восточного фронта показаны в статье А.В. Олейникова, в которой определено значение, которое оказали эти операции на ход вооруженного противоборства в 1917 г. Роль донских казаков в 1917 г. охарактеризована в статье А.В. Венкова. Ситуация со снабжением русской армии продовольствием и фуражом в условиях смены власти в России рассмотрена в статье М.В. Оськина.

<sup>1</sup> О кампаниях 1914, 1915, 1916 гг. см.: Исторический вестник. 2014. № 8; 2015. № 14; 2016. № 18.





Эта война, вызывавшая колоссальные жертвы со стороны ее участников, тяжело отразилась на интересах не только воюющих государств. Несколько лет войны нарушили жизнь миллионов людей во всем и везде, постепенно рассеивали туман, под прикрытием которого те или иные стороны вели свои народы на поля сражений. Тому, как на фронте и в разных частях страны воспринималась смена власти в Петрограде в условиях продолжавшейся войны, какие перемены происходили в обществе, посвящены статьи В.И. Гольцова и В.А. Пархоменко (Украина).

Современные исследователи уделяют большое внимание изучению династии Романовых, пытаясь объяснить причины ухода монархии с исторической сцены в России, стремясь при этом понять психологию ее представителей. Об этом первая рецензия, в которой характеризуется сборник писем и докладов великого князя Александра Михайловича императору Николаю II. В другой рецензируемой книге рассматривается биография очевидца войны и революции ученого и педагога И.А. Тихомирова, исследователя русской истории. В третьей и четвертой рецензиях речь идет об изданиях, посвященных событиям на окраинах империи — Северном Кавказе и Урале в 1917 г.

Расширение репрезентативной источниковой базы остается краеугольным камнем дальнейшего изучения роли 1917 г. в мировой истории. Одним из очевидцев этих революционных событий года стал известный британский журналист М.Ф. Прайс, автор целого ряда книг, посвященных России в XX в. В номере впервые публикуется перевод из его интересной книги о русской революции в 1917 г., которая была издана в Лондоне в 1921 г.

**А.Э. Титков**

*главный редактор журнала  
«Исторический вестник»*





## EDITORIAL

It has been 100 years since World War One became a tragic fact in the world history. During 2014-2017 various social and scientific events were held to discuss the war's impact on the destiny of Russian Empire. Strongly differing views were presented by distinguished experts. The Empire's ruling elites wanted to achieve their own foreign policy goals, but the hundreds of thousands killed and wounded on all fronts of WWI led to intensifying anti-monarchy moods and brought disgrace to current politics and those in power among soldiers. The situation on war theaters changed rapidly and dramatically after the February Revolution of 1917. The position lines were broken and a truce took place. Russian soldiers exhausted by war began to fraternize with the enemy. The army didn't want to be at war anymore, and that reflected the social tension in the society at large, which led to further "deepening" of the Russian Revolution, and it's transformation into the Russian Civil War.

The current issue is dedicated to the events of 1917. Vasily Zh. Tsvetkov in his article analyzes the features of strategic offensive operations of the Russian army designed and developed in 1917 by Chief of Staff of the Commander, General of Infantry Mikhail V. Alekseev. Alexey V. Oleynikov depicts the events on all war theaters of the Eastern Front in strategical and operational context. The author relates the impact of these operations to the outcome of the confrontation. The role of Don Cossacks in 1917 events is described by Andrey V. Venkov. Maksim V. Oskin offers in his article an analysis of the Russian Army food and munitions supply during the shift in power.

The devastating war, produced enormous numbers of dead and wounded to all confronting states, and brought serious damages to other non-involved countries. A couple of years at war altered the lives of millions everywhere, in eve-







ry detail. The fog around those who led their nations to the battlefield dissipated. Victor I. Goltsov and Vladislav A. Parkhomenko (Ukraine) analyze major social changes of the time: including the way people on fronts and in different parts of the country perceived the switch in power in Petrograd during the war actions.

Modern researchers turn to the Romanov Dynasty and its representatives' psychology in attempt to understand the reasons of the abolition of the monarchy in the history of Russia. The first review published in this issue is dedicated to the collection of letters and reports by Alexander Mikhailovich addressed to Nikolay II. Another review touches upon a book which narrates on a biography of Ivan A. Tikhomirov, a scientist and a teacher, whose subject was Russian history and who witnessed the war and the revolution himself. The third review focuses on publications dedicated to the events which took place in 1917 on the edge of the Empire - at the North Caucasus. The last one reviews the publication of documents and protocols dated 1917 by the Council of Workers and Military Deputies of Ufa.

For further study of the 1917 year in the world history, finding new sources of knowledge is essential. A famous British journalist, author of many books Morgan Price, witnessed the revolutionary event of 1917. In this issue of the Historical Reporter for the first time, is published a translation of an extract from his interesting book about the Russian Revolution of 1917, which was published in London in 1921.

**Alexey E. Titkov**  
*Editor-in-Chief*

*Comments to the authors may be submitted  
to the Editor — [historical.reporter@gmail.com](mailto:historical.reporter@gmail.com)*





## СОДЕРЖАНИЕ

<b>В.Ж. Цветков.</b> Генерал М.В. Алексеев — от наштаверха до главковерха . . . .	10
<b>А.В. Олейников.</b> Театры военных действий русской армии в кампании 1917 г. в оперативно-стратегическом контексте . . . . .	28
<b>А.В. Венков.</b> События 1917 года в России и казаки. . . . .	54
<b>М.В. Оськин.</b> Снабжение русской действующей армии в 1917 г.: в спирали продовольственного кризиса. . . . .	66
<b>В.И. Гольцов.</b> Первая мировая война и революция в человеческом измерении (на материалах переписки и дневника Л.А. Бызова). . . . .	86
<b>В.А. Пархоменко.</b> Общественно-политическая жизнь в Николаеве в 1917 г. . . . .	118

## ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

<b>Н.С. Сидоренко.</b> Письма и доклады великого князя Александра Михайловича императору Николаю II. 1889–1917. . . . .	132
<b>Н.С. Сидоренко.</b> В.Я. Рушанин, Иван Александрович Тихомиров: Возвращение забытого имени. . . . .	137
<b>С.М. Исхаков.</b> Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.) и Горская республика (1918–1920 гг.) (Документы и материалы). . . . .	142
<b>С.М. Исхаков.</b> Уфимский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году: протоколы и документы. К 100-летию создания Совета рабочих и солдатских депутатов / Автор-сост. Г.В. Мордвинцев. . . .	150

## ИСТОЧНИКИ

Воспоминания британского журналиста М.Ф. Прайса о 1917 годе в России . . .	154
--	-----





# CONTENTS

THE FIRST WORLD WAR. 1917

Editor: Salavat M. Iskhakov

<b>Vasily Zh. Tsvetkov.</b> General Mikhail Alekseyev — from Chief of Staff to Commander-in-Chief .....	10
<b>Alexey V. Oleynikov.</b> The war theaters of Russian Imperial Army's 1917 campaign: strategic and operational context .....	28
<b>Andrey V. Venkov.</b> Don Cossacks and the events of 1917 in Russia.....	54
<b>Maksim V. Oskin.</b> Commissariat Supplies of the Russian Army During the 1915 Campaign.....	66
<b>Victor I. Goltsov.</b> World War One and Revolution in Russia: Human Dimension (based on letters and diaries of Leontiy A. Byzov).....	86
<b>Vladislav A. Parkhomenko.</b> Everyday life of Nikolaev in 1917.....	118

## HISTORICAL THOUGHT

<b>Nadezhda S. Sidorenko.</b> Letters and reports by Great Duke Alexander Mikhailovich to the Emperor Nikolay II. 1889–1917 .....	132
<b>Nadezhda S. Sidorenko.</b> V.Ya. Rushavin. Ivan Alexandrovich Tikhomirov: Return of the Forgotten Name. ....	137
<b>Salavat M. Iskhakov.</b> United Highlanders of North Caucasus and Dagestan (1917–1918) and Mountainous Republic (1918–1920) (Documents and papers).....	142
<b>Salavat M. Iskhakov.</b> The Council of Workers and Military Deputies in Ufa in 1917: protocols and documents. Dedicated to the 100-years science the Council of Workers and Military Deputies was established / Compiled by G.V. Mordvitsev .....	150

## SOURCES

«My Reminiscences of the Russian Revolution» by M. Philips Price .....	154
--	-----





В.Ж. Цветков

## ГЕНЕРАЛ М.В. АЛЕКСЕЕВ — ОТ НАШТАВЕРХА ДО ГЛАВКОВЕРХА



отечественной историографии довольно большое внимание уделяется деятельности генерала от инфантерии М.В. Алексева в 1917 г. Однако преимущественное значение придается его участию в политической жизни России, в особенности в предреволюционный период. При этом явно преувеличенное внимание обращается на его якобы активное участие в «заговоре против монархии»<sup>1</sup>.

Данная статья посвящена его военно-стратегическим разработкам начала 1917 г., которые не стали до сих пор предметом отдельного исследования. В них уже менее заметен тот смелый, творческий «почерк» полководца, отличавший подготовленные и проведенные им операции в

---

<sup>1</sup> В частности, из публикаций русского зарубежья довольно предвзятыми и субъективными в развитии подобных оценок можно отметить, например, книги И.П. Якобия «Император Николай II и революция» (1938 г.), В.С. Кобылина «Император Николай II и заговор генералов» (1970 г.), а также брошюру Г.А. Эдельберга «Какая причина толкнула генерал-адъютанта Алексева предать своего Императора?». Многие из высказанных в эмиграции суждений практически в неизменном виде «переkochевали» в современные сочинения исторической публицистики.

1914–1916 гг.<sup>2</sup> Тем не менее в стратегических разработках 1917 г. наиболее полно проявилось внимание генерала не только к сугубо военно-техническим вопросам (в частности, снабжение фронта боеприпасами), но и к проблемам общего состояния российского тыла. Однако процессы демократизации, начавшиеся весной 1917 г., разрушили стратегические планы М.В. Алексева.

Еще будучи начальником штаба Верховного главнокомандующего, М.В. Алексеев осенью 1916 г. считал необходимым добиться быстрой координации усилий как между фронтами русской армии, так и между Восточным фронтом русской армии и Салоникским фронтом союзников (объединенные силы Греции, Сербии и Франции) для защиты геополитических интересов России и защиты православных братьев-славян.

Вступление в войну Болгарии в составе Четверного союза и Румынии в составе Антанты в конце 1916 г. делало удобным удар на Германию с юга. Но для этого требовались согласованные действия союзников, которых, однако, они не обещали России. Плохо подготовленное самостоятельное выступление румынской армии против объединенных сил германской, австро-венгерской и болгарской армий привело к ее поражению и потере Бухареста. А российские войска оказались вынуждены удлинить фронт от Балтики до Черного моря, чтобы спасти румынских союзников. Таким образом, осенью 1916 г. Румынский фронт стал приоритетным направлением, причем не только с оборонительными, но и с наступательными операциями. Стратегический расчет Алексева строился на выводе из войны Болгарии и Турции и на дальнейшей военной изоляции австро-немецких войск.

В ноябре 1916 г. у начальника штаба М.В. Алексева обострилась болезнь почек, что заставило его покинуть Ставку в Могилеве и уехать на лечение в Крым. Отсутствие генерала в Ставке сказалось на стратегическом планировании 1917 г. Вместо Алексева временно исполнял обязанности начальника штаба генерал от кавалерии В.И. Гурко. Генерал-квартирмейстером вместо М.С. Пустовойтенко, не повлиявшего на оперативный ход событий, стал генерал-лейтенант А.С. Лукомский, уделявший оперативному управлению большое внимание. Была введена новая должность — помощ-

<sup>2</sup> См.: Цветков В.Ж. Генерал М.В. Алексеев и стратегическое планирование в русской армии накануне и в начальный период Первой мировой войны // Исторический вестник. 2014. № 8. С. 6—49; *Он же*. Разработка и осуществление генералом М.В. Алексеевым стратегических планов боевых операций на Восточном фронте в ноябре 1914 г. — сентябре 1915 г. // Исторический вестник. 2015. № 14. С. 6—43; *Он же*. Генерал М.В. Алексеев — начальник штаба Ставки Верховного главнокомандующего (опыт военно-стратегических разработок в конце 1915 г. — 1916 г.) // Исторический вестник. 2016. № 18. С. 10—41.

ник начальника штаба, на которую был назначен генерал от инфантерии В.Н. Клембовский. Таким образом, вместо одного Алексеева оперативными делами Ставки начали весть три лица, при этом коллективности при принятии решений не прибавилось: человек с твердой волей, с большим самомнением и упорством, Гурко «не останавливался перед проведением в жизнь даже таких мероприятий, против которых восставали не только все из сохранивших самостоятельность в суждениях главнокомандующие, но и общий голос армии»<sup>3</sup>. Однако, несмотря на усиление единоличных начал в работе Ставки при временно заменившем Алексеева генерале от кавалерии В.И. Гурко, общий стратегический план на кампанию 1917 г. был утвержден только после непосредственных консультаций с Алексеевым.

Разработанный под контролем Гурко проект плана операций на 1917 г. отражал как пожелания главнокомандующих фронтами, так и с учетом союзнических обязательств. Следует отметить, что возможность общих боевых операций на Балканах утверждалась Союзным военным советом в г. Шантильи (15 и 16 ноября 1916 г.). Тем самым, казалось бы, осуществлялся задуманный в Ставке еще при Алексееве Балканский вариант. Данное решение предполагало концентрацию на Румынском фронте войск с других фронтов. Для успешной перевозки воинских частей в Бессарабии началось строительство дополнительных железных дорог. Предполагалось также и привлечение кораблей Черноморского флота, которые могли бы сопровождать движение русских войск в нижнем течении Дуная вплоть до границы с Болгарией, вдоль побережья Черного моря. Но, вопреки ожиданиям, Алексеев отказался от нанесения главного удара на Балканах. Причина, очевидно, заключалась в еще недостаточно устойчивом положении Салоникского фронта, а также в явно небольшом стремлении союзников оказывать содействие русским армиям. Брать же на себя большую часть ведения стратегических операций, как стал считать Алексеев, было неосмотрительно.

Что же касается наступательных планов на других фронтах, то здесь, по существу, так и не выявилось главного направления. Прошедшие в Ставке совещания (17 и 18 декабря 1916 г.) показали, что каждый главком стремится выделить свой фронт в качестве наиболее перспективного, указывая, в то же время, на усиленное дополнительное снабжение людскими резервами и боеприпасами. Помимо этого Ставка, в принципе, соглашалась нанести на разных участках фронта в феврале 1917 г. ряд коротких ударов, каждый из которых, не развиваясь в самостоятельную боевую операцию,

---

<sup>3</sup> Зайончковский А. Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Часть VII. Кампания 1917 г. М., 1923. С. 11–12.

должен был бы привлечь на себя силы противника, оттянуть дополнительные контингенты врага с Западного фронта, на котором как раз и предполагалось нанесение основного удара в плане предстоящей кампании.

9 января 1917 г. Алексеев отправил из Севастополя достаточно обширный доклад, начинавшийся показательными словами: «Судя по записке, озаглавленной “Результаты совещания 17 и 18 декабря”, по этому капитальному вопросу — наносить ли один мощный удар или несколько и на каком фронте — совещание ни к какому решению не пришло»<sup>4</sup>. Сослуживец М. В. Алексеева генерал от инфантерии, командующий Добруджанской армией А. М. Зайончковский, проводя аналитический обзор боевых действий начала 1917 г., так излагал основные положения доклада, отправленного Алексеевым из Крыма в Ставку: «Алексеев протестовал против того, что каждому из главнокомандующих указано выработать общий план весенней кампании, тогда как дело верховного командования, которому только и известна совокупность всех данных, дать общую мысль плана всей предстоящей кампании. Задачу эту, с иронией писал Алексеев, желает вместо Ставки решить союзная конференция в Шантильи. Он находил, что, по существу, мысль конференции о необходимости замкнуть с юга кольцо вокруг наших врагов правильна. Она, начиная с сентября 1916 г., настойчиво проводилась русским верховным командованием с просьбой существенно усилить союзные войска на Салоникском фронте, чтобы оттуда начать более решительные операции. Мысль эта, не встретившая тогда сочувствия союзников, в декабре ими же была положена в основу плана.

Но тогда было уже поздно говорить о разгроме Болгарии... Союзники наши еще ничего существенного для создания сильной Салоникской армии не сделали, и современная стратегическая обстановка не могла повести к установлению главной операции именно на Балканском полуострове.

Вся тяжесть этой операции должна была лечь на нас и требовала бы исключительных напряжений за счет всех фронтов. При этом перекидка наших войск с Балкан на другие театры была почти невозможна, тогда как противник, располагающий лучшей сетью железных дорог, был свободен в выборе удара и едва ли он ограничился бы сидением на Балканах.

Ввиду того, что большая часть наших войск была сосредоточена в Румынии и на Юго-Западном фронте, Алексеев, во избежание излишних перевозок, которые могли открыть карты врагу, стоял за нанесение главного удара Юго-Западным фронтом, имея целью прорвать расположение противника в направлении на Львов—Мармарош Сигет.

<sup>4</sup> Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 63. Л. 94.

Вспомогательный же удар — для того, чтобы приковать резервы противника, а при ослаблении их произвести прорыв, — нанести армиями Западного фронта. Частные удары надлежало также произвести, сообразуясь с обстановкой, силами и средствами, Северным и Румынским фронтами. О февральских коротких ударах Алексеев в своем докладе ничего не писал, но в сохранившейся в его делах записке для памяти они называются гибельными для нас, если не вызываются исключительной крайней нуждой, обусловливаемой критической где-либо обстановкой.

Откровенный и твердый голос Алексеева оказал свое действие. 24 января (6 февраля) Верховным главнокомандующим был утвержден доклад Гурко, согласно которому операция летом 1917 г. выливалась в такую форму: главный удар наносится Юго-Западным фронтом из района 11-й и 7-й армий на Львовском направлении с вспомогательными ударами в направлении на Сокаль и Мармарош Сигет. На Румынском фронте наступление производится с целью разбить находившегося перед армией противника и занять Добруджу. На Северном и Западном вспомогательные удары на участках по выбору главнокомандующих»<sup>5</sup>.

Таким образом, утвержденный при непосредственном участии Алексеева план Ставки на 1917 г. предусматривал нанесение главного и вспомогательного ударов, призванных если и не нанести решающее поражение противнику, то существенно ослабить его военный потенциал. Здесь заметен тот же стратегический почерк, отличавший русское военное искусство в начале 1916 г., накануне прорыва Юго-Западного фронта. Только в отличие от прошлых планов новый исходил из возможности широкого удара на юге силами Юго-Западного и Румынского фронтов.

Приоритет Юго-Западного фронта, возглавляемого генералом от кавалерии А.А. Брусиловым, — это признание не столько эффективности его действий в 1916 г., сколько очевидный расчет на то, что в результате успешного наступления Юго-Западного фронта активизируются и силы переформировавшейся после осеннего разгрома румынской армии, а в перспективе Салоникский фронт сможет перейти к активным наступательным действиям. Румынский фронт, наступая с целью освобождения Добруджи, мог бы взаимодействовать с Черноморским флотом. Так что и Балканский вариант продолжал учитываться в планировании 1917 г. Ставкой, несмотря на утрату своего приоритетного статуса. Но при этом сила предполагаемого удара по врагу существенно возрастала за счет комбинированных действий с Балкан и от Карпат.

<sup>5</sup> Зайончковский А. Указ. соч. С. 29–30.



Что же касается северного крыла Восточного фронта, представленного Западным и Северным фронтами, то на него Алексеевым возлагалось, по сути, нанесение вспомогательных ударов. В этом принципиальное отличие от стратегического планирования 1916 г. Хотя именно действия этих фронтов могли бы привести к ослаблению основного противника — кайзеровской Германии. Направление удара на Львов было главным еще в стратегических расчетах 1914 г., но после потери завоеванной территории Прикарпатья это направление снова становилось весьма актуальным.

Однако главная отличительная черта стратегического планирования на 1917 г., и в этом отношении Алексеев полностью разделял оптимизм своих соратников, состояла в том, что предстоящее наступление могло привести к решающим успехам, к победоносному для Антанты окончанию войны. Не позднее мая наступательные операции должны были полностью обескровить войска противника, лишить их возможности продолжать военные действия.

Стратегия предполагаемых боевых операций исходила из реальной возможности нанесения удара силами Черноморского флота и специально подготовленного десанта по Босфорскому проливу и Стамбулу. Обладание Черноморскими проливами — еще один акцент военно-стратегического планирования на 1917 г., также ориентированный на Балканы. И здесь положение для русской армии и флота было весьма благоприятным. После серьезных поражений турецкой армии на Кавказе в 1915–1916 гг. становилось очевидным, что Османская империя не может рассчитывать на наступательную инициативу, а ее военные успехи напрямую зависят от поддержки остальных стран Четверного союза. Неплохие перспективы открывались в этой связи для войск Кавказского фронта, которые совместно с Черноморским флотом провели успешную Трапезундскую операцию. Тем самым была доказана возможность активного взаимодействия армии и флота, открывалась перспектива новых десантных операций на черноморском побережье. План десанта Черноморского флота на Босфор разрабатывался под руководством командующего флотом вице-адмирала А. В. Колчака. Формальные гарантии Российской империи на обладание Черноморскими проливами уже предоставлялись по условиям трехстороннего (русско-англо-французского) договора 1915 г.

Однако Алексеева, как стратега, интересовали отнюдь не только идеологический или политический аспекты предполагаемой Босфорской операции. Главная задача, которую предстояло решить Ставке, — объективно выявить степень боевой готовности как флота, так и армии к проведению высадки десанта. Сложность и опасность предполагаемой операции заключались не только в готовности турецкого гарнизона стойко защищать свою

столицу, не только в прочности турецких береговых укреплений (недооценка этих факторов уже привела к провалу проводившейся союзниками Дарданелльской операции 1915 г.). Самое важное — добиться четкого взаимодействия армии и флота, тесной взаимной поддержки и выручки. Следовало продумать возможности захвата оперативных плацдармов, поддержки десанта кораблями, своевременного снабжения десанта боеприпасами и снаряжением. И здесь недопустим был оптимизм, свойственный ряду отечественных политиков и публицистов, полагавших возможным скорое наступление на Стамбул. Недостаточная подготовка десанта, пренебрежение военными мелочами могли дорого стоить русской армии и флоту. Алексеев не мог этого допустить, чем и объясняется определенный скептицизм генерала в отношении времени проведения Босфорской операции.

Начальник операционного отдела Морского штаба в Ставке капитан 1-го ранга А.Д. Бубнов замечал, что при поддержке государем и министром иностранных дел С.Д. Сазоновым Босфорской операции генерал Алексеев не отвергал ее категорически, но ставил, по мнению моряков, необоснованные и невыполнимые требования. Так, он считал, что для исполнения Босфорской операции необходима десантная армия силой в четыре корпуса, которую, однако, транспортная флотилия была не в состоянии перевезти в должный срок, обеспечив еще и ее снабжение<sup>6</sup>. Босфорская операция, как и совместные операции Салоникского и Румынского фронтов остались в истории Первой мировой войны лишь стратегическими проектами. Но очевидно, что Алексеев все более склонялся к признанию осуществимости десанта.

17 февраля 1917 г. Алексеев вернулся в Ставку после лечения в Крыму (хотя курс терапии не был пройден до конца). А уже 21 февраля от министра иностранных дел Н.Н. Покровского была получена «Всеподаннейшая записка». В ней, по сути, признавалась правота Алексеева в оценке плана десанта. Теперь уже и представители правительства соглашались с высадкой десанта и его последующим продвижением к Стамбулу по малоазийскому побережью, от устья реки Сакарья. Десант мог быть высажен в октябре 1917 г., при оптимальной численности в 200–250 тыс. бойцов. Важным обстоятельством было и то, что Босфорская операция проводилась бы силами русской армии и флота, без поддержки союзников.

Из письма 26 февраля 1917 г. главы Дипломатической канцелярии Ставки камергера Н.А. Базили Покровскому проясняется позиция Алексеева. При большой протяженности Восточного фронта (1650 верст), ма-

<sup>6</sup> Бубнов А.Д. В Царской Ставке. М., 2012. С. 137–142.



Верховный главнокомандующий Российской армией и флотом генерал от инфантерии М.В. Алексеев. *Апрель 1917 г.*

лочисленности бойцов (в среднем 1500 человек на версту) и скромном техническом вооружении генерал Алексеев считал невозможным до существенного поражения противника на Восточном фронте уменьшить там число войск<sup>7</sup>. Полагая все-таки возможным провести десантную операцию, Алексеев настаивал на ее обязательном сочетании с другими наступательными операциями Восточного фронта в предстоящей кампании 1917 г. Как вспоминал Бубнов, «Алексеев с легкостью согласился на формирование десантной дивизии и не чинил препятствий этой “затее моряков”, так как втайне был уверен, что участь войны решится в марте 1917 г. на полях Галиции, т.е. раньше, чем можно будет эту операцию предпринять, и тем самым надобность в ней сама собой отпадет. Но вспыхнувшая в феврале 1917 г. революция разрушила чаяния генерала Алексеева. В революционное время, конечно, не приходилось рассчитывать на надежность не только десанта, но и всей сухопутной армии и флота»<sup>8</sup>. Позднее, после совещания представителей Ставки и Временного правительства в апреле, несмотря

<sup>7</sup> Ставка и министерство иностранных дел // Красный архив. Т. 5 (30). М.; Л., 1928. С. 5–6, 18–20.

<sup>8</sup> Бубнов А.Д. Указ. соч. С. 148.

на возражения адмирала Колчака, уверенного в реализации десанта, план Босфорской операции был отложен.

Вообще, влияние революционных событий на боеготовность армии ощущалось и переживалось Алексеевым чрезвычайно остро. Принимая на себя полномочия Верховного главнокомандующего после отречения Николая II (сначала исполняющего обязанности, а со 2 апреля 1917 г. — формально вступив в должность), Алексеев не скрывал проблем от Временного правительства. Хотя, в целом, генерал был уверен в необходимости продолжения подготовки к осуществлению тех планов, которые были приняты в начале года.

В докладе генерала военному министру А.И. Гучкову от 13 марта 1917 г. шла речь о степени готовности фронтов к запланированному генеральному наступлению. С точки зрения боевого состояния не внушал уверенности Северный фронт. Главкомандующий армиями Северного фронта генерал от инфантерии Н.В. Рузский, отмечал Алексеев, «указывая на то, что внутренние события отозвались на армиях вверенного ему фронта “весьма болезненно”, ссылаясь на расстройство продовольственных, вещевых и артиллерийских запасов, на ненадежность укомплектований, приходит к определенному заключению о необходимости отказаться в ближайшие месяцы от выполнения наступательных операций и сосредоточить все усилия на подготовке к упорной обороне».

Иными были настроения на соседних фронтах. Главкомы Западного и Юго-Западного фронтов были уверены в том, что «решительные действия наступающим летом неизбежны». Если не открыть наступательных операций, то «это сделает противник тогда, когда это будет выгодно и удобно ему». Не следовало сбрасывать со счетов и союзнические обязательства. «Отказ от содействия нашим союзникам, — писал генерал министру, — поставив их в трудное положение, не избавит и нас от необходимости втянуться в упорные, длительные бои, но тогда, когда, в свою очередь, мы не будем в состоянии рассчитывать на помощь наших союзников в случае их частной или общей неудачи».

Главком Юго-Западного фронта генерал Брусилов, как и в прошлом году, был сторонником активных наступательных операций. «Как бы мы ни были бедны в настоящее время средствами, — излагал Алексеев позицию своего подчиненного, — все же выгоднее наступать, даже без полной уверенности в успехе, чем перейти к опасной обороне и обречь себя на необходимость подчиняться решениям противника». Причины подобного отношения к наступательным операциям заключались также и в том, что при наступлении следовало учесть помимо материального также и психологическое состояние войск. В период роста революционных настроений это было особенно важно.

«Расстройство армии и ее снабжений окажет свое вредное влияние несколько не в меньшей мере при обороне, чем при активной операции. Результаты неуспешной обороны и неуспешного наступления неодинаковы... Если же немцы подготовят против нас широкий удар и проведут его с обычной энергией и богатством артиллерийских средств, то парировать этот удар будет трудно. Затрата же средств людских и материальных на наступательную операцию будет едва ли больше, чем при обороне. Чем скорее мы втянем наши войска в боевую работу, тем скорее они отвлекутся от политических увлечений».

Специфические условия расположения Румынского фронта (на территории чужого, хотя и союзного государства с необходимостью поддержки небоеспособной румынской армии) накладывали отпечаток на перспективы проведения здесь наступательных действий. «...Шаткое состояние умов румынской армии, народа и правительства по отношению к нам заставляет иметь особые резервы ближе к участку, занимаемому ныне в боевой линии второй румынской армией, с тем, чтобы в случае ее неустойки или отказа от борьбы немедленно занять ее позиции и закрыть прорыв. Но и генерал Сахаров (главком Румынского фронта. — В. Ц.) склоняется к необходимости предпочесть хотя и не широкие, но активные удары...»

Таким образом, резюмировал Алексеев, мнения главкомов определенно свидетельствуют о необходимости и возможности наступления. Собственное мнение генерал изложил с учетом как военно-оперативных, стратегических, так и экономических факторов: «...Учитывая крайне тяжелое положение в отношении продовольствия, транспорта, металла, недобросовестного поведения рабочих петроградского района, принимая во внимание кризис, переживаемый армией, я тем не менее считаю, что обречь себя на оборону до июня—июля мы не имеем права... Рассчитывать на успех обороны мы не можем. Растянутый на 1650 верст стратегический фронт не допускает везде иметь сильные резервы: противник всегда будет иметь возможность собрать более сильную ударную группу и достигнуть успеха ранее, чем мы соберем надлежащие силы для обороны, пользуясь нашей слаборазвитой и совершенно не приспособленной ныне к интенсивным перевозкам железнодорожной сетью..., стойкость войск в обороне понесла за последнее время значительный ущерб... Можно сказать, что чем слабее устойчивость войск, тем труднее для них оборона, тем желательнее предпринять с ними активные действия. Первоначальный успех может вызвать воодушевление, подъем духа, что, в связи со сбором сил в точке удара, может обеспечить широкий успех и парализовать предприятия неприятеля на других фронтах...»

В этой связи показательно мнение Алексеева в отношении вероятности удара немецких войск и флота на Петроград. Генерал был уверен в том,

что нужно не ждать наступления противника и не концентрировать силы в районе возможного (а может быть и нет) вражеского удара, а упредить его наступлением на другом участке протяженного Восточного фронта. «Страховка», как называет ее в своем письме Алексеев, не должна затрагивать интересы как других фронтов, так и общего военно-стратегического замысла предстоящего весеннего наступления.

«Пока нет никаких реальных данных, указывающих на намерения немцев направить свой удар в сторону Петрограда, — отмечал Алексеев, — имеются кое-какие агентурные сведения и наши собственные соображения, что противнику было бы выгодно выполнить подобную операцию. Невзирая на зыбкость этих данных, генерал Рузский рядом телеграмм настойчиво просит выслать ему для усиления Северного фронта 4 армейских корпуса. Прежде всего, я не имею возможности выделить за счет других фронтов такие значительные подкрепления, ибо наша задача не исчерпывается целями одного Северного фронта.

Во-вторых, теперь Северный фронт располагает двойным превосходством... Страховку направления на Петроград, по-моему, лучше исполнить сильным ударом там, где, по тактическим условиям и по свойствам противника, легче обеспечить себе успех. К оборонительному бою, если мы не будем наступать, нас принудят. И патронов, и снарядов, и укомплектований понадобится при этом не менее, чем при атаке.

Шансов на успех меньше. Отсюда вывод: как ни тяжело наше положение, нам нужно начать весеннюю кампанию наступлением, что отвечает и настойчивым желанием союзников...»

Здесь же Алексеев, как и при оценке перспектив наступательных операций 1916 г., обращает внимание военного министра на насущную необходимость своевременного материального обеспечения: «...Повторяю, будем ли наступать, обречем ли себя на отбитие ударов противника — нам одинаково будут нужны патроны, снаряды, тяжелая артиллерия, укомплектования. Невозможно допустить повторения 1915 г.; мы теперь находимся в неизмеримо худших условиях как в отношении нравственного настроения, так и глубины театра действий. Особенно нужны ружейные патроны; запасов недостаточно для длительной борьбы. Необходимы энергичные меры, чтобы двинуть вперед замедлившиеся формирования тяжелой артиллерии... Необходимо возобновить отмененную реквизицию лошадей, дабы ко времени появления подножного корма можно было пополнить некомплект...»<sup>9</sup>

<sup>9</sup> Зайончковский А. Указ. соч. С. 130–133.

Обозначенные Алексеевым проблемы обсуждались и во время специально созванного совещания в Ставке 18 марта 1917 г., в работе которого участвовал министр юстиции А.Ф. Керенский. Итоги данного совещания легли в основу отданной Алексеевым директивы от 30 марта 1917 г. (№ 2647). Ее содержание устанавливало порядок подготовки к наступлению, начало которого, как и планировалось, должно было состояться в первых числах мая.

Как и в предыдущих директивах, в ней устанавливались приоритетные задачи для каждого из фронтов. Общей целью, по мнению главковерха, считалось нанесение решающих ударов, активные наступательные действия. «...Сохранение идеи наступательных действий тем более желательно, что производимое противником сокращение своего Западного фронта может предоставить в его распоряжение значительные резервы и возможность при посредстве их произвести наступление против нас, чтобы использовать предполагаемое внутреннее расстройство, как армии, так и государства».

Благоприятным фактором была наступившая, наконец, координация действий Западного и Восточного фронтов. «Союзники наши, — отмечал генерал, — начали 27 марта решительные действия против немцев на Западном фронте. Учитывая настоящую обстановку и наши обязательства перед союзниками, принимая во внимание общее состояние армии и ее снабжений, я решил сохранить общую идею плана и при благоприятных условиях, по возможности, в первых числах мая произвести ряд наступательных действий».

«Если противник предупредит нас, то на замышляемые им удары, по мере их выяснения, особенно же против Северного фронта с угрозой столице, ответить или общим переходом в наступление всеми фронтами, или, образуясь с обстановкой, ударом двух фронтов там, где наши приготовления будут более закончены... При выполнении задач главнокомандующим рассчитывать на те силы, которыми они располагают в данную минуту... Северному фронту предоставляется ныне использовать войска, назначаемые в резерв главковерха для обороны побережья севернее Риги... Главные для удара направления назначаются, примерно: для Юго-Западного фронта — прежние, для Западного — на Вильно и для Северного, если обстоятельства позволят ему перейти в наступление, — на Митаву... Кавказскому фронту организовать наступательные действия... чтобы шире использовать успехи англичан в Месопотамии и сохранить протяжение своего стратегического фронта. Черноморский флот должен быть готовым оказать полное содействие возможным операциям Румфронта на нижнем Дунае и в Добрудже...»<sup>10</sup>

<sup>10</sup> Там же. С. 58–59.

По оценке Зайончковского, Алексеев должен был учитывать все возраставшие «аппетиты» Северного фронта. По мнению Рузского, противник стремился нанести решающий удар по столице, поэтому Алексеев вынужденно перевел на Северный фронт дополнительные воинские части. В целом сил было вполне достаточно, чтобы отразить вероятное наступление неприятельских войск на Петроград. Как «ответил на это Верховный главнокомандующий, передано Северному фронту лишних против предназначенных пять дивизий, как средство для прикрытия северных направлений на Петроград и для нравственного успокоения за столицу. В распоряжении Рузского находились, по мнению Алексеева, столь значительные силы по сравнению с силами противника, что говорить о трудности усилить оборону Моонзундских островов не приходилось».

Алексеев писал: «Ради полного напряжения своих сил в районе важнейшего удара мы могли бы оставить на фронте примерно 55–57 дивизий и собрать для атаки и развития успеха, не считая войск первой линии, от 27 до 29 дивизий, увеличив резерв и создав вторую линию дивизий, примерно в районе Тарнополя, откуда и двинуть их в пункт, где удастся прорыв... Алексеев считал наиболее угрожаемым рижский район, так как только там атака с сухого пути могла быть соединена с производством десанта. Самостоятельная же десантная операция для угрозы Петрограду требовала, по мнению Верховного главнокомандующего, очень больших средств, не имевшихся у противника. Поэтому Алексеев возражал против равномерной разброски войск Юго-Западного фронта, высказывая особое пожелание о сосредоточении возможно больших сил к избранному участку удара»<sup>11</sup>.

На Кавказе Алексеев рассчитывал на успешные действия кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта А.А. Павлова. Ему удалось установить контакт с британским экспедиционным корпусом в Месопотамии, а это было важно с точки зрения стратегии межсоюзнического взаимодействия. После отставки великого князя Николая Николаевича вся полнота военной власти перешла к генералу от инфантерии Н.Н. Юденичу. Именно ему 5 апреля 1917 г. Алексеев писал о важности активных рейдов русской конницы: «Поступавшие до последнего времени сведения указывают на недостаточно энергичные действия частей 1-го кавалерийского корпуса, вышедших из гор на равнину... необходимо употребить все силы для устранения местных затруднений и предписать генералу Павлову проявить полную энергию. Что касается развития операции на мосульском направлении, то и здесь необходимо добиться возможности безотлагательно развить энергичное наступление».

---

<sup>11</sup> Там же.



пление. Ожидаю от вас подробных соображений о действиях в указанных выше направлениях и выражаю уверенность, что славные кавказские войска вновь покроют себя новой славой, а высшие начальствующие лица изыщут способы обеспечить вопрос продовольственный, имея в виду, что втянуть скорее войска в боевую работу и обеспечить успех одинаково важно в нравственном отношении как для самой армии, так и для государства».

И все же Кавказский фронт имел важность для Алексеева лишь постольку, поскольку боевые действия на нем могли развиваться только после выполнения на европейских фронтах главных оперативных задач, т.е. приоритет оставался за европейским театром военных действий. Об этом Алексей писал в письме преемнику Гучкову на посту военного министра А.Ф. Керенскому (19 мая 1917 г.). Данное письмо интересно также и тем, что в нем все настойчивее звучал мотив политического влияния на положение дел на Кавказском фронте, отмечались воздействие неустойчивого снабжения, недостаток резервов и, самое важное, отсутствие психологического состояния, необходимого для развития наступательных операций. «Армия, вследствие недоедания, болезней, увольнения 40-летних уменьшилась на позициях в своем составе до угрожающих размеров», — писал главноверх. «Можно сказать, что позиции окарауливаются, но не обороняются. Две дивизии, выведенные в резерв, имеют только пятую часть своего штатного состава. В тылу начинают хозяйничать курды и местное мусульманское население, нападавая на станы, транспорты, посты слабо охраняемые...»

Алексеев отмечал важность проблемы пополнения армии, испытывавшей недостаток в живой силе. «...Прилив 104 000 человек сразу оживил бы армию и восстановил бы численность полков. Но различные местные комитеты, парализуя совершенно власть главнокомандующего, считают запасные полки обеспечением против контрреволюции. Ни одна команда не может быть отправлена. Создается безысходное положение... Образовали две армии: (армия) на фронте и армия тыловая, но не для пополнения первой, а для обеспечения от контрреволюции. Так далее продолжаться не может, особенно на Кавказе. Необходимо выдвинуть тыловую армию на пополнение жидких рядов фронта...

Я не допускаю возможности, — считал Алексей, — пополнять Кавказскую армию за счет запасных войск Европейской России. Наши Юго-Западный и Румынский фронты содержатся тоже в опасном некомплекте. А главное — для чего в тылу Кавказской армии будут сидеть 100 000 бесполезных для государства и русского народа людей, не желающих нести минимальную военную службу обороны позиций?»<sup>12</sup>

<sup>12</sup> Ставка и министерство иностранных дел... С. 34–35, 39–40.

В отношении к этой проблеме и следовало рассматривать возможности наступательных операций весной 1917 г. Примечательно здесь совещание в Петрограде, с участием как представителей Ставки, так и членов Временного правительства, Комитета Государственной думы и представителей Исполкома Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, состоявшееся в Петрограде 4 мая 1917 г.

Политика все более и более влияла на положение на фронте. По воспоминаниям генерала Гурко, также участвовавшего в работе совещания, генерал Алексеев стремился добиться единства представителей Думы, правительства, Совета и высшего командного состава в понимании сложности последнего этапа войны. «Нас всех объединяет благо нашей свободной родины», — отмечал Алексеев. «Пути у нас могут быть различны, но цель одна — закончить войну так, чтобы Россия вышла из нее хотя бы уставшею и потерпевшею, но отнюдь не искалеченной. Только победа может дать нам желанный конец... Казалось, что революция даст нам подъем духа, порыв и, следовательно, победу. Но, к сожалению, в этом мы пока ошиблись. Не только нет подъема и порыва, но выплыли самые низменные побуждения — любовь к своей жизни и ее сохранению. Об интересах родины и ее будущем забывается... Лозунг “без аннексий и контрибуций” приводит толпу к выводу — “для чего жертвовать теперь своей жизнью”».

В заключение своего выступления главковерх выразил крайнюю обеспокоенность. «Армия на краю гибели, — предупреждал Алексеев, — еще шаг — и она будет ввергнута в бездну, увлечет за собою Россию и ее свободы, и возврата не будет... Армия — организм хрупкий; вчера она работала — завтра она может обратиться против России. В этих стенах можно говорить о чем угодно, но нужна сильная, твердая власть, без нее невозможно существовать. До армии должен доходить только приказ министра и главнокомандующего, и мешать этим лицам никто не должен... Материальные недостатки мы переживем; духовные же требуют немедленного лечения... Принципиальных разногласий петроградское совещание не выявило, однако снижение боеспособности армии было налицо. И, вследствие этого, сроки начала наступательных операций были перенесены на начало июня...»<sup>13</sup>

Однако осуществление стратегических планов началось уже без Алексеева. 22 мая 1917 г. он был отправлен в отставку, причем сделано это было довольно скоропалительно, без сколько-нибудь определенного обозначения причин.

<sup>13</sup> Гурко В.И. Война и революция в России. Мемуары главнокомандующего Западным фронтом. 1914–1917. М., 2007. С. 360–363.



Генерал М.В. Алексеев в окружении чинов Ставки и представителей иностранных военных миссий: начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал-лейтенант А.И. Деникин (1), начальник морского штаба адмирал А.И. Русин (2), майор Эдвардс (Великобритания) (3), генерал Ч. Бартер (Великобритания) (4), генерал Дж. Ромеи (Италия) (5), полковник Маренго (Италия) (6), Верховный главнокомандующий генерал от инфантерии М.В. Алексеев (7), генерал К. Коанда (Румыния) (8), первый генерал-квартирмейстер генерал-майор Я.Д. Юзефович (9), второй генерал-квартирмейстер генерал-лейтенант С.Л. Марков (10), командир Георгиевского батальона полковник Н.С. Тимановский (11). *Май 1917 г.*

Тем не менее успехи именно Юго-Западного и особенно Румынского фронтов (хотя и неполные, и нестабильные) во время июньского наступления 1917 г. подтвердили правильность расчетов генерала.

Разработка операций 1917 г. — это, с одной стороны, анализ приоритетов наступательных действий по уже традиционным коммуникационным линиям — против Австро-Венгрии и Германии. Но, с другой стороны, это поиск новых стратегических решений, что выражалось, в частности, в повышенном внимании Алексеева к ударам, намеченным на Балканах, а также на Кавказском фронте. При этом генерал стремился учесть не только военно-технический потенциал тех или иных армий, но оценивал общее состояние, в котором находился к началу 1917 г. каждый конкретный участок Восточного фронта. никоим образом не следовало игнорировать возможности взаимодействия с союзными войсками, что было актуально, прежде всего, для Балкан. Совокупность военных, политических и экономических



Генерал М.В. Алексеев (1) и представители британской военной миссии генералы Ч. Бартер (2) и Ч. Уордел (3) на Государственном совещании в Москве.  
*Август 1917 г.*

факторов влияла и на изменение планов главного командования, и на реальное положение дел на фронте в 1917 г.

1917 г. окончательно убедил генерала в необходимости учета социально-политических факторов в военных действиях. С недоверием первоначально относясь к идее формирования специальных воинских частей из добровольцев, он полностью принял ее, ввиду «распада фронта», массового дезертирства и в сознании необходимости создания крепкого армейского ядра, способного держать остатки Восточного фронта. В конце 1917 г. это отразилось в его идее создания нерегулярной Добровольческой армии, не случайно названной вначале «Алексеевской организацией».

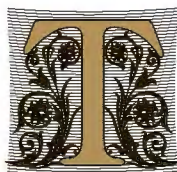


**Ключевые слова:**

М.В. Алексеев, оперативно-стратегическое планирование, Восточный фронт, Румыния, Юго-Западный фронт, Балканский фронт, Кавказский фронт.

Vasily Zh. Tsvetkov

## GENERAL MIKHAIL ALEKSEYEV — MOVING UP FROM CHIEF OF STAFF TO COMMANDER-IN-CHIEF

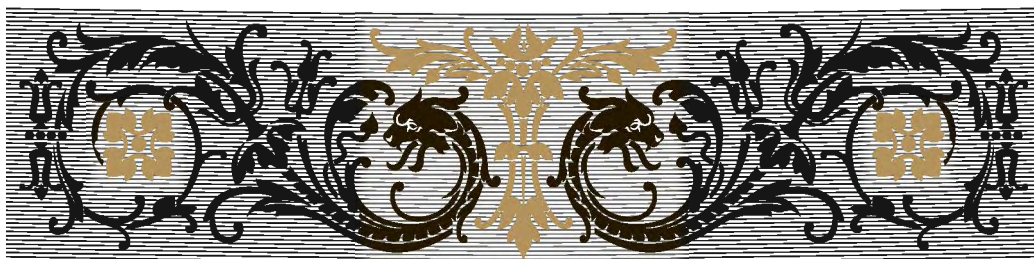


he article analyses 1917 strategic offensive operations planned by the General of Infantry Mikhail V. Alekseev. Different war theaters are carefully depicted to highlight strategic prospects of each: Balkan Peninsula, Caucasus, Persian front.

The author examines the view-point of the Commander-in-Chief on how the operations must be conducted in terms of war final stage.

 Цветков Василий Жанович 

доктор исторических наук, профессор  
кафедры новейшей отечественной истории  
Московского педагогического государственного университета



А.В. Олейников

## ТЕАТРЫ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ РУССКОЙ АРМИИ В КАМПАНИИ 1917 г. В ОПЕРАТИВНО-СТРАТЕГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ<sup>1</sup>



Войска русской армии к началу кампании 1917 г. Первой мировой войны переживали пик своего организационного и материально-технического развития: на европейском (Австро-германском) фронте они состояли из 158 пехотных дивизий, 5 пехотных бригад, 48 кавалерийских дивизий и 4 кавалерийских бригад, значительного количества технических и специальных частей и соединений. Произошло значительное техническое усиление войск. Так, вырос удельный вес полевой тяжелой артиллерии — к весне 1917 г. корпус тяжелой артиллерии особого назначения (ТАОН) насчитывал 338 орудий разных систем, калибров и назначения — от 120-мм пушек до 305-мм гаубиц. Мощности входивших в состав ТАОН калибров и его независимость от командований общевойсковых соединений позво-

<sup>1</sup> Начало см.: Олейников А.В. Театры военных действий русской императорской армии в кампании 1914 г. в оперативно-стратегическом контексте // Исторический вестник. 2014. № 8. С. 50–67; *Он же*. Театры военных действий русской императорской армии в кампании 1915 г. в оперативно-стратегическом контексте // Исторический вестник. 2015. № 14. С. 8–40; *Он же*. Театры военных действий русской императорской армии в кампании 1916 г. в оперативно-стратегическом контексте // Исторический вестник. 2016. № 18. С. 42–71.

ляли и допускали использование тяжелой артиллерии исключительно в качестве могучего ударного средства. К 1917 г. значительно возросла насыщенность частей и подразделений действующей армии минометами. Произошли изменения и в сфере связи: в войсках присутствовали армейские и корпусные радиотелеграфные отделения, радиотелеграфные дивизионы, конно-искровые и радиотелеграфные станции кавалерийских дивизий<sup>2</sup>.

С боеприпасами положение на фронте в 1917 г. стало удовлетворительным. Так, при прорыве фронта противника в ходе июньского наступления Юго-Западного фронта 1917 г. армия оказалась в состоянии ознаменовать свои действия непрерывной трехсуточной артиллерийской подготовкой — причем орудиями почти всех калибров (до 11-дюймового включительно).

Достаточно результативно действовала авиация. Так, в летнем наступлении действия четырех армий Юго-Западного фронта поддерживали 225 самолетов в составе 38 различных авиаотрядов (2 из состава Эскадры воздушных кораблей, 6 армейских, 15 корпусных, 11 истребительных и 4 артиллерийских). Особое место среди них занимала 2-я Боевая авиационная группа (3, 7 и 8-й корпусные авиаотряды) — средство завоевания господства в воздухе.

Противостоящие силы противника к началу кампании насчитывали 133 пехотных и 26,5 кавалерийских дивизий. Помимо традиционно мощной австрийской группировки и германцы сосредоточили к началу кампании 8 своих армий и армейских групп (фронт принца Леопольда Баварского в составе армий — 8, 10, 12-я, Южная, Бугская армии, армейские группы генерал-полковника Р. фон Войрша, генерала артиллерии Ф. фон Шольца, генерала артиллерии Г. фон Гронау), на Французском фронте 10 армий и армейских групп (4, 6, 1, 2, 7, 3, 5-я армии, армейские группы генерала пехоты Г. фон Штранца, генерала пехоты К. Эльза, генерала пехоты Э. фон Гюнделя в составе фронтов кронпринца Прусского и кронпринца Рупрехта Баварского). С учетом двух армий немцев на Румынском фронте (9-я генерала пехоты Э. фон Фалькенгайна и Дунайская генерала пехоты Р. Коша — фронт генерал-фельдмаршала А. Макензена) и одной на Салоникском фронте (11-я армия О. фон Белова)<sup>3</sup> из имеющихся в наличии 21-й армии и армейских групп 10 оттягивал Румынский фронт.

<sup>2</sup> Олейников А.В. Войска связи русской армии // Россия в Первой мировой войне. Энциклопедия. М., 2014. Т. 1. С. 403.

<sup>3</sup> Боевое расписание германской армии. Пг., 1917. С. 3–4.



Заседание Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов  
в Таврическом дворце. Петроград. 6 марта 1917 г.

Но если организационно и технически в начале кампании 1917 г. русская армия была сильна как никогда за войну, ее морально-идеологическое состояние после Февральского переворота начало стремительно падать — прежде всего в результате действий Временного правительства и Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов (принятие трагического для войск приказа № 1, отменившего самые начала войсковой организации; смещение 143 старших войсковых начальников; введение выборного начала в армии).

Было дезорганизовано и высшее звено управления войсками действующей армии: за 9 месяцев 1917 г. сменилось 6 верховных главнокомандующих армией.

Появляются братания, носящие, с одной стороны, форму меновой торговли с противником со стороны уставших от войны русских солдат, с другой стороны — являющиеся проводником подрывной деятельности германо-австрийских спецслужб по разложению русской армии и подрыву ее боеспособности. Братания на фронте носили все более усиливающийся характер (из 220 пехотных дивизий на фронте в марте 1917 г. братание имело место в 165-ти). Начальник германского Полевого Генерального штаба генерал-фельдмаршал П. Гинденбург писал: «Наше положение на Восточном фронте становится все более и более похожим на перемирие, хотя и без письменного договора. Русская пехота постепенно заявляет почти всю-





Братание русских и австрийских солдат. 1917 г.

ду, что она больше сражаться не будет. Но она все же... остается в окопах. В тех местах, где взаимные отношения принимают слишком явную форму дружественных отношений, от времени до времени постреливает артиллерия, которая еще подчиняется командирам»<sup>4</sup>.

Усилилось дезертирство. Так, если с начала войны до Февральской революции общее число дезертиров составляло 195 тыс. человек, т. е. в среднем 6,3 тыс. в месяц, то с марта до августа 1917 г. количество дезертиров увеличилось в пять раз, а в период 15 июня — 1 июля — в 6 раз<sup>5</sup>. В большинстве случаев это были «зарегистрированные дезертиры». Фактически шла стихийная демобилизация.

Система управления и снабжения армии была нарушена, боевой дух военнослужащих снизился, нарастала усталость от войны. После начала демократизации армия становится слабоуправляемой. Отмена принципа единоначалия в армии, учреждение солдатских комитетов в воинских частях и формирование многоуровневой системы солдатских комитетов и системы съездов солдатских и офицерских делегатов, отмена смертной казни на фронте и военно-полевых судов привели к моральному разло-

<sup>4</sup> Гинденбург П. Воспоминания. Пг., 1922. С. 47.

<sup>5</sup> Кавтарадзе А.Г. Июньское наступление русской армии в 1917 году // Военно-исторический журнал. 1967. № 5. С. 112.

жению армии, подрывали ее боеспособность и способствовали росту дезертирства.

Состояние русской армии весной 1917 г., как отмечал историк А. Г. Кавтарадзе, принципиально отличалось от прежнего. Раньше к началу операции на том или ином фронте не возникало сомнений в боеспособности войск и главное затруднение состояло в плохом материально-техническом обеспечении боевых действий. К маю 1917 г. положение изменилось. Впервые за время войны материально-техническое обеспечение, в том числе тяжелой артиллерией, снарядами и т. д., не вызывало особых опасений, зато боеспособность войск, не желавших больше воевать, также впервые за время войны нельзя было признать удовлетворительной<sup>6</sup>.

Все это в комплексе привело к потере русскими войсками в значительной степени своей боеспособности и управляемости, что и показали события лета — осени 1917 г. Все это наложило более чем существенный отпечаток на кампанию 1917 г. — последнюю военную кампанию России в Первой мировой войне.

Разработанный в декабре 1916 г. временно исполняющим обязанности начальника Штаба Верховного главнокомандующего генералом от кавалерии В. И. Гурко совместно с генерал-квартирмейстером Штаба Верховного главнокомандующего генерал-лейтенантом А. С. Лукомским стратегический план кампании предусматривал перенос основных усилий действующей армии на Румынский фронт и Балканы. На Северном, Западном и Юго-Западном фронтах Ставка отказывалась от масштабных операций.

Верховный главнокомандующий Николай II поддержал этот план. Но из руководителей фронтов с планом Гурко—Лукомского согласился лишь А. А. Брусиллов. Главнокомандующие войсками Северного и Западного фронтов категорически воспротивились балканскому направлению, и принятый план был компромиссом. Главный удар в летней кампании 1917 г. должен был наносить Юго-Западный фронт, добившийся наибольших результатов в 1916 г. и традиционно наиболее успешный из всех фронтов австро-германского фронта — 11-й и 7-й армиями в направлении на Львов, вспомогательный удар — 8-й армией в направлении Калуш—Болехов. На Румынском фронте русским 4-й и 6-й армиям совместно с румынскими 1-й и 2-й армиями предстояло разгромить противника в районе Фокшан и занять Добруджу, русской 9-й армии — сковать противника в Карпатах. На Северный и Западный фронты воз-

<sup>6</sup> Там же. С. 114.



ное количество германских войск. Продвижение противника к Двине давало ему возможность все время держать войска Северного фронта в напряжении, так как переправа немцев выводила их на режущее направление, ставя в тяжелое положение Двинскую группу войск. Вследствие повышенной стратегической важности яacobштадтского участка фронта плацдарм был укреплен и на нем были сосредоточены значительные силы.

В рамках летнего наступления на ТВД активно действовали 5-я армия Северного фронта и 10-я армия Западного фронта. Главнокомандующий Северным фронтом генерал от инфантерии Н. В. Рузский исходил из того, что его фронт прикрывал пути к столице и, кроме того, имел такие стратегически важные пункты, как Рига, Двинск и Яacobштадт. Кроме того, войска фронта занимали по отношению к армиям противника к северу от Полесья выгодное охватывающее положение.

Наступление из юго-восточной части Рижского плацдарма на участке железной дороги Эйкау—Нейгут представлялось оптимальным, так как оно прорывало железнодорожную линию Крейцбург—Митава и выравнивало линию фронта. Дальнейшее наступление в направлении к г. Бауск было бы прямой угрозой не только флангу, но и тылу Яacobштадтской и Двинской групп противника. Этот участок являлся на всем фронте Рижского плацдарма единственно удобным для развертывания больших сил и для действия артиллерийских масс. Командующий фронтом считал, что столь выгодное для наступления стратегическое положение было бы крайне желательно использовать. Важнейшими объектами ударов Северного фронта являлись районы таких железнодорожных узлов, как Шавли и Вильно.

Но любое наступление летом 1917 г. фактически представляло собой покушение с негодными средствами — тот же Н. В. Рузский считал Двинск и Ригу двумя особенно распропагандированными гнездами. Например, переброшенный оттуда на Юго-Западный фронт 7-й Сибирский армейский корпус настолько разложился, что люди отказывались идти в атаку, а одного ротного командира подняли на штыки. Армия, по словам Н. В. Рузского, представляла собой сборную милицию, в составе которой много элементов пользовалось первым удобным случаем для брожения и пропаганды. Боеспособными войска оставались только там, где еще сохранились вера в начальников и спайка командного состава с солдатской массой<sup>7</sup>. На Северном фронте близость очага революционной пропаганды — Петрограда,

<sup>7</sup> Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 7. Кампания 1917 года. М., 1923. С. 38.

активная деятельность фронтовых агитаторов особенно сильно подрывали боеспособность войск.

Во всех армиях фронта проходили многочисленные митинги, на которых солдаты обсуждали вопрос о переходе в наступление и не желали начинать активные боевые действия. В 5-й армии отказывались наступать многие полки. В конце июня командование сообщало о полном падении дисциплины в армии, отсутствии осознания долга, что затрудняло перегруппировку войск, необходимую для предстоящей операции, подготовку плацдармов и т. п. Тем не менее войска 5-й армии Северного фронта генерала от инфантерии Ю.Н. Данилова должны были перейти в наступление на участке Медум—Скирна, нанося главный удар в общем направлении на Вильно.

8 июля после сильной артиллерийской подготовки перешла в наступление ударная группа 5-й армии у Якобштадта: 13-й и 14-й армейские корпуса, усиленные резервами (1-й армейский корпус) и артиллерией. Было создано значительное превосходство над противником — 6 русских дивизий наступали против двух германских дивизий Двинской группы, и именно в данной ситуации рельефно проявилась вся картина падения боеспособности русской армии. С одной стороны, разный уровень боеспособности соединений и частей привел к тому, что одна часть войск сражалась, а другая бездействовала. Так, 36-я пехотная дивизия овладела двумя линиями неприятельских окопов и, наступая на третью, повернула назад, 22-я пехотная дивизия (приданная 13-му армейскому корпусу) и 120-я пехотная дивизия 14-го армейского корпуса отказались наступать (в 120-й дивизии в атаку пошел только один батальон), 182-я пехотная дивизия бежала с поля боя (дивизия загонялась на плацдармы оружием, когда же по ее частям был открыт артиллерийский огонь, то они начали беспорядочную стрельбу в своих). С другой стороны, размежевание внутри русской армии привело к появлению ударных частей и частей «смерти». Именно они стали средством прорыва в то время, когда основная масса армии, разлагаясь, утрачивала боеспособность. В составе ударных батальонов собрались бойцы, верные долгу и желающие воевать — они служили примером верного исполнения присяги для остальной части полка или дивизии.

10 июля после сильной артиллерийской подготовки ударная группа 5-й армии Северного фронта у г. Якобштадта достигла некоторого тактического успеха, но обычные войска не поддержали успех ударников, отказались продолжать наступление и вернулись на исходные позиции. Якобштадтское наступление 8–11 июля 1917 г. начало затухать уже по-

сле первых суток боев. Ударная группировка армии осуществила тактический прорыв линии фронта противника, заняла первую линию его окопов и завязала бой за вторую. Но развить этот успех русские части не смогли вследствие усилившегося сопротивления войск противника и отсутствия резервов, необходимых для наращивания удара. Резервы были — они не хотели идти в бой. Потери 5-й армии составили до 13 тыс. человек — в основном они пришлись на верных долгу солдат и офицеров ударных частей. После нескольких неопределенных телеграмм Ставки о том, чтобы неудавшихся ударов не повторять, а развивать только хорошо удавшиеся и то лишь до завладения первым рубежом обороны противника, наступление прекратилось. Верховный главнокомандующий приказал всем фронтам от наступления отказаться и обратить все внимание на сохранение армии.

Наступление Северного фронта в направлении от Двинска на Вильно должно было быть связано по замыслу и по срокам с наступлением Западного фронта. Главный удар Западный фронт наносил 10-й армией в направлении на Вильно—Крево 9 июля 1917 г. Артиллерия фронта практически уничтожила укрепления врага. Войска, поднявшись в атаку, почти не встретили сопротивления, прошли две-три линии окопов, побывали на неприятельских батареях, сняли прицелы с орудий и вернулись назад. Препятствовавшие этому офицеры уничтожались. Главнокомандующий армиями Западного фронта А.И. Деникин писал: «Никогда еще мне не приходилось драться при таком перевесе в числе штыков и материальных средств. Никогда еще обстановка не сулила таких блестящих перспектив. На 19-верстном фронте у меня было 184 батальона против 29 вражеских, 900 орудий против 300 немецких; 138 моих батальонов введены были в бой против перволинейных 17 немецких. И все пошло прахом»<sup>8</sup>. За два дня боев 10-я армия потеряла до 40 тыс. человек, что составляло около половины всех введенных в сражение войск<sup>9</sup>.

В рамках оборонительной Рижской операции 19–24 августа русская 12-й армия Северного фронта противостояла германской 8-й армии. Целью операции для противника было взятие г. Риги с перспективами дальнейшего наступления на Петроград и овладения балтийским побережьем. Для прорыва был избран Икскюльский участок юго-восточнее города. Планировалась операция на окружение крупной группировки

<sup>8</sup> Деникин А.И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль—сентябрь 1917 г. Мн., 2002. С. 394.

<sup>9</sup> Кавтарадзе А.Г. Указ. соч. С. 117.



Схема 2. Рижская операция 1917 г.

Кавтарадзе А. Г. Рижская операция 1917 года // Военно-исторический журнал. 1967. № 9

русских войск. Район г. Риги в качестве центра приложения сил германской армии в кампании 1917 г. был избран не случайно. Операции в рижско-двинском районе осуществлялись в 1915–1916 гг. В 1917 г. к оперативным соображениям добавились политические. Генерал-фельдмаршал П. Гинденбург писал: «Наше наступление на Ригу вызывает в России беспокойство за участь Петербурга»<sup>10</sup>. Ударную задачу выполняла германская 8-я армия генерала пехоты О. фон Гутьера в составе трех корпусов (11 пехотных и 2 кавалерийские дивизии при двух тыс. орудий). Ударная группировка — 2-я гвардейская, 14-я баварская, 19-я резервная и 203-я пехотная дивизии.

<sup>10</sup> Гинденбург П. Указ. соч. С. 51.

План операции предусматривал форсирование р. Западная Двина в районе Икскюля, прорыв обороны русских войск на восточном берегу реки и развитие наступления в направлении Икскюль, Роденпойс, Хинценберг с целью окружения и уничтожения в районе Риги основных сил 12-й армии Северного фронта. Одновременно в Рижский залив через Ирбенский пролив предполагалось ввести германскую эскадру и высадить десант в устье р. Аа Курляндская.

Противостоящие противнику русские войска 12-й армии обороняли рижский плацдарм, прикрывавший на ТВД кратчайшее направление к Петрограду (командующий армией генерал-лейтенант Д. П. Парский). Армия в составе пяти армейских корпусов (13, 43 и 21-й армейские, 6-й и 2-й Сибирские армейские — 15 пехотных и стрелковых дивизий, 3 стрелковые бригады, 3 кавалерийские дивизии, кавалерийская бригада, Усть-Двинская крепость) занимала фронт протяжением свыше 200 км от побережья Рижского залива до разграничительной линии с 5-й армией у Фридрихштадта. На направлении главного удара германцев находился 43-й армейский корпус (109, 110 и 186-я пехотные дивизии, 2-я Латышская стрелковая бригада), обороняя боевой участок протяженностью в 32 км — по обоим берегам Западной Двины от Борземюнде до Огера. Оборона икскюльского плацдарма была возложена на 186-ю пехотную дивизию (справа от нее оборону занимала 110-я пехотная дивизия, а слева — 185-я пехотная дивизия 21-го армейского корпуса). Боеспособность 12-й армии оценивалась как слабая, на 4 августа общий некомплект армии составлял свыше 30 тыс. солдат (примерно 15% сил армии). Дисциплина в частях была низкая, но артиллерия была обеспечена боеприпасами в достаточной степени.

19 августа германцы начали артиллерийскую подготовку на направлении главного удара, а затем переправу войск. 2-я гвардейская дивизия противника быстро и почти без потерь переправилась на восточный берег Западной Двины напротив Икскюля и вклинилась в первую позицию русских войск. Части 186-й пехотной дивизии, оставив разрушенные артиллерией окопы, отступали через лес, наполненный ядовитыми газами от разрывов германских химических боеприпасов. Но дальнейшее продвижение германских гвардейцев встретило сопротивление частей 186-й пехотной дивизии. Попытки 14-й баварской дивизии форсировать реку на участке 21-го армейского корпуса провалились. В 13 часов командующий 12-й армией приказал командиру 43-го армейского корпуса силами 33-й, 136-й пехотных дивизий, 2-й Латышской стрелковой бригады и бригады 116-й пехотной дивизии нанести противнику контрудар и отбросить его на



западный берег реки. Однако сформировать ударную группу и осуществить контрудар одновременно всеми указанными силами не удалось, а разрозненные контратаки в основном успеха не имели.

20 августа противник возобновил наступление. Одновременно его тяжелая артиллерия начала обстрел Риги. 14-я баварская дивизия прорвалась на правом фланге русского 21-го армейского корпуса и отбросила части 185-й пехотной дивизии. В ночь с 20 на 21 августа германцы прорвали 2-ю линию русских оборонительных позиций.

Стойкость 2-й Латышской стрелковой бригады, остановившей наступавшую в направлении Роденпойс 2-ю гвардейскую дивизию противника, предотвратила окружение в районе Риги основных сил 12-й армии.

Не исчерпав всех возможностей обороны, командование 12-й армии в ночь на 21 августа приказало оставить позицию на р. М. Егель и отходить, что явилось первым шагом к сдаче Риги и началу отступления на север. 21 августа пала Рига, и войска 12-й армии беспорядочно отступали к Вендену, бросая артиллерию и военное имущество. Потери 12-й армии составили 25 тыс. человек (из них 15 тыс. пленными и пропавшими без вести). Наиболее тяжелые потери понесла 186-я пехотная дивизия — из 6575 человек боевого состава она потеряла 3283 человека, т.е. 50 % (742-й пехотный Поневежский полк погиб полностью — в нем осталось около 150 солдат, отравленных газами). Были утрачены 190 легких и 83 тяжелых орудия, 256 пулеметов, 185 бомбометов, 48 минометов. Потери германцев — до 5 тыс. человек<sup>11</sup>. Очевидны и неудовлетворительные действия русского командования, не сумевшего сгруппировать резервы и провести эффективную контратаку. Вновь на итоги операции оказало большое влияние состояние русской армии.

Германцы провели тактически успешную операцию, но оперативные цели были ими достигнуты в весьма ограниченном масштабе (приобретен рижский плацдарм с г. Ригой). 12-я армия в «котел» не попала, благополучно отойдя на заранее подготовленные Венденские позиции. Операция имела в основном политическое значение. В оборонительных боях 19–20 августа русские войска проявили достаточное упорство и сорвали планы германского командования по окружению и уничтожению в районе Риги основных сил 12-й армии.

В ходе последней на крайнем правом фланге ТВД комбинированной наземно-морской Моонзундской операции 29 сентября — 7 октября

<sup>11</sup> Кавтарадзе А.Г. Рижская операция 1917 года // Военно-исторический журнал. 1967. № 9. С. 123.

перевес в ресурсах на стороне атакующего над обороняющимся никогда еще не был столь значителен. Однако он не принес противнику ожидаемого результата. Стратегическая цель операции для противника заключалась в овладении Рижским заливом — важнейшим плацдармом в расчете на будущие операции. Кроме того, овладев островами, немцы лишали русское командование возможности использовать свою авиацию в Рижском заливе (аэродромы находились в основном на острове Эзель) и обеспечивали приморский фланг 8-й армии от любых неожиданностей. Господствовать в Рижском заливе мог только тот, кто владел островами Эзель и Моон — в этом и заключалось стратегическое значение островов для сухопутного фронта, примыкавшего одним флангом к Рижскому заливу. Моонзундская укрепленная позиция являлась важным элементом в системе русской обороны на ТВД — владение Моонзундом обеспечивало коммуникации в Рижском заливе, позволяло успешно оборонять Ирбенский пролив, а также содействовать флангу Северного фронта, действуя против левого фланга немецких войск. С захватом же Моонзундской позиции немцы становились полными хозяевами в Рижском заливе, приобретали отличную базу для своего флота в устье Финского залива, охватывали южный фланг Передовой минно-артиллерийской позиции Балтийского флота (находился в оперативном подчинении командования Северного фронта). Кроме того, подвергалось непосредственной угрозе западное побережье Эстляндии — в направлении на Ревель, Пернов — т.е. в глубокий тыл армий Северного фронта.

Главная уязвимость Моонзундской позиции — доступность для вражеского десанта (почти все побережье благоприятствовало высадке), чем противник не преминул воспользоваться. Наиболее уязвимым местом Моонзундского архипелага был Соэлозунд — пролив, разделяющий самые большие острова архипелага — Эзель и Даго и ведущий из Балтийского моря во внутренние воды Моонзунда. Соответственно, главная тяжесть обороны островов лежала на их гарнизоне, недостаточном как в количественном, так и в качественном плане, а к осени 1917 г. еще и полностью разложившемся морально-психологически. Развернутый за минно-артиллерийскими позициями русский флот представлял из себя серьезную боевую силу, способную в любой момент выйти в море и напасть как на совершающий морской переход, так и на высаживающийся десант противника. Но, с одной стороны, его боеспособность была также подорвана революционными событиями, а с другой — имея, благодаря Кильскому каналу, возможность перебрасывать на Балтику корабли любых классов, немцы сосредоточили к началу Моонзундской операции крупные силы и средства из состава флота

Открытого моря. Противник привлек к участию в операции свыше 300 кораблей, 6 подводных лодок, 6 дирижаблей, 102 самолета, до 25 тыс. человек десанта при 40 орудиях, 80 минометах, 220 пулеметах. Десант был принят на транспорты в г. Либаве<sup>12</sup>.

С русской стороны в Моонзундской операции принимали непосредственное участие морские силы Рижского залива: всего около 150 кораблей, в их составе — 2 устаревших линейных корабля, 3 старых крейсера, 12 новых эсминцев и 14 старых эсминцев, 3 английские подводные лодки, 3 канонерские лодки, сторожевые и вспомогательные суда, транспорты и др. (вспомогательных судов около 100). В ходе операции подошли подкрепления, включая несколько эсминцев. Морские силы Рижского залива, как и весь русский флот в 1917., благодаря плохо законченным ремонтным работам и почти полному отсутствию постоянного и правильного наблюдения командного состава за материальной частью, были в значительно худшем состоянии, чем в предыдущие годы.

Характеризуя русские оборонительные позиции, необходимо отметить, что редкие минные поля, выставленные на подходах к Соэлозунду и у бухт, не могли служить для противника серьезным препятствием. В Ирбенском проливе полноценной минной позиции фактически не было. Большинство береговых батарей стояли не замаскированы, а самая оборудованная и большая гидроавиационная станция находилась в непосредственной близости от бухты Тагалахт — в полосе вероятного удара противника.

Авиация состояла из 36 самолетов. Береговых батарей насчитывалось 39 (калибра 47–305 мм), но половина из них — зенитные. На моральное состояние гарнизонов островов (в основном это части 107-й и 118-й пехотных дивизий, пограничники, саперы — всего 15 батальонов, 5 эскадронов, 140 пулеметов, 60 орудий<sup>13</sup>) наложили отпечаток общее разложение и падение дисциплины в русской армии, недоверие к офицерам, вмешательство комитетов во все стороны проведения боевых операций. Не лучшим было и состояние личного состава флота. 29 сентября началась высадка десанта на острова архипелага. 3 октября в Рижский залив вошла эскадра вице-адмирала П. фон Бенке (линейные корабли «Кениг» и «Кронпринц», легкие крейсера «Кольберг» и «Страсбург», 17 эскадренных миноносцев и др.). Решающую роль сыграл прорыв германских эсминцев через Соэлозунд на Кассарский плес.

<sup>12</sup> Чиввиц А. фон. Захват балтийских островов Германией в 1917 г. М., 1937. С. 35.

<sup>13</sup> Пухов А.С. Моонзундское сражение. Л., 1957. С. 38–40.

Сопrotивление русских войск носило очаговый характер, и 6 октября командование Балтийского флота с согласия Центробалта полностью эвакуировало острова.

В ходе Моонзундской операции германский флот потерял 26 боевых и вспомогательных кораблей и судов (в том числе 11 миноносцев и эсминцев и 6 тральщиков) — или 20% корабельной группировки на начало сражения, 25 кораблей получили повреждения, русскими было сбито 5 самолетов, погибло около 400 солдат десанта и моряков<sup>14</sup>. Во многом в результате высоких потерь германское командование отказалось от плана прорыва флота в Финский залив.

Русские войска потеряли 20 тыс. человек пленными, 140 орудий, 130 пулеметов, 15 минометов, 10 самолетов, 2 броневтомобилия. Погибли линейный корабль «Слава» и эсминец «Гром» («Слава» была уничтожена собственным экипажем ввиду невозможности провести линкор через недостаточно глубокий фарватер).

Успех с германской стороны проявился лишь в вытеснении русских в Финский залив. Хотя сопротивление русских войск было слабым, возможности оставленных позиций далеко себя не исчерпали. Фактически были заняты острова Эзель, Даго, Моон, германский флот прорвался в Рижский залив, а русские войска оставили Моонзундский архипелаг.

Традиционно стратегически второстепенный, в ходе второй половины кампании 1917 г. Прибалтийско-Белорусский ТВД имел ключевое значение. Неудачи русских войск и флота в ходе Рижской и Моонзундской операций привели к серьезному изменению стратегической обстановки, выведя противника на исходные позиции для решающего броска к Петрограду.

### Галицийский ТВД

Данный ТВД летом 1917 г. имел центральное значение в кампании — и именно от судьбы летнего наступления во многом зависел ее исход. Юго-Западный фронт наносил главный удар. Наступление вели четыре армии (с севера на юг): Особая, 11, 7 и 8-я. Главный удар наносили 11-я и 7-я армии. 11-я — на Львов, 7-я — на Бобрки через Бржезаны, охватывая с двух сторон войска австро-венгерской 2-й и германской Южной армий. 8-й армии ставилась задача наступать вдоль Карпатского хребта на

<sup>14</sup> Чивилиц А. фон. Указ. соч. С. 176.

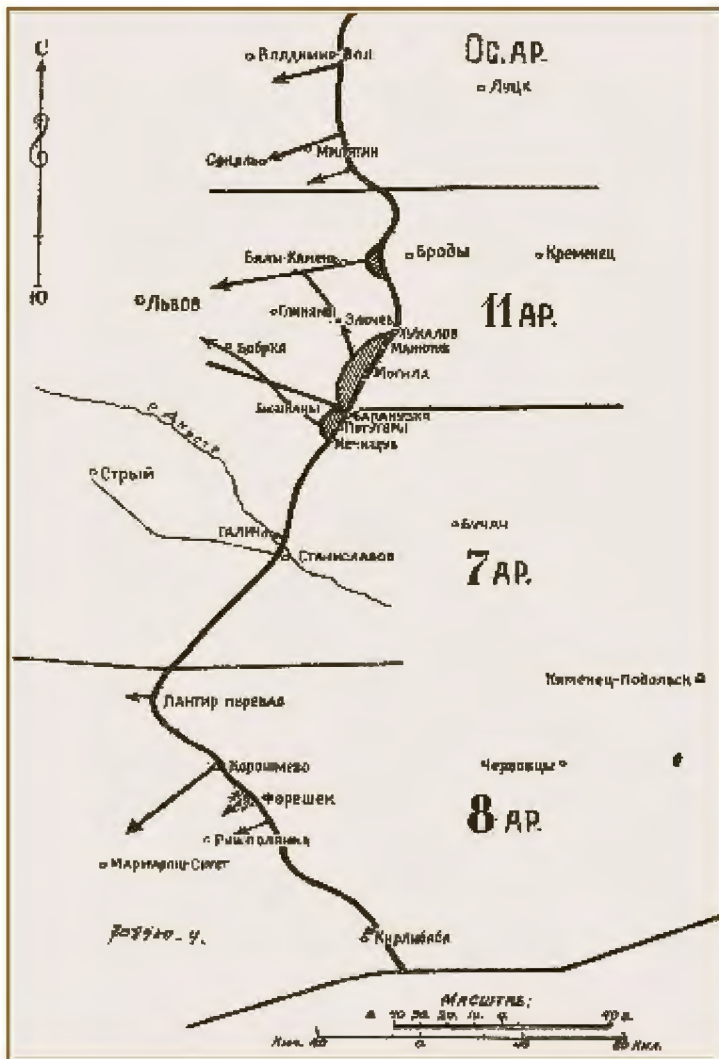


Схема 3. Юго-Западный фронт и планы летнего наступления 1917 г.  
 Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 7. Кампания 1917 года. М., 1923

Калуш и Болехув, отбрасывая австро-венгерскую 3-ю армию за р. Стрый. Особой армии предстояло сковать группу армий генерал-полковника А. фон Линзингена.

Подготовка к наступлению была самой тщательной: в полосе протяженностью более чем в 100 км удалось сосредоточить 52 пехотные и 8 кавалерийских дивизий при поддержке 1114 орудий. Управление артиллерийскими средствами было полностью централизовано, при подготовке к наступлению применялись новейшие методы разведки. На участках прорыва русские войска превосходили противника по численности в 3 раза, по артиллерии — в 2 раза. Войска Юго-Западного фронта насчитывали свыше 1 млн человек, имели около

7 тыс. пулеметов, 2,2 тыс. бомбометов, 568 минометов, 3,5 тыс. орудий, 226 аэропланов<sup>15</sup>.

Противник — 7-я австро-венгерская армия, Группа армий генерал-полковника Э. фон Бём-Эрмолли (2-я австро-венгерская, Южная германская армии), Группа армий генерала пехоты А. фон Линзингена — насчитывал свыше 300 тыс. человек личного состава, имел более 4 тыс. пулеметов, 2,7 тыс. орудий, 226 аэропланов<sup>16</sup>.

Классическое превосходство наступающих русских войск над противником 3 к 1 имело бы место, если бы все соединения и части Юго-Западного фронта обладали примерно равной боеспособностью, но боевые качества большинства русских корпусов и дивизий стремительно приближались к нулю. Командованию Юго-Западного фронта пришлось различными способами поднимать боеготовность и дееспособность войск, формировались ударные части из офицеров и лучших солдат, боевые порядки войск насыщались техникой. Впервые за войну расход боеприпасов был не ограничен и на действия артиллерии (как и кавалерии, наименее разложившегося рода войск) ложился значительный объем выполняемых задач.

Структурно операция включала в себя следующие этапы: 1) Тарнопольский прорыв 16–30 июня; 2) контрнаступление австрийцев и германцев — 1–15 июля. 18 июня после двухдневной артподготовки, сровнявшей вражеские окопы с землей, 11-я и 7-я армии перешли в наступление. В сфере действительного огня противника наступление велось в основном ударными частями, остальная пехота неохотно следовала за ними. Благодаря результативному артиллерийскому огню и действиям отборных частей в первые два дня наступления был достигнут тактический успех — захвачены 2–3 линии окопов противника. Вскоре продвижение замедлилось: войска стали обсуждать приказы и митинговать. Ушедшие вперед ударные части без поддержки главной массы войск в основном погибли. Но неожиданно для командования успех пришел в полосе 8-й армии (против австро-венгерской 3-й). 23 июня 16-й армейский корпус овладел южнее г. Станиславова передовыми позициями противника, а на следующий день удачно отразил контратаки, чем сковал его силы и отвлек внимание.

25 июня правофланговый 12-й армейский корпус, наносивший в армии главный удар, севернее г. Станиславова успешно прорвал оборону противника на всю глубину, разгромил 26-й австро-венгерский корпус и

<sup>15</sup> Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2003. Оп. 1. Д. 599. Л. 3–45.

<sup>16</sup> Österreich-Ungarns letzter Krieg 1914–1918. Bd. VI. Wien, 1936. Beilage 13.

взяв в плен 131 офицера и 7 тыс. солдат, захватил 48 орудий. 27 июня соединения 8-й армии заняли г. Галич, на следующий день — г. Калуш. Но, не имея резервов для наращивания успеха и достаточного количества боеприпасов, войска 8-й армии вынуждены были приостановить продвижение. Противник оказался в критическом положении и организовал контрудар.

Из Франции 30 июня отправились 7 отборных дивизий. Был создан так называемый Злочевский отряд (12 дивизий, из них 11 немецких — 92,5 тыс. пехоты, 2,4 тыс. сабель, 935 орудий, 1173 пулемета)<sup>17</sup>. Перед ним ставилась задача нанести удар по левому флангу 11-й армии в общем направлении на Тарнополь.

6 июля Злочевский отряд перешел в контрнаступление, нанося главный удар вдоль железной дороги Львов—Тарнополь. Отряд силами девяти дивизий на фронте 20 км прорвал восточнее Злочева оборону 11-й армии, части которой не проявили стойкости и начали отступление. Противник устремился в образовавшийся прорыв, развивая успех в юго-восточном направлении. К вечеру 8 июля 11-я армия отошла к р. Серет, что вынудило и командующего 7-й армией начать отвод армии на восток. Русские войска почти не оказывали сопротивления, откатываясь назад. 9 июля против соединений 11, 7 и 8-й армий Юго-Западного фронта перешла в наступление вся группа войск генерал-полковника Э. Бём-Эрмоли. Вследствие отхода 7-й армии начала отступление и 8-я армия, оставив без боя Галич и Калуш. 10 июля противник на левом фланге 11-й армии форсировал р. Серет. 11 июля шли бои за г. Тарнополь. К 14 июля русские войска отошли на государственную границу (р. Збруч). Противника сдерживали только кавалерия и отдельные, не потерявшие боеспособности пехотные части, в то время как остальные обсуждали на митингах и в комитетах боевые приказы, а чаще всего вообще отказывались их выполнять и неудержимым потоком устремлялись в тыл. Однако дальнейшее наступление немцев было приостановлено.

Русские войска наносили контрудары (19 июля у Гусятина 34, 41 и 22-м армейскими корпусами были опрокинуты и отброшены за р. Збруч германский Бескидский и австро-венгерский 25-й корпус, а 23 июля 3-й Кавказский армейский корпус 8-й армии опрокинул германский 27-й), но общей картины это уже не меняло.

В самой крупной операции кампании — июньском наступлении войск Юго-Западного фронта противник понес значительные потери — 37 тыс.

<sup>17</sup> Wagner A. Der Erste Weltkrieg. Wien, 1993. S. 261.

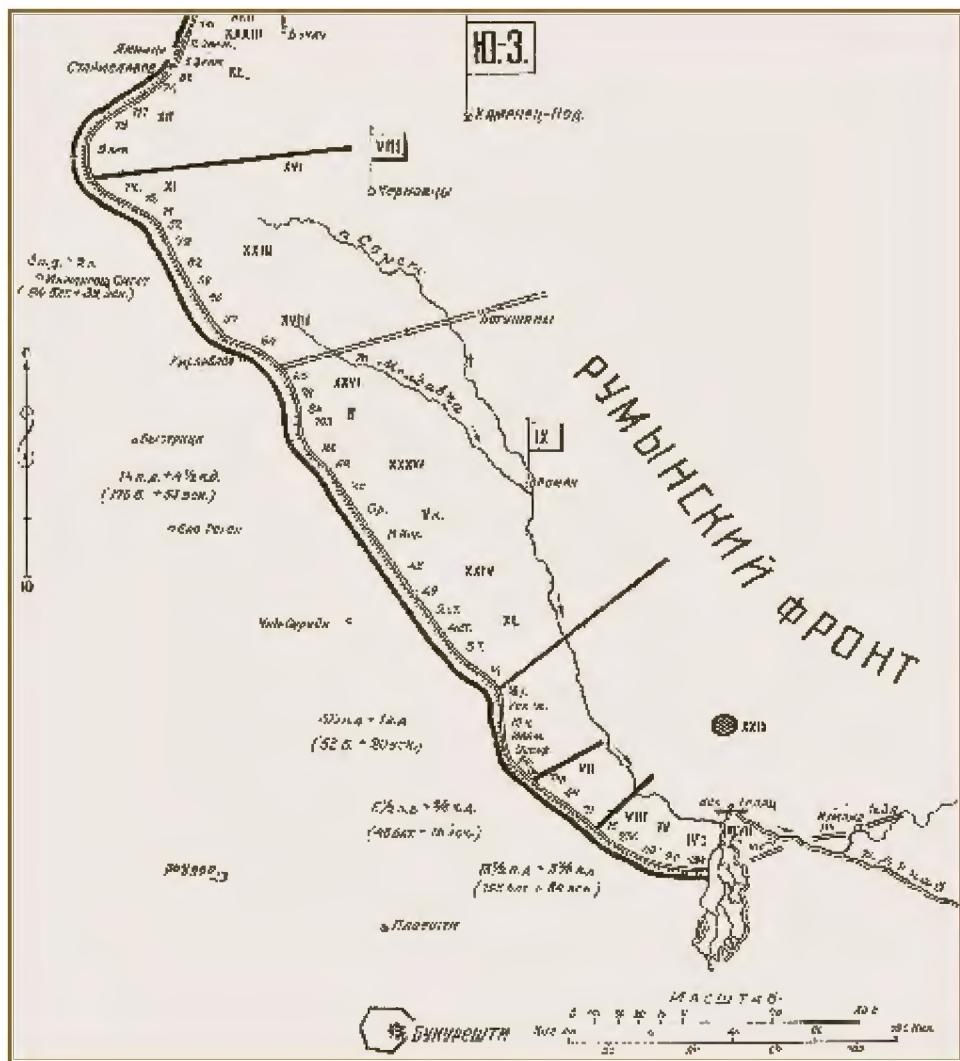


Схема 4. Румынский фронт.

*Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 7. Кампания 1917 года. М., 1923*

пленных<sup>18</sup>, 45 тыс. убитых и раненых. По австрийским данным, только Южная германская армия и лишь за период 16–23 июня потеряла свыше 12,5 тыс. человек (5444 германца, 4556 австрийцев, 2526 турок)<sup>19</sup>.

В ходе июньского наступления Юго-Западного фронта русские войска захватили 121 орудие, 99 минометов, 403 пулемета. Армии Юго-Западного фронта с 18 июня по 6 июля потеряли около 50 тыс. убитыми и ранеными, свыше 8 тыс. пленными и пропавшими без вести, 257 орудий, 191 миномет, 546 пулеметов, 14 броневозов и 2 бронепоезда.

<sup>18</sup> РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 618. Л. 180.

<sup>19</sup> Österreich-Ungarns Letzter Krieg 1914–1918. Bd.VI. Wien, 1936. S. 258.



Противник оценил потери 8-й русской армии за всю операцию в 40 тыс. бойцов<sup>20</sup>.

Галицийский ТВД был центральным и в ходе кампании 1917 г. — как по количеству задействованных сил и средств, так и по стратегическому замыслу. Войска на остальных ТВД в ходе летнего наступления выполняли вспомогательные задачи.

### Румынский ТВД

На начало 1917 г. 9, 6, 4-я русские (36 пехотных и 11 кавалерийских дивизий) и 2-я румынские армии (всего 467 тыс. человек, 2,2 тыс. орудий) противостояли 1-й австрийской армии, германской армии Ф. Герока (фронт эрцгерцога Иосифа Августа), 9-й германской, германской Дунайской и 3-й болгарской армиям (фронт фельдмаршала А. фон Макензена). 4-й и 6-й русским армиям совместно с 1-й и 2-й румынскими армиями в ходе летнего наступления предстояло разгромить противника в районе Фокшан и занять Добруджу, а 9-й русской армии — сковать противника в Карпатах. Совместное наступление русских и румынских войск на Румынском фронте, начавшееся 7 июля, первоначально развивалось успешно.

11 июля после почти двухдневной артиллерийской подготовки перешли в наступление 2-я румынская (под командованием генерала А. Авереску) и 4-я русская (под командованием генерала А. Ф. Рагозы) армии в общем направлении на Марешты. Русско-румынские войска прорвали оборону противника на всю глубину, но А. Авереску в условиях пересеченной и горной местности не сумел организовать преследования отступающего противника. На следующий день операция развивалась также успешно. В районе Намолосы, на направлении главного удара фронта, началась артиллерийская подготовка, вслед за которой должны были перейти в наступление 1-я румынская (командующий генерал Кристеску) и 6-я русская (командующий генерал А. А. Цуриков) армии. Но 12 июля напуганный падением Тарнополя и продолжающимся отступлением армий Юго-Западного фронта А. Ф. Керенский приказал отменить наступление<sup>21</sup>. За два дня боев было захвачено 4 тыс. пленных и 40 орудий<sup>22</sup>.

<sup>20</sup> Wagner A. Op. cit. S. 260.

<sup>21</sup> Кавтарадзе А.Г. Июньское наступление русской армии в 1917 году... С. 117.

<sup>22</sup> Виноградов В.Н. Румыния в годы Первой мировой войны. М., 1969. С. 216.

Однако румынский король Фердинанд все же предписал А. Авереску продолжать наступление на Марешты. В боях 13 и 14 июля румынские войска, поддерживаемые сильной артиллерией 4-й русской армии, успешно завершили сражение. С 25 июля фронту была передана 8-я русская армия. После ожесточенных августовских боев (отражено наступление 9-й германской армии) на Румынском фронте наступило относительное затишье. Бои июля — августа стоили германцам 47 тыс. человек. Потери румынских войск составили 27,5 тыс., а русских — 25 тыс. человек<sup>23</sup>.

К началу кампании 1917 г. императорская Ставка отчетливо видела перспективность Румынского ТВД, но Верховное командование в послереволюционный период проглядело все возрастающую стратегическую значимость данного ТВД (особенно в июле—августе) и не смогло нарастить стратегические усилия на этом крайне перспективном и успешном в данный период боевых действий театре.

### Кавказский и Персидский ТВД

Кавказская армия из-за чрезвычайно суровой зимы 1916/17 г. активных действий не вела. Чтобы не нести лишних потерь от морозов и болезней, ее командующий генерал от инфантерии Н.Н. Юденич оставил на достигнутых рубежах лишь боевое охранение, а главные силы разместил в долинах по населенным пунктам. В начале марта 1917 г. 1-й Кавказский кавкорпус генерала Н.Н. Баратова разгромил персидскую группировку турок и, захватив в Персии важный узел дорог Синнах (Сенендедж) и город Керманшах, двинулся на юго-запад к Евфрату навстречу англичанам. В середине марта части 1-й Кавказской казачьей дивизии и 3-й Кубанской дивизии, преодолев более 400 км, соединились с союзниками у Кизыл Рабата (Ирак). Турция потеряла Месопотамию. После Февральской революции активные боевые действия русской армией на турецком фронте не велись.

Намеченные в 1917 г. действия русских войск на Кавказе должны были стать образцом взаимодействия с союзниками. Так, операции изначально планировались в тесном взаимодействии с англичанами (экспедиционная армия генерала Ф.С. Мода). План русских операций предусматривал нанесение удара по туркам с целью не допустить переброски их войск в

<sup>23</sup> Там же. С. 217.

Галицию и на Балканы, а в дальнейшем наступательно действовать на Месопотамском фронте. Революция не дала осуществиться этим замыслам, но активно действовали на багдадском направлении корпус Н.Н. Баратова и отряд генерала А.М. Назарова. Фактически действия Н.Н. Баратова у Ханекина привели к установлению боевой связи с союзниками и образованию еще одного межсоюзного фронта. Предполагалось создать 2-ю Кавказскую армию во главе с упомянутым генералом — настолько важным представлялось это направление.

С марта 1917 г. русские и английские войска действовали совместно, и по предложению англичан начала готовиться Мосульская операция. Для операции предназначались 7-й кавказский армейский и 1-й кавказский кавалерийский корпуса. Наступление было запланировано на июнь, в тесном взаимодействии с британцами. Революционный развал затормозил проведение операции, она была отложена на весну 1918 г. После заключения большевистским правительством в декабре 1917 г. перемирия со странами Четверного союза боевые действия Кавказской армии прекратились окончательно.

Таким образом, в ходе кампании 1917 г. Галицийский ТВД выполнял ударную задачу, а Прибалтийско-Белорусский, Румынский и Кавказский ТВД являлись вспомогательными. Ключевой, по моему мнению, тенденцией было смещение стратегической важности ТВД на фланги Восточного фронта — к Румынскому и Прибалтийско-Белорусскому ТВД. Однако Верховное командование русской армии, находящееся в состоянии революционной кадровой чехарды, не смогло разглядеть это важное обстоятельство, что было одной из причин военного поражения в кампании.

Летние бои 1917 г. без видимых результатов выбили лучшие части русской армии. Эти операции характеризовались как высшим развитием ее технической составляющей, так и неспособностью использовать достигнутые результаты вследствие ее разложения. Успешное с тактической точки зрения, летнее наступление 1917 г. ознаменовалось тяжелыми стратегическими последствиями. Очевидно, что в полной мере реализовать стратегическое планирование Ставки в послереволюционных условиях возможности уже не было. Огромное влияние на ход и исход кампании оказало падение боеспособности русских войск. Но даже в ситуации утраты боеспособности русская армия продолжала удерживать против себя значительные силы противника, наносить им потери — выполняя тем самым союзнический долг. Показательны в этом смысле июньское наступление Юго-Западного фронта, июльско-августовские операции на Румынском фронте, Моонзундская операция.

Последнее наступление русской армии позитивно сказалось на положении дел на Французском фронте — в очередной раз она помогла оттянуть на себя силы противника и облегчить положение французов, оправляющихся после революционных выступлений в своей армии весной 1917 г. Всего, пользуясь пассивностью западных союзников России, противник в период русского наступления перебросил на восток до 13 германских (из них 11 с Французского фронта) дивизий и 3 австро-венгерские дивизии с Итальянского фронта.

Если в августе 1917 г. против России было сосредоточено 150 пехотных дивизий противника (из 358 дивизий) — до 42% (с германскими дивизиями на русско-румынском фронте 43%), то в ноябре — 128 пехотных дивизий (из 366 дивизий) — 35% (с германскими дивизиями на русско-румынском фронте 37%). Именно на август 1917 г. приходится количественный максимум соединений стран германского блока, выставленных против России. Еще в ноябре 1917 г. практически прекративший свое существование Восточный фронт притягивал к себе более 70 германских пехотных дивизий. И это не считая конницы и австро-венгерских войск.

В кампании 1917 г. германцы потеряли до 350 тыс. (при 900 тыс. на других фронтах) человек — 28% от всех потерь пришлось на Румынский фронт. Австрийцы около 150 тыс. человек потеряли на Румынском фронте (при 316 тыс. на других фронтах) — 32%. Относительно невелики были потери турок и болгар.

Общие потери русской армии в 1917 г. на всех фронтах оцениваются примерно в 400 тыс. человек. В ходе кампании 1917 г. русские войска захватили значительные трофеи — до 100 тыс. пленных австрийцев и более 20 тыс. пленных германцев, 200 орудий и до 500 пулеметов<sup>24</sup>. Но, вынеся бремя войны в самые тяжелые годы, Россия лишилась лавров победителя. День 3 марта 1918 г., когда был подписан Брест-Литовский мирный договор между РСФСР и Центральными державами, считается днем окончания участия России в Первой мировой войне — хотя русские воинские контингенты продолжали борьбу с врагом в составе армий союзников, а ТВД бывшего Восточного фронта продолжали удерживать значительное количество австро-германских войск.

Германское Верховное командование все еще держало здесь значительные силы даже в период тяжелых и судьбоносных боев во Франции 1918 г. В период последнего германского наступления на Западе весны—лета

<sup>24</sup> Олейников А.В. Захвачены в бою. Трофеи русской армии в Первой мировой. М., 2015. С. 180, 264.

1918 г. здесь были сосредоточены до 50 германских дивизий (при 193 на Французском фронте), чем оказали неоценимую и последнюю помощь своим бывшим союзникам. Именно этих дивизий не хватило Э. фон Людендорфу в последнем броске, и их отсутствие в нужный момент на Французском фронте было фатальным для немцев обстоятельством и их последней ошибкой стратегического масштаба.





## REFERENCES

1. *Vinogradov V. N.* Rumynia v gody Pervoi mirovoi voyny [Romania during the First world war]. M., 1969. 370 p.
2. *Voitinsky V.* Padenye Rigi [The Fall of Riga]. Pg., 1917. 23 p.
3. *Draudin T. Y.* Boevoi put latyschskoy strelkovoi divizii v dni Oktybrya i v gody Grazdanskoi voyny (1917–1920) [The battle path of the Latvian rifle division in the days of October and during the Civil war (1917–1920)]. Riga, 1960. 155 p.
4. *Kavtaradse A. G.* Iunskoe nastuplenie russkoi armii v 1917 godu [The June offensive of the Russian army in 1917] // Military history journal. 1967. № 5. P. 111–118.
5. *Melikov V. A.* Strategicheskoe rasvertyvanie po opytu Pervoi imperialisticheskoi voyny 1914–1918 rr. i Grazdanskoi voyny v SSSR [Strategic deployment based on the experience of the First imperialist war of 1914–1918 and the Civil war in the USSR]. T. 1. M., 1939. 527 p.
6. *Oleinikov A. V.* Zachvacheny v bou. Trofei russkoi armii v Pervoi mirovoi [Captured in battle. Trophies of the Russian army in the First world]. M., 2015. 352 p.
7. *Perepelovskii K.* Rol i snachenie Russkogo fronta po inostrannym voennym istochnikam [The role and importance of the Russian front by foreign military sources] // Voennay byl. 1971. № 112. P. 1–6.
8. *Ritter X.* Kritika mirovoi voyny [Criticism of world war]. Pg., 1923. 201 p.
9. Strategicheskii ocherk 1914–1918 gg. [Strategic review of the war 1914–1918]. Part 7. M., 1923. 189 p.
10. *Fomin M.* Batallion smerty 38 pechotnoi divizii [The death battalion of the 38th infantry division] // Voennay byl. 1996. № 8 (137). P. 26–31.
11. *Chishvits A. Fon.* Zachvat baltiyskikh ostrovov Germaniei v 1917 g. [The capture of the Baltic Islands with Germany in 1917]. M., 1937. 179 p.
12. *Wagner A.* Der Erste Weltkrieg. Wien, 1993. 420 s.

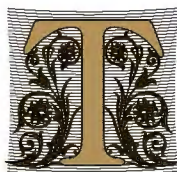


### Ключевые слова:

Восточный фронт Первой мировой войны, Северный фронт, Западный фронт, Юго-Западный фронт, Румынский фронт, Кавказский фронт; Летнее наступление, Рижская операция, Моонзунд.

Alexey V. Oleynikov

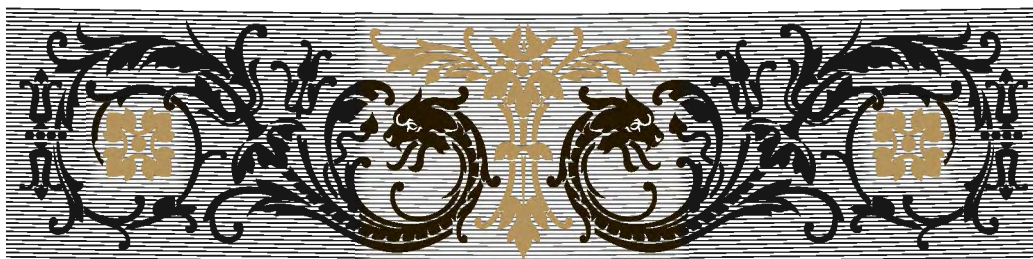
## THE WAR THEATERS OF RUSSIAN IMPERIAL ARMY'S 1917 CAMPAIGN: STRATEGIC AND OPERATIONAL CONTEXT



The article offers an overview of the strategic and operational context of the Russian Army 1917 campaign war actions — the focus falls on the war theaters of the Eastern Front. The impact of certain operations on corresponding war theaters to the outcome of the armed confrontation is defined. Actions of Russian Army troops had a positive effect on the state of affairs on the French Front and turned to be the final strike to defeat the common enemy.

 Олейников Алексей Владимирович 

доктор исторических наук,  
профессор кафедры истории России  
Астраханского государственного университета



А.В. Венков<sup>1</sup>

## СОБЫТИЯ 1917 Г. В РОССИИ И КАЗАКИ<sup>2</sup>



онных частей к февралю 1917 г. в русской армии было вполне достаточно для обеспечения наступательных действий — 48 конных дивизий, 75 отдельных полков, 5 отдельных дивизионов, 274 отдельные сотни. Всего 1754 эскадрона и сотни. Для развития наступления на Кавказском фронте была проведена концентрация конных частей за счет конницы, воюющей на западном направлении. 20 февраля 1917 г. Генеральный штаб дал указание Главному управлению Генштаба по устройству и службе войск. В нем было предписано в целях усиления Кавказского фронта конницей из казачьих полков корпусной конницы и нескольких отдельных казачьих сотен Западного театра военных действий срочно сформировать 7, 8, 9-ю Донские и 2-ю Оренбургскую казачьи дивизии. Многие казачьи полки стали выводиться с линии фронта в тыл для соответствующего переформирования. Непосредственный приказ о формировании трех новых казачьих дивизий

<sup>1</sup> Работа выполнена в рамках реализации государственного задания ЮНЦ РАН на 2017 г. (проект № 0256-2014-0012, госрегистрация № 01211354248).

<sup>2</sup> Начало см.: Венков А.В. Донские казаки и начало Первой мировой войны // Исторический вестник. 2014. № 8. С. 84–101; Он же. Донские казаки в кампании 1915 г. // Исторический вестник. 2015. № 14. С. 80–99; Он же. Донские казаки в Первой мировой войне (кампания 1916 года) // Исторический вестник. 2016. № 18. С. 72–85.



из донских полков для переброски их на Кавказ последовал 9 марта 1917 г.<sup>3</sup> С Северного фронта были сняты и отправлены в тыл 39-й и 45-й Донские казачьи полки; с Западного фронта — 34, 36, 44, 46, 48, 51-й Донские казачьи полки, 7, 10 и 11-я отдельные Донские казачьи сотни. В результате на Западном фронте осталось всего три донских казачьих полка. С Юго-Западного фронта в тыл направлялись 21, 22, 58-й Донские казачьи полки, 9-я и 12-я отдельные Донские казачьи сотни, а с Румынского фронта — 35-й, 41-й Донские казачьи полки и 27-я отдельная Донская казачья сотня.

Сначала местом формирования новых казачьих дивизий планировался Казанский военный округ, но затем формирование дивизий из выведенных в тыл полков было перенесено в область Войска Донского. Штаб 7-й Донской казачьей дивизии (21, 22, 34, 41-й Донские казачьи полки) разместился в станице Урюпинской, окружной станице Хоперского округа. Штаб 8-й Донской казачьей дивизии (35, 36, 39 и 44-й Донские казачьи полки, а также 7, 10, 27-я отдельные Донские казачьи сотни) разместился на станции Миллерово (Донецкий округ). Штаб 9-й Донской казачьей дивизии (45, 48, 51 и 58-й Донские казачьи полки, 9, 11, 12-я отдельные Донские казачьи сотни) располагался в станице Аксайской (Черкасский округ)<sup>4</sup>. Из всех вышеназванных казачьих полков лишь один — 44-й — оказался на территории своего округа, в непосредственной близости от родных станиц. Видимо, командование не хотело «расхолаживать» казаков перед отправкой на новый фронт.

Донская казачья пешая бригада, наоборот, в мае 1917 г. была выведена с Кавказского фронта на Дон. По прибытии на родину 6-й отдельный Донской казачий пеший батальон был дислоцирован в столичном Новочеркасске, а прочие — по линии железной дороги на Царицын<sup>5</sup>.

Другой причиной вывода казачьих частей в тыл после Февральской революции была попытка втянуть их в политическую борьбу, и иногда это удавалось. Первоочередные 1-й Донской казачий полк и 4-й Донской казачий полк стояли в Петрограде и считались наиболее надежными частями.

На фронте казаки тоже отличались дисциплиной. Генерал П.Н. Краснов вспоминал, что возглавляемая им 2-я Сводно-казачья дивизия после революции сохраняла боеспособность пока стояла на позиции в непосредственной близости к неприятелю<sup>6</sup>.

<sup>3</sup> Рыжкова Н.В. Донские казаки в войнах России начала XX века. Ростов н/Д., 2003. С. 284.

<sup>4</sup> Там же. С. 285.

<sup>5</sup> Там же. С. 282.

<sup>6</sup> Краснов П.Н. На внутреннем фронте; Всевеликое войско Донское. М., 2016. С. 3.

Именно поэтому казаков привлекали наводить порядок среди разложившихся пехотных частей. В начале мая 1917 г. на «усмирение» волнений на фронте были направлены 24 казачьих полка, среди них около половины составляли донцы<sup>7</sup>.

В итоге, когда настало время перейти в наступление, казачьих частей в ударной группировке русских войск было явно недостаточно. В основную ударную группировку входили: Забайкальская и Оренбургская казачьи дивизии, 9-я и 11-я кавалерийские дивизии, Сводная кавалерийская дивизия<sup>8</sup>. В составе этих дивизий был лишь один донской полк — 12-й Донской казачий (в 11-й кавалерийской дивизии). Еще два полка — 31-й и 42-й Донские — участвовали в боях в качестве корпусной конницы (приданной пехотным корпусам), в качестве дивизионных и корпусных конвоев участвовали в боях 9, 14, 30-я отдельные Донские сотни и 10, 23, 51, 55 и 57-я особые Донские сотни<sup>9</sup>.

18 июня 1917 г. русская армия перешла в наступление. Большого успеха достигла 8-я армия, наступавшая южнее Станиславова. Ее войска прорвали австро-венгерский фронт, взяли Калуш и вышли на р. Ломница.

В критический момент, когда наступавшие войска под влиянием большевистской антивоенной пропаганды остановились, вспыхнуло восстание в Петрограде. Находившиеся в Петрограде 1-й и 4-й Донские полки послали свои сотни для охраны Зимнего дворца, где в 23 часа 3 июля были впервые обстреляны восставшими. 4 июля в 21 час взвод казаков 1-го Донского полка, вызванный на охрану Таврического дворца, был обстрелян. 6 казаков погибли. Оставшиеся казаки в казармах начали рваться на улицу для поддержки однополчан. Появление отряда казаков у Государственной думы вызвало панику среди осаждавших ее многочисленных вооруженных людей. Бросая оружие, дав друг друга, они бросились бежать по разным направлениям. Всего во время июльских событий погибли 9 казаков и 1 казачий офицер<sup>10</sup>.

Временное правительство объявило казаков спасителями родины и революции. В приказе от 2 августа, подписанном военным министром А.Ф. Керенским, было сказано также: «В февральские дни государственного переворота вы одни из первых присоединились к восставшему народу. С этого момента вы оставались и, я верю, останетесь неизменно верными

<sup>7</sup> Казачьи думы. 1923. № 3. С. 3.

<sup>8</sup> Нокс А. Вместе с русской армией. Дневник военного атташе. 1914–1917. М., 2014. С. 576.

<sup>9</sup> Рыжкова Н.В. Указ. соч. С. 201–202.

<sup>10</sup> Селезнев Ю.В. 1917 г. и казаки. Ростов н/Д., 2009. С. 353, 419, 526, 641–642.



На следующий день после обстрела казаков.  
Петроград. Литейный проспект. 5 июля 1917 г.

революции, отважно защищая от всяких посягательств завоевания революции и великую будущность нашей свободной России»<sup>11</sup>.

Немцы, воспользовавшись передышкой, перебросили с запада 11 дивизий и остановили русское наступление. 6 июля они сами перешли в контр-наступление. Русские части отошли на линию Броды—Збараж—Гржималов—Боян—Кимполунг. Казаки сдерживали наступление немцев и одновременно пытались остановить поток дезертиров. Так, с 8 июля, когда армия побежала, казаки 12-го Донского полка ловили дезертиров, а 15 июля были брошены в бой, прикрывая отступление за Збруч<sup>12</sup>.

Казачьи части в этих боях сохранили свою прежнюю боеспособность, убеждали разложившиеся неказачьи части продолжать боевые действия.

24 июля у д. Гуро-Гуморы 3-й Донской полк выдвинул вперед 4 сотни ввиду отхода одного из полков 26-го армейского корпуса. Разъезд хорунжего Кодратова прибыл на позиции 334-го Витебского полка и 776-го полка. «Высота была занята беспокойной цепью, потому что многие солдаты уходили с позиции». 3-я рота 1-го батальона 334-го Витебского полка ушла с высоты. В окопах остались командир роты и подпрапорщик. «Казаки стали уговаривать солдат идти в окопы, но некоторые из солдат стали кричать «Не слушать казаков! В штыки их!»... Когда хорунжий Кодратов пошел с казаками на сопку, то вся рота, за исключением 40 человек солдатских «кри-

<sup>11</sup> Багаевский А.П. С забайкальцами в 1917 году // Родимый край. 1973. № 106. С. 10.

<sup>12</sup> Вольный Дон. 1917. 22 июля.



Казачи занимают позиции, оставленные другими частями русской армии. Июль 1917 г.

кунов”, пошла за ним и заняла окопы. К счастью, со стороны противника ничего замечено не было»<sup>13</sup>.

В июле 1917 г. уже 30 казачьих полков участвовали в задержании дезертиров и усмирении солдатских бунтов<sup>14</sup>.

Наблюдая такое отношение в войсках к войне и предчувствуя враждебное отношение к себе, казачьи части 8-й армии стали более сплоченными. «Все казачьи части были расположены поблизости друг от друга и связаны телефоном»<sup>15</sup>. Они стали внимательно следить за событиями в тылу и у себя на родине, где назревал конфликт между казачьим и неказачьим населением. «Все донские полки твердо стоят перед врагом, свято исполняют свой долг перед родиной, но вместе с тем чутко прислушиваются ко всему, что слышится с берегов заветного, родного Дона», — писал подъесаул 12-го Донского полка В.В. Попов<sup>16</sup>.

После провала июньского наступления и июльских событий в Петрограде на казаков все больше стали смотреть как на силу политическую, а не военную. Так, была отменена отправка на Кавказский фронт новых Донских дивизий. К концу июля 1917 г. новые 7, 8, 9-я Донские казачьи дивизии в основном были уже готовы к предстоящему выступлению, но выявилась нехватка конно-пулеметных, конно-саперных команд, телефонно-телеграфных станций, походных кухонь, т.е. того, что и делало сведенные вместе полки дивизией. В результате три сформированные Донские дивизии оставались на Дону до конца войны<sup>17</sup>.

<sup>13</sup> Покровский А., Бирюков С. История 3-го Донского казачьего Ермака Тимофеева полка. СПб., 2007. С. 191–196.

<sup>14</sup> Казачьи думы. 1923. № 3. С. 3.

<sup>15</sup> Атаман А.М. Каледин. Ростов н/Д., 2013. С. 150.

<sup>16</sup> Вольный Дон. 1917. 31 августа.

<sup>17</sup> Рыжкова Н.В. Указ. соч. С. 286.



М. Авиллов. «Солдаты уходят из окопов, предавая родину врагу». 1917 г.

Далее, в составе 3-го конного корпуса генерал-лейтенанта А.М. Крымова, двигавшегося на столицу страны в период выступления Л.Г. Корнилова, была и 1-я Донская казачья дивизия. Движение Корнилова потерпело поражение, его руководители были арестованы, но для личного состава 1-й Донской дивизии участие в походе никаких последствий не имело.

После неудачи корниловского выступления развал армии пошел с удвоенной быстротой.

Попытки подавить выступление большевиков в Петрограде в октябре 1917 г. руками казаков провалились. Как вспоминал П.Н. Краснов, перед большевистским выступлением из 50 сотен бывшего под его началом 3-го конного корпуса более половины «растасовали» на усмирение беспорядков и на другие нужды, и когда надо было идти с Керенским на Петроград, под рукой имелось только 18 сотен разных полков. Реально вперед были двинуты 10 слабых сотен 9-го и 10-го Донских полков, всего около 700 всадников, менее полка нормального штата. Пленные, захваченные казаками, распускались. «Не расстреливать же их поголовно! А другого исхода не было. Или на волю, или перестрелять». Сил у Краснова хватило дойти до Пулково, где он был остановлен матросами и Красной гвардией. Казаки потеряли 3 убитых, 28 раненых (из них 1 убитый и 18 раненых потеряла Оренбургская сотня лейб-гвардии Сводного казачьего полка во время самовольной атаки), потери большевиков якобы доходили до 400 человек<sup>18</sup>.

<sup>18</sup> Краснов П.Н. Указ. соч. С. 83, 113.

После боя у Пулкова казаки заявили, что без поддержки пехоты (пехота у них ассоциировалась с «русскими», неказаками) на Петроград они не пойдут. «Все одно нам одним, казакам, против всей России не устоять. Если вся Россия с ними — что же будем делать?» — говорили казаки. При посредничестве Всероссийского исполнительного комитета железнодорожного профсоюза казаки вступили в переговоры с матросами. 1 ноября военные действия прекратились. Матросы предложили помириться и взаимно выдать Керенского и Ленина, которые, по их мнению, были инициаторами начинающейся гражданской войны. Керенский бежал. Казаки готовы были выдать Краснова, лишь бы их отпустили из-под Петрограда на Дон. Но при царившей неразберихе и непрочности новой власти никто, кроме Краснова, не брался вывести их на родину. Большевики, опасавшиеся оставлять под Петроградом такое количество казаков, не тронули Краснова, который и организовал вывод казаков на Дон. «12 ноября 1-я Донская дивизия потекла на Дон и успокоилась», — вспоминал Краснов. Он жаловался, что казаки 10-го Донского полка, которым он командовал в начале мировой войны, не взяли его с собой в эшелон «из трусости». Вывод Краснова гласил: «Эти люди были безнадежно потеряны для какой бы то ни было борьбы, на каком бы то ни было фронте»<sup>19</sup>.

На следующий день, 13 ноября 1917 г., Ставкой был отдан приказ сформировать из 1-го Донского казачьего полка, 4-го Донского казачьего полка, 14-го Донского казачьего полка и 43-го Донского казачьего полка совершенно новую 10-ю Донскую казачью дивизию с последующим ее включением в состав 3-го конного корпуса<sup>20</sup>. То есть находившиеся в тот момент в Петрограде казачьи части сводились вместе и включались в состав корпуса, уходящего по домам. Петроград освобождался от казачьего присутствия.

13 ноября 1917 г. новый Верховный главнокомандующий Н.В. Крыленко спешно направил из Двинска парламентариев к немецкому командованию с предложением начать сепаратные переговоры о перемирии. В тот же день, согласно приказу Ставки, все отдельные и особые сотни по всем фронтам начали сводиться в казачьи отряды силами до полка со сквозной нумерацией<sup>21</sup>. Была ли это попытка концентрировать наиболее стойкие казачьи части в условиях полного развала армии, или казаков банально сводили вместе, чтобы их легче было держать под наблюдением, — остается неясным. Большевики колебались, не определили своего отношения к ка-

<sup>19</sup> Там же. С. 103, 128.

<sup>20</sup> Рыжкова Н.В. Указ. соч. С. 213.

<sup>21</sup> Там же. С. 287.

зачеству. Однако их опасения относительно роли казаков в будущих событиях нарастали.

В конце ноября Н.В. Крыленко сообщил в Петроград, что вопрос о казачьих войсках на фронте стоит остро в связи с приостановлением плана бывшего главнокомандующего генерала Н.Н. Духонина сосредоточить казачьи части и перебросить их на Дон, Урал и далее на восток. «Эшелоны стоят на вокзалах без фуража и продовольствия. Двинуть их вглубь России нецелесообразно. Оставить на фронте в связи с обостренными отношениями — тоже. Кроме того, направление на Ростов эшелонов сопряжено с территориальными нарушениями границ Украины»<sup>22</sup>. То есть на фронте, из-за обострения отношений с пехотными частями, их оставлять боялись, концентрировать их в тылу, где их могли использовать антибольшевистские силы, тоже было опасно, и отправка их с фронта на Дон могла вызвать осложнения между большевиками и новыми украинскими властями. П.Н. Краснов вспоминал, что в ноябре 1917 г. «большевики еще не определили своего отношения к казакам и казачеству. Казаки были как бы государство в государстве, и их пока не трогали, с ними заигрывали»<sup>23</sup>.

С течением времени ситуация постепенно разряжалась. На Северном фронте был сформирован 1-й Донской казачий отряд из 9 донских сотен. На Западном фронте сформировали 2-й Донской казачий отряд из 7 донских сотен. На Юго-Западном фронте, где казачья конница была наиболее многочисленной, были сформированы 3-й и 4-й Донские казачьи отряды по 6 донских сотен каждый и еще 3 донские сотни вошли в 1-й Сводно-Казачий. На Румынском фронте из 13 донских сотен сформировали 6-й и 7-й Донские казачьи отряды. На Кавказском фронте 2 донские сотни вошли в Сводно-Казачий Кубанский отряд, основу которого составляли 4 кубанские сотни. 24 ноября глава украинского правительства В.К. Винниченко подписал разрешение пропустить через украинскую территорию идущие с фронта 5-ю и 6-ю Донские дивизии<sup>24</sup>. По прибытии на Дон эти дивизии были рассредоточены по станицам, но оставались в готовности, не демобилизовались. Часть их так или иначе вовлекалась в начинавшуюся на Дону гражданскую войну. Но подавляющее большинство прибывших с фронта казаков продолжало держать нейтралитет.

Другие казачьи воинские части стали пробиваться через охваченную боями Украину самостоятельно. Возвращение с фронта на Дон многие

<sup>22</sup> Вольный Дон. 1917. 28 ноября.

<sup>23</sup> Краснов П.Н. Указ. соч. С. 129.

<sup>24</sup> Рыжкова Н.В. Указ. соч. С. 213.

казачьи офицеры напрямую связывали с революцией, непризнанием Донским Войсковым правительством новой российской власти и объявлением о независимости Дона. Войсковой старшина 3-го Донского полка А.В. Голубинцев вспоминал: «25 октября большевики захватили власть. Жалкое Временное правительство трусливо разбежалось. Дон не признал узурпаторов, и 2 декабря 1917 года был обнародован акт Войскового правительства о независимости Дона, но и там не все благополучно, оттуда тревожные вести. Казакам больше нечего делать на фронте. Дон зовет... Получен приказ атамана идти на Дон. 12 декабря полк грузится на станции Бельцы»<sup>25</sup>.

2 декабря 1917 г. было заключено перемирие со странами Четверного союза на Западном театре военных действий, 4 декабря 1917 г. перемирие было заключено с Турцией.

Сколько донских полков, батарей и отдельных сотен оставалось в это время на фронте, сказать трудно. Весь декабрь шел процесс ухода донских частей с фронта. Через 10 дней после перемирия 3-й Донской полк уже грузился в эшелоны. Квартирьеры другого, 12-го Донского полка были направлены на Дон из Винницы (место стоянки полка) 26 декабря 1917 г. Полк вслед за ними месяц пробирался через Екатеринослав, Александровск, Синельниково, Ясиноватую, Криничную, Дебальцево и, наконец, 25 января 1918 г. в станице Каргинской, первой станице нового Верхне-Донского округа, полк остановился, сдал полковое знамя в местную церковь, после чего казаки разошлись по домам<sup>26</sup>.

В начале февраля 1918 г. 3-й Донской полк в полном составе прибыл в станицу Глазуновскую. Командир полка отдал приказ об увольнении всех казаков в бессрочные отпуска с оружием<sup>27</sup>. Делалось это, «спасая полк от захвата большевиками» и имея инструкции от атамана А.М. Каледина<sup>28</sup>. К тому времени Каледин и Войсковое правительство уже распустили по домам подавляющее большинство находившихся на территории Области казачьих воинских частей. Были распущены две трети донских полков (из них половина кадровых)<sup>29</sup>.

На Кавказском фронте в декабре 1917 г. в боевых расписаниях отмечены 55-й Донской казачий полк и 72, 78, 82 и 83-я особые Донские казачьи сотни. Некоторые донские части Юго-Западного фронта — 21-я и

<sup>25</sup> Голубинцев А.В. Потухшие искры. Ростов н/Д., 2005. С. 71.

<sup>26</sup> Венков А.В. 12-й Донской казачий генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полк в годы Первой мировой войны. Ростов н/Д., 2014. С. 81, 83.

<sup>27</sup> Покровский А., Бирюков С. Указ. соч. С. 200.

<sup>28</sup> Голубинцев А.В. Указ. соч. С. 68.

<sup>29</sup> Вольный Дон. 1918. 24 января.



25-я Донские казачьи батареи, 36-я отдельная и 2, 15, 19, 23, 24, 34, 35 и 57-я особые Донские казачьи сотни продержались на позициях до формального окончания войны и продолжали исполнять свой воинский долг даже в феврале 1918 г.<sup>30</sup>

Единственной казачьей воинской частью, не признавшей заключения советским правительством с Германией Брестского мира и продолжавшей военные действия, был кубанско-терский партизанский отряд Л.Ф. Бичерахова, дравшийся до этого против турок в Месопотамии (Ираке). Этот отряд был единственным подразделением русской армии, которое встретило окончание Первой мировой войны в ноябре 1918 г. победой союзников над Германией, Австро-Венгрией и Турцией.

Таким образом, с марта и по октябрь 1917 г. казачьи части продолжали оставаться наиболее дисциплинированными и боеспособными войсками армии. Это привело к тому, что командование стало привлекать их к умирению волнующихся воинских частей, а руководство страны старалось втянуть их в участие в политической борьбе. Практически весь 1917 г. под разными предлогами шло отведение казачьих полков с фронта в тыл.

С октября 1917 г. и до марта 1918 г. подавляющее большинство боеспособных казаков встало на позиции нейтралитета. Значительная часть донских казачьих частей все это время продолжала оставаться на фронте. Однако возникшее противостояние между Войсковым правительством и Совнаркомом привело к тому, что Войсковое правительство стало отзывать казачьи полки и целые дивизии с фронта на Дон. Значительная часть казаков восприняла это как разрыв отношений Дона и России.

Повторилась ситуация начала 1917 г. — передвижение казачьих войск, начатое до революционного переворота в Петрограде, продолжалось и после прихода большевиков к власти. Это передвижение тормозилось начавшейся на Украине гражданской войной и конфликтом между Центральной радой и Совнаркомом.



<sup>30</sup> Рыжкова Н.В. Указ. соч. С. 214, 287.



## REFERENCES

1. Ataman A.M. Kaledin [Ataman A. M. Kaledin]. Rostov-na-Donu, 2013. 384 s.
2. *Venkov A. V.* 12-j Donskoj kazachij general-fel'dmarshala knyazya Potemkina-Tavricheskogo polk v gody Pervoj mirovoj vojny [12th Don Cossack General-field Marshal Prince Potemkin-Tauride regiment during the First world war]. Rostov-na-Donu, 2014. 136 s.
3. *Pokrovskij A., Biryukov S.* Istoriya 3-go Donskogo kazach'ego Ermaka Timofeeva polka [History of the 3rd don Cossack Ermak Timofeev regiment]. SPb., 2007. 248 s.
4. *Ryzhkova N.V.* Donskie kazaki v vojnah Rossii nachala HKH veka [Don Cossacks in the wars of Russia in the early twentieth century]. Rostov-na-Donu. 2003. 319 s.
5. *Seleznev Y.V.* 1917 g. i kazaki [1917 and the Cossacks]. Rostov-na-Donu, 2009. 768 s.

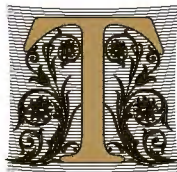


**Ключевые слова:**

казаки, война, фронт, революция, умирение, мирные переговоры.

Andrey V. Venkov

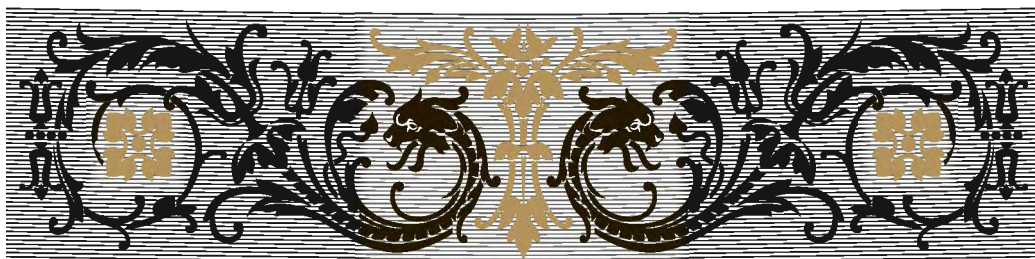
## DON COSSACKS AND THE EVENTS OF 1917 IN RUSSIA



The article is devoted to participation of the Don Cossacks in the final stage of the First World War. During the revolutionary events the Don Cossacks remained to be the most persistent and disciplined troops at the front. Therefore, the government tried to involve them in political activities on its side. The internal conflict between the Don Cossacks chiefs and the government of the Bolsheviks led to the fact that the Cossacks began to leave the front, but remained on the positions of neutrality in the growing political struggle.

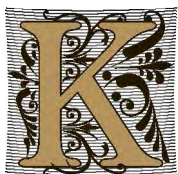
 Венков Андрей Вадимович 

доктор исторических наук, профессор,  
заведующий Лабораторией казачества  
Южного научного центра Российской академии наук



М.В. Оськин

## СНАБЖЕНИЕ РУССКОЙ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ В 1917 г.: В СПИРАЛИ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КРИЗИСА



Конец 1916 г. для жизни Российской империи ознаменовался витком продовольственного кризиса, который, развиваясь по спирали, между крайними обострениями и относительными временными успехами в продовольственной политике, продолжался весь 1917 г. Приоритетным адресатом

снабжения по-прежнему оставалась действующая армия, затем — тыловые гарнизоны и оборонные предприятия и, наконец, вся страна в целом.

Главной причиной обострения продовольственной ситуации на фронте стало значительное увеличение числа «ртов» (военнослужащих и сотрудников и рабочих организаций, обслуживающих действующую армию), снабжаемых военным интендантством накануне 1917 г. Если годом ранее, во время зимней оперативной паузы на Восточном фронте, в окопах находилось около 6,5 млн человек, то спустя год эта цифра увеличилась почти в два раза. В условиях, когда продовольственный запас, находившийся в распоряжении государства, упал, и отвечавшему за снабжение фронта и тыла Министерству земледелия во главе с А.А. Риттихом пришлось прибегнуть к политике продовольственной разверстки, увеличение людей на театре военных действий (ТВД) неизбежно имело следствием недостаток снабжения. Согласно данным фронтовых интен-

дантств, к 1 января 1917 г. на довольствии состояло 12,3 млн человек и 2,7 млн лошадей<sup>1</sup>.

Что касается численности людей, то 2,7 млн человек из 12,3 млн состояли в разнообразных организациях, работавших в прифронтовом районе. Год назад такого количества людей в этих структурах просто не было, так как войска сами успешно справлялись с инфраструктурными преобразованиями и прочими мероприятиями в своих тылах. Кроме того, до осени 1916 г. организации самостоятельно заготавливали продовольствие путем его покупки в близлежащих районах. Сравнительно неудачный урожай 1916 г. в Европейской России свел эти возможности до минимума, и интендантству пришлось взять на себя пропитание организаций на фронте, чтобы не допустить голода в их рядах.

Перемещение основной массы войск на Западный и Северный фронты, расположенные севернее Полесья, привело к переориентированию транспортных усилий. Юго-Западный и Румынский фронты имели в своем тылу богатые хлебом регионы юго-западной части Европейской России, откуда они могли непосредственно получать хлеб. Северные же фронты, конечно, располагали более развитой железнодорожной инфраструктурой, однако территория Белоруссии, где располагались армии Западного фронта, уже была истощена, и требовался ввоз хлеба и для населения, а в тылу Северного фронта находилась столица — Петроград, объемы снабжения которой падали с каждой неделей.

Значительный вес конского состава действующей армии в системе задач снабжения фронта означал, что число вагонов, задействованных для перевозки продовольственных грузов, следует удвоить еще и под фураж для лошадей. В условиях позиционной войны роль кавалерии резко упала, вследствие чего конница стала выводиться в тыловую полосу, чтобы усилить снабжение личного состава войск. Тем не менее отказаться от конницы русское командование не решалось, и подвоз фуража по-прежнему занимал около 40% всех продфуражных грузов.

Помимо того, в тыловых гарнизонах находилось еще более 2 млн солдат, также требовавших своего снабжения от интендантства, ибо к 1917 г. численность войск внутри страны была наивысшей. Эти цифры постепенно уменьшались, в связи с убытием солдат на фронт, но очень медленно: около 2 млн к 7 декабря 1916 г. и 1,85 млн к 1 февраля 1917 г.<sup>2</sup>

<sup>1</sup> Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1030. Л. 123.

<sup>2</sup> Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 5956. Оп. 1. Д. 5. Л. 55 об.

Главный смысл затруднений в снабжении армии заключался в том, что с каждым операционным годом возможности тыла в заготовлении продуктов питания и фуража постепенно падали (важной причиной стало сокращение рабочих рук в деревне почти наполовину), а потребности фронта лишь увеличивались. На ТВД росло число не только войск (наступательное планирование Антанты на кампанию 1916 г.), но «ртов» вообще, так как следовало обустроить прифронтовую полосу в ситуации окопной борьбы. В начале 1917 г. численность действующей армии достигла своего максимума, что обуславливалось планами генерального наступления весной 1917 г., а в то же время запасы продовольствия в руках государства упали до минимума, что и спровоцировало кризис снабжения зимы 1917 г.

Насыщение действующей армии людьми, даже и в ущерб перевозкам продфуража, привело к тому, что норма подвоза выполнялась только на две трети. Недовоз осени 1916 г. вызвал усиленное требование на подвоз продфуража зимой, хотя транспорт работал уже на надрыве. При суточном подвозе в 2 тыс. вагонов фронт зимой 1917 г. требовал по 3 тыс., а на март уже более 5 тыс.<sup>3</sup>

Неудивительно, что в сложившейся ситуации, вместо того чтобы вывести часть войск (прежде всего — конницу) в тыл, основные претензии генералитетом высказывались в адрес железнодорожников. Справка по штабу Верховного главнокомандующего от 27 февраля гласила, что «разрешение почти всех наиболее жизненных вопросов наших армий и даже самый успех их действий — находятся в непосредственной зависимости от состояния железнодорожного транспорта». Военные верно оценили, что увеличение перевозок выше роста пропускной способности, чем «нарушилось равновесие между мощностью дорог и предъявляемыми к ним требованиями»<sup>4</sup>, привело к нехватке продовольствия. Однако выходом видели лишь отказ от увеличения «ртов» рабочих в общественных организациях, работавших на фронте.

В результате в феврале 1917 г. войска стали затрагивать подвижные запасы — сухари и консервы<sup>5</sup>, а запас продуктов на военных складах (магазинах) стал исчисляться не месячными или даже недельными величинами, а размерами на несколько дней. Падение продфуражных запасов фронтов до минимума (несколько дней) всецело ставило довольствие армии от подвоза с тыла. Соответственно, если бы подвоз оказался перекрытым, то послед-

<sup>3</sup> Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 273. Оп. 10. Д. 3687. Л. 3.

<sup>4</sup> Там же. Д. 3728. Л. 67–67об.

<sup>5</sup> Там же. Ф. 456. Оп. 1. Д. 579. Л. 61.

ствия для фронта стали бы непредсказуемыми — вплоть до мятежа. Супруга главнокомандующего армиями Западного фронта А.Е. Эверта впоследствии вспоминала, что именно это обстоятельство вынудило ее лояльного к императору Николаю II мужа поддержать решение об отречении — «задержится подвоз, начнется недоедание в армии, этим, конечно, воспользуются, и бунт в армии неминуем»<sup>6</sup>.

После Февральской революции кризис снабжения продолжал развиваться с новой силой, так как теперь на объективные условия организации и транспорта накладывались бурные процессы революции. Еще 17 февраля, на совещании в Ставке представитель Министерства земледелия Н.А. Гаврилов заявлял, что количество продфуража, назначенное к суточному подвозу фронту на март—апрель, «вполне обеспечено». Но уже 7 марта 1917 г. и.д. Верховного главнокомандующего М.В. Алексеев приказал главному начальнику снабжений Западного фронта и 10 марта — Северному и Юго-Западному фронтам — возможно ограничить расход запасов муки, хлеба и сухарей, «применяя всякого рода замены». В ответ на запросы Ставки 14 марта главный интендант Н.И. Богатко сообщил, что запасы министра земледелия могут удовлетворить разработанные на совещании 17 февраля 1917 г. наряды на март только на 60%, почему необходимо уменьшение пайка<sup>7</sup>.

Следовательно, зимние расчеты оказались неверными, а потому снабжение фронта продовольствием и фуражом оставалось в ситуации хронического недоснабжения, что приходилось выправлять самостоятельными закупками войск внутри страны, а равно военными реквизициями на ТВД<sup>8</sup>. Поэтому сфера подчинения российских регионов военным властям расширялась, дабы не допустить голода в окопах. Телеграмма Министерства земледелия главному полевому интенданту (Главполит) К.Н. Егорьеву от 9 марта сообщала, что в случае недостатка следует использовать ресурсы прифронтовых губерний, в которых заготовка производилась распоряжением военных властей: Калужской, Смоленской, Витебской, Минской, Тверской, Новгородской, Псковской, Могилевской, Лифляндской и Эстляндской<sup>9</sup>.

Так как интендантство сознавало, что процесс подвоза продуктов на фронт висит на тонком волоске скатывавшегося в кризис железнодорожного

<sup>6</sup> ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 757. Л. 4 об.—5.

<sup>7</sup> Там же. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 312. Л. 30—32.

<sup>8</sup> Там же. Оп. 2. Д. 576. Л. 314.

<sup>9</sup> Там же. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 430. Л. 244.

транспорта, планы снабжения выстраивались на два-три месяца вперед, дабы иметь возможность увеличить запасы, в случае усиления подвоза, если вдруг изменится погода. Однако такой расчет предполагал отpravку фронтам всего объема заготовленного продукта. Например, 7 марта Главполинт просил главноуполномоченного Н.А. Мельникова собрать для фронта столько продуктов, сколько будет возможно<sup>10</sup>, а телеграмма главного начальника снабжений Западного фронта в Минск, Могилев, Смоленск, Чернигов, Калугу, Тверь, Москву, Орел от 9 марта 1917 г. сообщала, что губернским и уездным управам и уполномоченным Министерства земледелия следует срочно сдать в магазины фронта (Брянск, Вязьма, Смоленск, Гомель) все, что окажется возможным<sup>11</sup>.

Невзирая ни на что, объемы снабжения продолжали падать, и потому с 1 марта на Западном фронте вводились 3 постных дня в неделю в войсковом районе и 4 — в тыловом<sup>12</sup>. Ставка даже указала «в текущем году обрабатывать и обсеменить по возможности все площади земель, не обработанные и брошенные хозяевами, годные под полевую и огородную культуры, и своевременно убрать как поля, так и все сенокосы. Ныне, по важности своей, эти работы должны быть признаны работами на оборону»<sup>13</sup>.

15 марта 1917 г. Ставка телеграфировала в Петроград, что за первую половину марта, несмотря на наступление тепла, подвоз фронту продовольствия идет гораздо ниже тех минимальных норм, которые были установлены совещанием в Ставке в феврале, и далеко не покрывает суточных потребностей числа ртов людей и лошадей на фронтах. По мнению Ставки, следовало немедленно пополнить подвижные запасы и снабдить полевые склады, расходные магазины и хлебопекарни «запасами по крайней мере на две недели»<sup>14</sup>. Занявший пост Верховного главнокомандующего генерал Алексеев разъяснял в письме военному министру А.И. Гучкову 15 марта: «Мы живем в продовольственном отношении изо дня в день», имея вместо двухмесячных запасов продовольствия, которые нужны для обеспечения боеспособности армии, запасы от 2 до 10 дней<sup>15</sup>.

Уже на следующий день в тыловых гарнизонах был введен обязательный 4-й постный день в неделю<sup>16</sup>. То есть в тыловых гарнизонах уже при-

<sup>10</sup> РГИА. Ф. 456. Оп. 1. Д. 579. Л. 46.

<sup>11</sup> Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. Р-81. Оп. 1. Д. 3. Л. 45.

<sup>12</sup> ГА РФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 377. Л. 99, 115.

<sup>13</sup> Государственный архив Тверской области (ГАТвО). Ф. 1408. Оп. 2. Д. 70. Л. 5.

<sup>14</sup> ГА РФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 312. Л. 27–29.

<sup>15</sup> Революционное движение в русской армии. 27 февраля — 24 октября 1917 года. Сборник документов. М., 1968. С. 38.

<sup>16</sup> Государственный архив Тульской области (ГАТО). Ф. 1130. Оп. 1. Д. 19. Л. 111.



ступили к сокращению пайка, а фронтовики жаловались на ухудшение питания — на Юго-Западном и Румынском фронтах разрешали заменять хлеб кукурузой. Наконец 25 марта Алексеев сообщил Гучкову: «Богатства страны иссякают. Мы даже уже не можем давать всего, что требует армия. Приходится комбинировать и распределять в зависимости от потребности»<sup>17</sup>.

В марте—апреле фронты получали не более 60% продовольствия и 65% зернофуража: к 31 марта непогруженный остаток хлебных грузов исчислялся в 31 644 вагона<sup>18</sup>. С прекращением весенней распутицы и началом отладки продовольственной организации, пришедшей в некоторый хаос после революции, в мае подвоз улучшился. Новый министр земледелия А.И. Шингарев, возглавивший продовольственную организацию России впредь до предполагавшегося массового поступления хлеба по закону о хлебной монополии от 25 марта, пытался выправить сложную ситуацию организационными мерами. В начале апреля он сообщал в Ставку, что увеличивается подвоз фуража, существуют расчеты на усиление транспорта из Сибири, а также будет активнее использоваться водный транспорт. В то же время Шингарев решительно отказал военным в самостоятельной заготовке продфуража: «является опасение, что эта мера не улучшит, а ухудшит дело снабжения фронта, ибо внесет расстройство в дело закупок местных продовольственных комитетов». Тогда же Шингарев предложил главкомам командировать своих представителей в губпродкомы прифронтовых регионов, чтобы организовать подвоз продфуража к станциям<sup>19</sup>.

Помимо слабости закупочных операций организации Министерства земледелия, продовольствия не хватало и потому, что транспорт никак не мог выйти из кризиса. Если на 15 мая 1916 г. на всех железных дорогах в ремонте находилось 3387 паровозов и 20 350 вагонов, то на 15 мая 1917 г. — 4927 и 42 520, хотя грузов было перевезено меньше<sup>20</sup>. Число товарных вагонов не изменилось (570 тыс.), а вагонов-ледников даже немного увеличилось до 3500 вагонов в распоряжении хладобойни, однако был развален парк пассажирских вагонов<sup>21</sup>, и одновременно увеличивались время и стоимость ремонта. В целом, за первое полугодие 1917 г., по сравнению с первым полугодием 1916 г., железные дороги недогрузили 700 тыс. вагонов,

<sup>17</sup> РГВИА. Ф. 2009. Оп. 1. Д. 123. Л. 306; Ф. 2003. Оп. 2. Д. 283. Л. 138.

<sup>18</sup> Там же. Ф. 499. Оп. 3. Д. 1706. Л. 166; Ф. 369. Оп. 13. Д. 57. Л. 218.

<sup>19</sup> ГА РФ. Ф. 1783. Оп. 2. Д. 3. Л. 1–5.

<sup>20</sup> Там же. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 812. Л. 3.

<sup>21</sup> *Сенин А.С.* Железные дороги в марте — октябре 1917 г.: от кризиса к хаосу // Вопросы истории. 2004. № 3. С. 38–39.

т.е. до потребителей не добралось 700 млн пудов грузов. В начале 1917 г. находящихся в ремонте паровозов — 3400 (16,5%), к августу — 5200 (25,3%). Вагонов соответственно 25 тыс. (4,8%) и 51 076 (9%)<sup>22</sup>. Ситуация ухудшалась с каждым месяцем, а результатом же стал мощный недовоз грузов адресатам и в первую очередь — действующей армии.

5 мая 1917 г., после апрельского кризиса, усилившего позиции социалистов во власти, Временное правительство было реорганизовано, и в том числе создавалось Министерство продовольствия, объединявшее институты уполномоченных и главноуполномоченных Министерства земледелия, продовольственные структуры Министерства земледелия (Заготосель), Общегосударственный продовольственный комитет, Отдел снабжения сельскохозяйственными орудиями производства и металлом, Отдел по организации посевной площади и Комиссия по снабжению населения предметами первой необходимости<sup>23</sup>. Приоритетным предметом ведения нового министерства стало снабжение армии. Прежний министр земледелия А.И. Шингарев занял пост министра финансов, а также за ним до 1 июня оставили продовольственную организацию. И.д. министра продовольствия стал В.Н. Зельгейм, а первым министром продовольствия вскоре был назначен А.В. Пешехонов.

Одним из первых действий Министерства продовольствия стало определение объемов требуемой для снабжения страны и армии продукции, а также финансовых средств на эти закупки. Управление особоуполномоченного по закупке и снабжению продовольствием в мае 1917 г. вынесло решение об установлении временной надбавки к цене продуктов, заготавливаемых в счет кредитов по специальному текущему счету, открытому 19 мая 1917 г. Согласно этому документу, годовой оборот средств на закупки и заготовки предположительно определялся в 6,3 млрд руб.<sup>24</sup>

Майское совещание уполномоченных председателя Общегосударственного продовольственного комитета по вопросу планирования снабжения на июнь—август 1917 г. констатировало «общее катастрофическое положение продовольствия в стране, несколько улучшившееся благодаря начавшемуся подвозу, но грозящее стать опять таким же с началом полевых работ». Потребность страны и фронта на июнь 1917 г. составила 61,5 млн пуд. хлеба, но приславшие своих представителей 22 губернии обещали дать вместе с фуражным зерном всего 28 млн пуд., что ставило вопрос «о нормировке

<sup>22</sup> ГА РФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 818. Л. 2, 7.

<sup>23</sup> Букишпан Я.М. Военно-хозяйственная политика. М.; Л., 1929. С. 516.

<sup>24</sup> ГА РФ. Ф. 6831. Оп. 1. Д. 10. Л. 8 об.

потребления в производящих губерниях». Съезд рекомендовал провести учет картофеля, на 25% заменить пшеницу кукурузой, ввести карточную систему и рекомендовать населению «сбережение хлебных остатков и пищевых отбросов»<sup>25</sup>. Таким образом, в мае 1917 г. продовольственная организация осознала, что без нормирования и одновременно — снижения потребления обеспечить надлежащий уровень снабжения фронта и тыла невозможно. Ввиду малых запасов и неуверенных прогнозов на урожай 1917 г., который признавался скорее неважным, нежели наоборот, признавалось необходимым использование всех продуктов питания, в том числе фуражного зерна и отходов.

На июнь—июль 1917 г. Министерство земледелия, соглашаясь удовлетворить требования фронтов в фураже и зерновых, отказывало в затребованном количестве мясопродуктов, что и было зафиксировано совещанием<sup>26</sup>. Ежедневная подача продфуража в действующую армию в вагонах на первые два летних месяца должна была составить 2417 вагонов<sup>27</sup>.

Следовательно, лишь к лету интендантство и Министерство земледелия сумели сбалансировать объемы фронтовых нарядов между требуемым и могущим быть поставленным. При этом объемы снабжения оставались на уровне, установленном еще в феврале 1917 г., лишь незначительно понизившись в связи с некоторым уменьшением «ртвов» на фронте. По вопросу об урегулировании снабжения фронтовых организаций майское совещание вынесло постановление о разрешении самостоятельных закупок войсками продовольствия в войсковом районе фронта, а в тыловом районе соглашалось «допустить заготовку войсковыми частями и организациями, но по соглашению с продовольственными комитетами овощей, различных противоязотных средств, масла и яиц; заготовку же сена, сала, мяса и всех монополизированных продуктов воспретить»<sup>28</sup>. Иными словами, военные власти, не надеясь на усилия правительства, намеревались самостоятельно дозаготавливать существенную часть продуктов питания.

Цифра потребления армией продовольствия и фуража за календарный 1917 г. отсутствует, так как статистика проводилась по заготовительным годам. За 3-й операционный год (с 1 июля 1916 г. по 30 июня 1917 г.), не считая продовольственного (около 500 млн пуд., считая вместе с крупами и бобовыми) и фуражного (около 300 млн пуд.) хлеба, фронт получил бо-

<sup>25</sup> Там же. Ф. 3087. Оп. 1. Д. 43. Л. 1—9.

<sup>26</sup> Там же. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 312. Л. 184 об.

<sup>27</sup> РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1037. Л. 289.

<sup>28</sup> ГА РФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 312. Л. 209.

лее 25 млн пуд. различных продуктов и около 100 млн пуд. сена, соломы и жмыхов. Травяной фураж по весу оказался почти в 4 раза больше, нежели продукты (за исключением хлеба) для людей. Также все фронты получили 14 883 310 голов скота + 1 704 658 голов — в прифронтовых губерниях и 404 835 пудов сушеных фруктов. Точное количество переданного продфуража для армии в 4-й операционный год отсутствует вследствие преждевременного выхода России из войны, однако расчетные цифры существуют. В мае финансово-счетный отдел Министерства продовольствия определил стоимость продуктов на 4-й операционный год в примерно 9 млрд руб.<sup>29</sup>

Дабы не дробить усилия различных структур, работавших на снабжение фронта, в начале июля Верховный главнокомандующий и министр продовольствия утвердили Положение о фронтовых совещательных продовольственных бюро — «в целях планомерного снабжения продовольственными продуктами в пределах фронта общественных, обслуживающих армию, организаций и местного населения, а также для наблюдения за правильным расходом и распределением этих продуктов на каждом фронте». В состав бюро командировались представители от армий «в помощь губернским продовольственным управам фронта, для содействия и наблюдения за исполнением на местах всех распоряжений по сбору, уборке и распределению урожая хлебов и сена. Никаких действий, не согласованных с общими распоряжениями губернских продовольственных управ, армейские делегаты допускать не могут»<sup>30</sup>. Работу бюро должен был координировать уполномоченный Министерства продовольствия при штабе фронта. Уполномоченным Министерства продовольствия на Северном фронте стал Е.В. Нефедьев, Западном — В.А. Пославский, Юго-Западном — Н.Ф. Штейн, Румынском — Н.Ф. Енькодаровский; должность особоуполномоченного при Ставке занял Н.А. Гаврилов<sup>31</sup>.

Июньский период оказался весьма благоприятным для снабжения фронта хлебом, так как крестьяне охотно сбывали свои запасы в преддверии нового урожая. Поэтому, как и годом ранее, Министерство продовольствия обеспокоилось прежде всего мясными продуктами: требование на мясо для фронта и тыла на год составляло 82 млн пуд., причем для армии — около половины этого количества. Для замены мяса рыбой в постные дни требовалось 30 млн пуд. рыбы, но, по расчетам, получить можно только 15,7 млн пуд., поэтому около 2,35 млн пуд. мяса предполагалось заменить

<sup>29</sup> Там же. Ф. 1783. Оп. 4. Д. 132. Л. 24 об.—25; Оп. 1. Д. 34. Л. 42, 91.

<sup>30</sup> РГВИА. Ф. 2009. Оп. 1. Д. 94. Л. 339.

<sup>31</sup> ГА РФ. Ф. 6831. Оп. 1. Д. 501. Л. 1.

яйцами. В соответствии с постановлением Общегосударственного продовольственного комитета от 9 апреля 1917 г. и от 21 июня была назначена разверстка поставки мяса и сала на фронты. Всего по 47 губерниям и областям Европейской России должно было быть поставлено 40 млн пуд. мяса и 4,8 млн пуд. сала, причем в разверстку засчитывалось все мясо и сало, поставленное с 1 января 1917 г.<sup>32</sup>

Что касается жиров, то в 1917 г. их заготовка исчислялась в 16,8 млн пуд, в том числе сало — 3 млн, сливочное масло — 3 млн, подсолнечное масло — 10 млн, хлопковое масло — 800 тыс. Из них 10 млн пуд. необходимо фронту (1,5 тыс. вагонов в месяц), в том числе не менее 50% должны быть жиры животного происхождения. То есть на фронт пойдет все сало и коровье масло, тылу остается лишь подсолнечное масло<sup>33</sup>. Не рассчитывая только на отечественные ресурсы, в 1917 г. продовольственные органы продолжали закупать жиры в Монголии и Маньчжурии, распространив деятельность работавших здесь организаций, прежде всего «Монголэкса» даже на Австралию, откуда по неполным данным к октябрю поступило более 200 тыс. пуд. говяжьего топленого сала<sup>34</sup>. Замена одних продуктов другими, как правило, имела следствием снижение норм питания<sup>35</sup>, однако пайковая норма жиров в армии в 1916–1917 гг., хотя и снизилась в сравнении с высокими нормами 1914–1915 гг., все-таки вдвое превышала довоенный жировой паек. Другое дело, что из-за постоянного неподвоза продуктов реальная норма могла быть принципиально невысокой.

Военные власти ставили вопрос о сокращении постных дней в армии, однако министр продовольствия отказал «ввиду слабых надежд на улучшение мясного снабжения». Более того — была отменена фунтовая хлебная надбавка взамен сокращения мясного пайка на полфунта. Пешехонов сообщил, что хлебный рацион остается в 2 ф. и увеличить его невозможно<sup>36</sup>. Солдаты полагали, что 2 ф. хлеба — это слабый паек<sup>37</sup>, но иного варианта не существовало, так как поступление хлеба уполномоченным не повышалось, вновь начав падение с августа по исчерпанию запасов. Заменой мяса, как и ранее, выступали рыба, жиры и яйца, которых фронт тоже недополучал.

<sup>32</sup> РГВИА. Ф. 2009. Оп. 1. Д. 44. Л. 87–90.

<sup>33</sup> Там же. Д. 24. Л. 140–141.

<sup>34</sup> ГА РФ. Ф. 1783. Оп. 2. Д. 392. Л. 9, 45, 56; Д. 390. Л. 10.

<sup>35</sup> Шубин Н.А. Проблемы снабжения русской армии в условиях Первой мировой войны. Опыт взаимодействия государства и общественных организаций (1914–1917 гг.). Дисс. канд. ист. наук. М., 1997. С. 132.

<sup>36</sup> РГВИА. Ф. 2009. Оп. 1. Д. 94. Л. 65.

<sup>37</sup> Солдатские письма 1917 года. М.; Л., 1927. С. 41.

Относительно благоприятный период снабжения продлился недолго. В середине июля Ставка телеграфировала в Министерство продовольствия, что «подача продуктов фронтам сравнительно с нормой и подачей мая и июня за последнее время резко угрожающе понизилась». Телеграммой на места от 16 июля Пешехонов просил губпродкомы «принять самые решительные меры» в деле закупок. Главная причина ухудшения заключалась в том, что за май—июнь не удалось образовать достаточного запаса продуктов на фронте. На фоне ухудшающегося снабжения потребляющих регионов страны задача преодоления кризиса представлялась Пешехонову «героическими усилиями»<sup>38</sup>.

Доклад главного полевого интенданта в Ставку от 1 августа 1917 г. сообщал, что в конце июля — начале августа подвоз на фронт всегда сокращается, так как это время — конец старого урожая и неготовность нового. То есть армии должны жить за счет запасов. Вывод Егорьева был неутешителен: «Если в прошлом году, при больших запасах, армии начали нуждаться с половины октября, то в настоящем году следует ожидать, что серьезные продовольственные затруднения возникнут на фронте уже с конца августа»<sup>39</sup>. Что касается Кавказского фронта, то июльский наряд не только не был отправлен, «но даже нет сведений, когда отправка последует»<sup>40</sup>. Как видим, в отношении фронтового снабжения Главное интендантское управление (ГИНТУ) давало верную перспективную оценку происходящему за месяц. Проблема характеризовалась как негативная, но неизбежная в текущей политической обстановке.

Тем не менее Временное правительство, намереваясь все-таки довести борьбу с Германией до победного конца, по окончании 3-го операционного года делало расчеты и на следующий. Примечательно, что расчеты доводились до ноября 1918 г. — когда, собственно, и окончилась Первая мировая война. Доклад по ГИНТУ от 3 августа 1917 г. говорил о заготовке продовольствия и фуража до ноября 1918 г., на что требовалось 12 140 275 400 руб. (на треть больше майских предположений). Размер заготовок продуктов был определен на основании существующих дач по числу 7 млн человек и 2 млн лошадей, «за вычетом всех продуктов, как не сданных министром продовольствия до 1 апреля сего года, так равно и запасов, имевшихся к этому времени во всех магазинах фронта»<sup>41</sup>.

<sup>38</sup> ГАТО. Ф. 2260. Оп. 1. Д. 58. Л. 43.

<sup>39</sup> РГВИА. Ф. 2009. Оп. 1. Д. 94. Л. 228.

<sup>40</sup> Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1943. Оп. 21. Д. 15. Л. 38.

<sup>41</sup> ГА РФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 460. Л. 7–8 об.

Главным же мероприятием Временного правительства в продовольственном деле, в конце лета озабоченного еще и борьбой за власть с военными кругами (корниловское выступление), стало повышение твердых цен на хлеб. В поисках выхода из тупика резкого уменьшения запасов власть оказалась вынуждена пойти на новое повышение твердых цен (первое повышение состоялось в конце марта), что было явной уступкой деревне производящих регионов, реакцией на ее противодействие государственным усилиям. Причиной, подтолкнувшей это решение, стало сокращение государственных продовольственных ресурсов.

Первоначальный эффект удвоения цен был неплохим — по данным Министерства продовольствия, после трудного лета в сентябре—октябре 1917 г. заготовки продфуража стали быстро расти<sup>42</sup>. Однако сентябрем дело и ограничилось, так как, продав часть излишков и получив за них деньги, крестьяне в октябре переключились на земельные захваты, и кажущийся успех властей оказался призрачным. Заготовки в августе—октябре составили всего 33,5% от установленного задания<sup>43</sup>.

Будучи лишены гарантии надежного снабжения фронта, в связи с падением объемов хлебозаготовок и закупок прочих продуктов, уже с конца августа, после введения новых повышенных хлебных цен, военные власти приступили к образованию запасов собственными усилиями. В губерниях ТВД, где военные имели право и возможности распоряжаться продовольственными ресурсами, начались массированные реквизиции, обусловленные необходимостью наполнения армейских магазинов продуктами питания. Например, командующий 12-й армией Д.П. Парский 6 сентября приказал «произвести общую реквизицию всех продовольственных предметов в 50-верстной полосе с сохранением запасов у населения до нового урожая»<sup>44</sup>. Или, в середине октября 1917 г. штаб Северного фронта распорядился реквизировать продовольствие в Эстляндской, Лифляндской и Витебской губерниях, «оставляя населению продовольствие только до января 1918 г.» (27 октября Совет Народов Эстонии и Латвии призвал отменить этот приказ)<sup>45</sup>. Иными словами, подобные распоряжения военных властей фактически внедряли в жизнь хлебную монополию Временного правительства от 25 марта, которую правительство так и не нашло сил применить внутри страны.

<sup>42</sup> РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 6. Д. 2311. Л. 1; Павлюченков С.А. Крестьянский Брест, или Предыстория большевистского НЭПа. М., 1996. С. 17.

<sup>43</sup> Лейберов И.П., Рудаченко С.Д. Революция и хлеб. М., 1990. С. 113.

<sup>44</sup> ГА РФ. Ф. 1783. Оп. 1. Д. 171. Л. 52.

<sup>45</sup> Там же. Ф. 6831. Оп. 1. Д. 291. Л. 1.

Нельзя сказать, что военные власти действовали самочинно. Телеграмма премьер-министра А.Ф. Керенского на Юго-Западный и Румынский фронты 11 сентября предлагала принять все меры для снабжения фронта вплоть до реквизиции воинскими командами<sup>46</sup>, а 16 сентября телеграмма Зельгейма на места просила увеличить подвоз продуктов: на фронте запасы истощены, подвоз лишь 20% от требуемого<sup>47</sup>. Через четыре дня Гаврилов указал, что из-за недозаготовок продуктов губпродкомами Северный и Западный фронты поставлены в полную зависимость от подвоза из тыла, а Юго-Западный фронт имел небольшие запасы<sup>48</sup>. На Румынском фронте румынское командование, уже предвидя грядущий развал Восточного фронта, 18 сентября запретило русским войскам совершать покупки любых продуктов на румынской территории<sup>49</sup>. Одной из крайних мер уже предполагалось маневрирование продовольствием между фронтами, имея в виду в том числе и снабжение населения прифронтового района.

С целью экономии продовольствия в своих тыловых районах командующие фронтами стали запрещать вывоз продуктов в пределах фронта<sup>50</sup>. Наименее обеспеченные собственным продовольствием и нуждавшиеся во ввозе такового регионы, разумеется, оказались перед угрозой голода. Бесспорно, военные власти намеревались оставлять в хозяйствах хлеб на собственное пропитание крестьян и на семена, но в условиях развала фронта и многочисленности актов самочинного захвата хлеба со стороны солдат такая мера лишала население даже и необходимого.

Сам факт наличия Восточного фронта, пусть и бездействующего, предполагал, что находящиеся в окопах миллионы солдат по-прежнему требуется кормить, одевать и обувать. В конце сентября на совещании под председательством нового министра продовольствия С.Н. Прокоповича при участии министра путей сообщения и Главполинта было признано необходимым командировать представителей от фронтовых продовольственных бюро в губпродкомы фронтовых и тыловых губерний, которые по действующим планам должны снабжать данный фронт хлебом и фуражом. О своих требованиях и намерении лично выехать в ряд тыловых регионов, где проводились хлебозаготовки, Прокопович сообщил в телеграмме фронтам 26 сентября<sup>51</sup>. Правда, никакие меры не помогали. Осенью 1917 г. постав-

<sup>46</sup> РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 21. Д. 1. Л. 10.

<sup>47</sup> Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф. Р-3174. Оп. 2. Д. 4. Л. 88.

<sup>48</sup> ГА РФ. Ф. 6831. Оп. 1. Д. 284. Л. 13–14.

<sup>49</sup> РГВИА. Ф. 2086. Оп. 1. Д. 17. Л. 55.

<sup>50</sup> ГА РФ. Ф. 1783. Оп. 1. Д. 134. Л. 13.

<sup>51</sup> РГВИА. Ф. 2086. Оп. 1. Д. 18. Л. 29–30.



ки интендантских грузов фронту составили около трети от нормы: муки доставлено 25% от нормы, фуража — 40%, крупы — 25%, сена — 70%, мяса и жиров — 30%<sup>52</sup>.

В октябре 1917 г. было готово для отправки на фронты: 7 285 000 пуд. ячменя, для которого нужно 235 вагонов в день, 149 000 отрубей, 1 023 000 жмыхов, 155 000 гороховой дерти, 1 860 000 кукурузы. Всего — зернового фуража — 15 456 800 (542 вагона) плюс 4 984 800 овса, 10 602 000 муки простого помола, 3 348 000 пшеничной муки, 1 240 000 гречневой крупы, 124 000 ячневой крупы, 248 000 кукурузной крупы, 186 000 пшеницы, 424 000 бобовых<sup>53</sup>.

Основной причиной слабого снабжения действующей армии стала ее не убавляющаяся в условиях продовольственного кризиса численность. Еще 20 апреля 1917 г. М.В. Алексеев провел однодневную перепись на всех фронтах, в Кавказской армии, гарнизоне Могилева и Черноморской флотилии, которая показала, что на довольствии состоят 9 млн человек. По данным войсковых штабов — на 2,2 млн меньше (эта цифра — «рты» людей организаций, обслуживающих фронт). Если к 1 марта 1917 г. в действующей армии насчитывалось 7 185 446 человек, то к 25 октября — 5 412 833. Тем не менее в октябре интендантство кормило еще свыше 6 млн человек, которые состояли в различных тыловых службах, частнопредпринимательских и общественных организациях, обслуживающих пятимиллионную армию<sup>54</sup>. К 1 октября 1917 г. в составе фронтов числилось 9 304 000 человек и 2 680 000 лошадей, и в составе общественных организаций на театре войны — 2 897 000 и 439 000. Итого — 12 201 000 человек и 3 119 000 лошадей<sup>55</sup>. Следовательно, сокращения армии в сравнении с зимой так и не произошло. И если к февралю 1917 г. в России все-таки действовала достаточно четкая структура снабжения, то к октябрю эта структура находилась в стадии значительного разложения.

Таким образом, примерно тот же объем подвоза, что существовал к началу лета, должен был сохраняться и в последующем, несмотря на резко осложнившуюся внутреннюю обстановку, связанную с подготовкой большевистского восстания. Телеграмма и.д. Верховного главнокомандующего Н.Н. Духонина военному министру, министру продовольствия, министру

<sup>52</sup> РГИА. Ф. 273. Оп. 10. Д. 3677. Л. 73 об.

<sup>53</sup> РГВИА. Ф. 2009. Оп. 1. Д. 136. Л. 286–289.

<sup>54</sup> Там же. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1037. Л. 172 об.; Френкин М. Захват власти большевиками в России и роль тыловых гарнизонов армии 1917–1918 гг. Иерусалим, 1982. С. 5.

<sup>55</sup> Сулейман Н.А. Тыл и снабжение действующей армии. Часть 2: Фронт и армия. М.; Л., 1927. С. 107, 471.

путей сообщения и фронтам 5 октября 1917 г. подтвердила, что нормы снабжения на ноябрь—декабрь остаются в тех же размерах, что октябрьский план<sup>56</sup>. Единственным изменением стало лишь то условие, что с 1 ноября должен был быть введен «один общий план перевозки продовольственных продуктов для армии с общей номенклатурой таковых»<sup>57</sup>.

К моменту октябрьского переворота запасы продфуража в действующей армии являлись минимальными (наилучшее положение было только в Кавказской армии) (см. табл.).

**Наличие на фронтах продфуража к 25 октября 1917 г.  
(в тыс. пуд. / дней)<sup>58</sup>**

Фронт	Северный	Западный	Юго-Западный	Румынский	Кавказский
Мука	379/3,5	511/5	1081/8	849/6,5	1328/25
Крупа	289/12	139/6	207/8	145/5	745/65
Сухари	250/4	375/8	255/3	190/2	715/29
Жиры	216/34	141/26	10/1,5	23/3	191/64
Мясо и рыба	101/3	195/6	28/¼	17/1/3	77/4
Живой скот	138/4	241/8	111/2,5	36/1	66/3
Соль	836/104	763/109	1174/126	140/14	262/65
Чай	7/21	8/25	7/18	5/15	13/77
Сахар	536/71	651/102	364/40	358/38	516/120
Консервы (тыс. порций)	14688/10	15637/14	15397/7,5	11952/5	12248/20
Овес и ячмень	223/2	371/4,5	131/¼	822/4	619/8
Сено	121/1,5	206/4	1556/15	978/8	1238/25

В ноябре 1917 г. войска перешли на ¼-фунтовую дачу мяса, хотя хлебный паек все еще составлял 2 фунта<sup>59</sup>. На южных фронтах недовоз основных продуктов компенсировали кукурузой, на северных — овощами. Из-за

<sup>56</sup> РГВИА. Ф. 2086. Оп. 1. Д. 17. Л. 73.

<sup>57</sup> РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 21. Д. 10. Л. 196.

<sup>58</sup> РГВИА. Ф. 499. Оп. 2. Д. 1934. Л. 19.

<sup>59</sup> ГА РФ. Ф. 6051. Оп. 1. Д. 17. Л. 301.

нехватки продуктов осенью 1917 г. в тылах фронтов различным адресатам продукты развозились пятидневными выдачами, что лишь увеличивало стоимость продуктов<sup>60</sup>. В начале ноября 1917 г. главнокомандующий армиями Западного фронта генерал П.С. Балубев сообщал, что «запасы иссякнут на днях, и армии ожидает голод»<sup>61</sup>. В тыловых гарнизонах хлебный паек также был сокращен до ½ фунта.<sup>62</sup>

Отказ советского правительства от продолжения войны поставил командование перед задачей грядущего выхода России из мирового конфликта и роспуска армии по домам. Журнал совещания по демобилизации при штабе Ставки 16 ноября 1917 г. под председательством А.Е. Гутора установил, что состав эшелона с демобилизованными составит 50 вагонов, в том числе 47 с людьми (40 человек летом и 35 — зимой на вагон), 2 вагона под кухни и 1 под продукты — «вагон-цейхгауз». Довольствие горячей пищей при перевозке должно производиться из походных кухонь по расчету одной походной кухни на 500 человек. Совещание постановило, что «хлеб, чай и сахар на 4 дня пути увольняемые солдаты получают из своих частей, а на остальные дни пути и прочие продукты продовольствия на весь путь по железным дорогам получают из продовольственных складов, устраиваемых при продовольственных пунктах»<sup>63</sup>. Демобилизованные подразделения должны будут иметь запас продфуража на 14 дней<sup>64</sup>.

Последние решения по снабжению уже распускавшейся армии принимались старым интендантством в декабре 1917 г. Резолюция по продовольственному вопросу межфронтовой комиссии снабжения в Ставке 11 декабря 1917 г. гласила: 1. Реорганизация продовольственных органов с привлечением в них делегатов фронта и от Советов; 2. Создание волостных продовольственных комитетов с целью осуществления хлебной монополии; 3. Выделить дополнительные ассигнования; 4. «Создать возможность частям фронта получать продукты из тыла за войсковые суммы так, чтобы при этом не нарушался государственный план продовольственного снабжения и обычное течение интендантских грузов»; 5. Организовать на местах рабочие команды и гужевые отряды по продовольственному делу; 6. «Организовать для извлечения излишков хлеба у его владельцев реквизиционные отряды с участием в них представителей фронта и местных Советов»;

<sup>60</sup> РГВИА. Ф. 2053. Оп. 1. Д. 40. Ч. 1. Л. 508.

<sup>61</sup> ГАОО. Ф. Р-81. Оп. 1. Д. 5. Л. 238.

<sup>62</sup> Октябрь в Туле. Сборник документов и материалов о борьбе за власть Советов в Туле и губернии в 1917 г. Кн. 1. Тула, 1957. С. 57.

<sup>63</sup> РГВИА. Ф. 2000. Оп. 6. Д. 29. Л. 6.

<sup>64</sup> Там же. Оп. 3. Д. 2820. Л. 3.

7. «Разгрузить тыл армии, упразднить учреждения и части, существование которых не оправдывается необходимостью»; 8. Сводить мелкие подразделения в крупные соединения, «особенно в обозных частях»; 9. «Ликвидировать все общественные организации на фронте», передав их функции военным органам<sup>65</sup>.

Октябрьский переворот и предстоящий выход России из войны полностью разрушили составленные еще в ноябре 1916 г. планы снабжения армии интендантским имуществом на срок с 1 января 1917 г. по 1 июля 1918 г. Эти планы предусматривали как «вероятную среднюю численность нижних чинов на театре войны в указанный период, на всех фронтах в совокупности», так и «таковую же численность лошадей с подразделением общего их количества на артиллерийских и инженерных и на верховых и упряжных»<sup>66</sup>.

С образованием Народного комиссариата по продовольствию деятельность старых органов фактически заканчивалась, а действия ГИНТУ направлялись на процесс демобилизации вооруженных сил. Первый Всероссийский продовольственный съезд 14 января 1918 г. принял декрет об организации Всероссийского совета снабжения при ЦИКе и отделов снабжения при местных Советах. Однако этот орган власти так и не заработал, так как все нити управления были переданы в реорганизованный Наркомат продовольствия, который в конце февраля 1918 г. возглавил А. Д. Цюрупа.

Таким образом, за период Первой мировой войны расход продфуража на снабжение фронта постоянно повышался, достигнув своего максимума в конце 1916 г., когда численность личного состава стала наибольшей. В революционной России 1917 г. продолжение войны предполагало дальнейшее обострение продовольственной ситуации, что Министерство продовольствия пыталось исправлять организацией, ибо рассчитывать на увеличение производства не было никаких оснований — такое увеличение могла дать лишь демобилизация. В начале 1918 г. снабжение остававшейся в окопах действующей армии резко ухудшилось, что побудило войска, по сути, перейти к самоснабжению за счет накопленных на ТВД запасов продфуража и использования ресурсов прифронтовой полосы.

В итоге каждый дальнейший шаг в продовольственном деле только усугублял общее положение, ибо личный состав армии оставался большим (не менее 7 млн человек только на фронте), война затягивалась и далее, но теперь даже без видимых перспектив. Начиная с августа продовольствен-

<sup>65</sup> ГАРО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 212. Л. 190.

<sup>66</sup> РГВИА. Ф. 499. Оп. 3. Д. 1522. Л. 16; Ф. 2003. Оп. 2. Д. 277. Л. 6.

ный кризис прогрессировал с новой силой, ибо общее падение производства хлеба и других продуктов означало, что вопрос распределения питания с целью недопущения голода стоит еще более остро, нежели в предшествовавший период и, что самое главное — в стране больше нет избытка продуктов, которыми можно было бы оперировать в наиболее тяжелое время. Поэтому сокращение потребления вплоть до недоедания и голодовок в потребляющих регионах и городах переводило большинство населения страны в разряд требующих снабжения получателей продовольствия, а транспортная разруха блокировала и без того слабые надежды на урегулирование продовольственной ситуации в стране накануне октябрьского переворота.

Зимой 1918 г. ситуация со снабжением неуклонно ухудшалась, так как хлебозаготовки фактически прекратились, наличие продовольствия в руках государства приблизилось к минимуму, а запасы как армейских складов, так и у населения прифронтовых регионов заканчивались. Развитие продовольственного кризиса в стране в целом не позволяло интендантским службам выполнять свои функции, ввиду чего роспуск армии к концу февраля 1918 г. становился неизбежным.





## REFERENCES

1. *Bukshpan Ja.M.* Voенно-hozjajstvennaja politika. M.; L., 1929. 541 p.
2. *Frenkin M.* Zahvat vlasti bol'shevikami v Rossii i rol' tylovyh garnizonov armii 1917–1918g. Ierusalim, 1982. 400 p.
3. *Lejberov I.P., Rudachenko S.D.* Revoljucija i hleb. M., 1990. 222 p.
4. *Pavljuchenkov S.A.* Krest'janskij Brest, ili predistorija bol'shevistskogo NJePa. M., 1996. 298p.
5. *Senin A.S.* «Zheleznye dorogi v marte — oktjabre 1917g.: ot krizisa k haosu» // *Voprosy istorii.* 2004. № 3. P. 32–56.
6. *Shubin N.A.* Problemy snabzhenija russkoj armii v uslovijah Pervoj mirovoj vojny. Opyt vzaimodejstvija gosudarstva i obshhestvennyh organizacij (1914–1917 gg.). Diss. kand.ist.n. M., 1997. 156 p.
7. *Sulejman N.A.* Tyl i snabzhenie dejstvujushhej armii. Chast' 2: Front i armija. M.; L., 1927. 446 p.

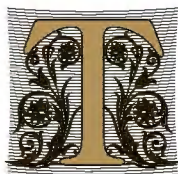


**Ключевые слова:**

кризис снабжения, падение подвоза, Министерство продовольствия,  
государственный переворот.

Maksim V. Oskin

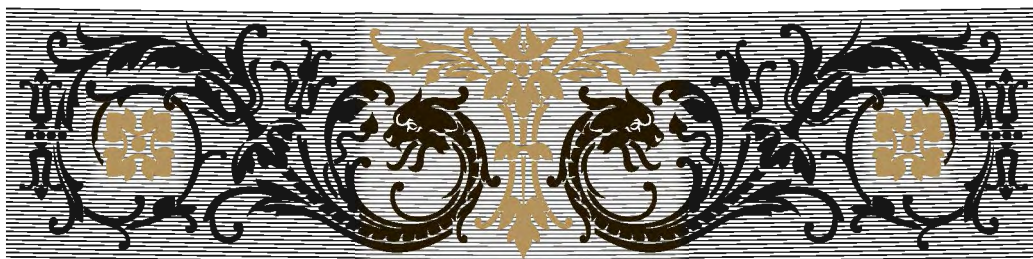
## COMMISSARIAT SUPPLIES OF THE RUSSIAN ARMY DURING THE 1915 CAMPAIGN



This article examines what ration distributors to the Russian army during the 1915 campaign demanded from commissariats and the more intensive efforts of the Ministry of Agriculture in the effectuation of this task. Supply of the front depended upon the transportation of food and feed from the rear, and during the conditions of military defeat and retreat from the western border of the Russian Empire, it increased the importance of the factor of «provisioning» the army in order to conduct military operations. The first problem in the chain of ration efforts of the country became a question of meat supply which was of particular importance to the procurement agencies. In general, the front supply agencies of 1915 coped with this task.

 **Оськин Максим Викторович** 

кандидат исторических наук, доцент  
кафедры общих гуманитарных и социально-правовых дисциплин  
Института законовещения и управления  
Всероссийской полицейской ассоциации



В.И. Гольцов

# ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И РЕВОЛЮЦИЯ В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

(на материалах переписки и дневника Л.А. Бызова)



о недавнего времени отражение Первой мировой войны в отечественной исторической науке осуществлялось исключительно с позиций макроистории. При этом «обычный» человек оставался вне поля зрения историков, воспринимался, образно говоря, как винтик в механизме объективных исторических законов. Его мысли и чувства во времена исторических катаклизмов, его восприятие глобальных исторических перемен не рассматривались и оставались, таким образом, лакуной исторического знания.

Утвердившиеся с недавних пор антропологический поворот и микроистория дают возможность изучить события этой войны с новой, ранее не исследовавшейся стороны, позволяют понять их восприятие в индивидуальном и массовом историческом сознании, что, в свою очередь, выявляет не замеченные прежде черты этих событий. Поэтому каждое частное свидетельство об этой войне имеет большое значение для многогранного восприятия и понимания ее истории.

Изучение взглядов того или иного свидетеля войны и начавшейся революции, как правило, имеет целью показать отражение в этих взглядах динамики развития российского общества в данный период. Такая постановка вопроса представляется правильной, но односторонней. Свидетель,



особенно если он думающий и рефлекслирующий, не есть лишь ретранслятор определенных исторических, политических и иных идей и тенденций. Его взгляды детерминируются не только историческим контекстом, но и самой его личностью, истоками ее формирования. Поэтому изучение взглядов того или иного свидетеля войны и революции предполагает не только их анализ на фоне исторического контекста, но и исследование личности самого автора, особенностей его творчества, его психологии.

Очень показателен в этом плане изданный в 2016 г. в Москве двухтомник «Бызовы. Голоса прошлого», содержащий переписку большого круга людей, охватывающего членов одной семьи, их друзей и знакомых в переломные для нашей страны годы: 1905–1935. Основную часть издания занимают переписка главного персонажа — Леонтия Алексеевича Бызова — с друзьями и родственниками и его военный дневник. Публикуются также дневники и воспоминания его супруги Наталии Николаевны Бызовой-Фадеевой. Дополняют издание научная автобиография Л.А. Бызова, написанная им в 1935 г., обстоятельное введение от составителей о круге его родственников и друзей и аннотированный указатель. Данное издание позволяет посмотреть на переломные события российской истории глазами российского интеллигента и офицера и, в результате, увидеть эту глобальную историю с непривычной для многих стороны.

При этом следует отметить, что письма являются сложным историческим источником, так как каждое из них отражает лишь часть, лишь одну сторону мыслей автора. Примечательна пометка Л. Бызова, сделанная им после написания одного из писем: «Перечитал и вижу, что плохо очень написал. Если бы сейчас сел, написал бы несколько иначе. Но не стоит переписывать. Во всяком случае, мое письмо есть отражение одного из мгновений моих мыслей»<sup>1</sup>. Эту реплику желательно помнить при изучении истории по таким источникам, как письма и дневники. Каждая мысль, каждое высказывание — это как кусочек смальты, и нужно очень постараться, чтобы сложить целостную мозаику.

Особый интерес представляют переписка Л. Бызова периода 1917 г. — начала 1918 г. и его дневник за 1917 г. Достаточно указать, что он написал в своем дневнике о необходимости отражения «психологии своей и своих товарищей по несчастью, — ведь вся наша психология не есть психология индивидуальностей, оторванных от общей почвы, — нет, наша психология есть психология времени, места и момента»<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Бызовы. Голоса прошлого. В 2 т. Т. 1. В 2 кн. Кн. 1. М., 2016. С. 455.

<sup>2</sup> Там же. Кн. 2. С. 417.

Необходимо заметить, что, по сравнению с письмами, дневник Бызова выглядит гораздо более пессимистично. Можно сделать предположение, что, берясь за письма, Леонтий на правах старшего сына в семье видел свой долг в моральной поддержке близких, в необходимости дать им практические советы в переживаемое страной трудное время, что приводило к стремлению спрятать свои эмоции. Они проявлялись, конечно, в первую очередь в письмах сестре Ирине, наиболее близкой Леонтию по духу, но в полной мере были отражены в дневнике, когда Бызов, как говорится, общался сам с собою.

Прежде чем перейти к анализу взглядов Л. Бызова на события 1917–1918 гг., попытаемся, хотя бы отдельными штрихами, набросать его биографию, в том числе интеллектуальную.

Он родился 20 апреля 1886 г. вторым ребенком в семье Алексея Тимофеевича Бызова и Татьяны Павловны Новицкой. Всего в семье было пятеро детей. Кроме Леонтия — его старшая сестра Наталья, младшая сестра Ирина и младшие братья Тимофей и Иван. Несмотря на то, что Леонтий был вторым ребенком, он взял впоследствии на себя практически всю заботу о семье. Удивительно, но еще в молодые гимназические, затем студенческие годы он стал центром притяжения как друзей, так и родственников. Уже к 18 годам у него сложилась огромная переписка. В годы юности он учился в Электротехническом институте, увлекся марксистской политической экономией, участвовал в студенческом и рабочем движении, полгода сидел в тюрьме. Освободившись в 1907 г., он поступил на юридический факультет университета, который окончил в 1912 г. Отбыл воинскую повинность, начал работать, а в июле 1914 г. снова был призван в армию. Всю войну, от начала и до весны 1918 г., служил в артиллерийских войсках на Западном фронте, начав со звания прапорщика и закончив званием штабс-капитана (все эти звания были отменены в армии в ходе революции)<sup>3</sup>. Демобилизовался в 1918 г.

О своих политических и интеллектуальных предпочтениях он отчасти сообщал в «научной автобиографии», отмечая, что его главным интересом с 1908 г. была политическая экономия (марксизм), сочетающаяся с «некоторым участием в студенческом и рабочем движении». Да и арест его произошел в рабочем клубе. В тюрьме он продолжал заниматься политэкономией, изучал «Капитал», а также философию и социологию. Бызов отмечал, что его основные научные интересы определились преимущественно под влиянием К. Маркса и Г.В. Плеханова, с одной стороны, и впечатлений от

<sup>3</sup> Там же. Кн. 1. С. 13–14.

революции 1905 г. — с другой. «Основной вопрос, заинтересовавший меня в то время и определивший весь дальнейший ход мысли — отношение “базиса” и “надстройки”, а главное — механизм возникновения надстроечных явлений из базиса. <..> Мне казалось, что из положений Маркса — “Философы до сих пор объясняли мир, а дело идет о том, чтобы его переделать” и “Люди сами делают свою историю” надлежало сделать более глубокие выводы: люди “делают свою историю” и “могут переделать мир” только через посредство “организаций”, которые они строят, в которых участвуют и закономерностям жизни которых подчиняются. Найти эту закономерность, а следовательно, вскрыть конкретные пути отражения “базиса” и постепенного “выражения” его в надстройке: так примерно можно сформулировать тогдашние мои намерения, заставлявшие обратить внимание на социально-психологическое направление в социологии и на только начавшие пробиваться в русской литературе идеи научной организации труда...»<sup>4</sup> О своих политических пристрастиях Бызов весьма четко написал в одном из писем 1917 г.: «Я... вырос на 1905 годе и сделался меньшевиком, и с тех пор все слабости, споры до войны и революции, только больше и больше укрепляли меня в этом»<sup>5</sup>. Такие взгляды, естественно, следует учитывать при анализе его отношения к событиям 1917 г.

Примечательно, что до середины марта он, находясь на фронте, в своей переписке практически не упоминал о событиях в России. При его интересе к политике это можно объяснить только задержкой информации. В своем письме гатчинской знакомой Меле Рогалевой от 19 марта 1917 г. Бызов сетует: «По-видимому, что-то случилось с почтой, потому что давно-давно — почти две недели, я ниоткуда не получал никаких известий. Правда, Ваше письмо от 28 февраля я получил, но это было вообще последнее письмо, полученное мною. С тех пор все точно умерло, точно мы отрезаны от тыла невидимой стеной. Черт знает что такое — или интенсивная жизнь там, в России, так захватывает людей, что им некогда братья за перо, или какие-нибудь причины другие, но мне прямо досадно и не хочется писать»<sup>6</sup>.

Тем не менее упоминание об интенсивной жизни в России свидетельствует, что информация о Февральской революции до Л. Бызова дошла. Недаром он в этом же письме чуть ниже радостно восклицал: «Ведь такие перспективы в российской-то республике, в величайшей в мире демократии! А ведь кто-то, кажется, не верил, что мы — величайшая демократия

<sup>4</sup> Там же. С. 20.

<sup>5</sup> Там же. С. 382.

<sup>6</sup> Там же. С. 372.

мира!»<sup>7</sup> В своем дневнике от 7 марта он уточнил, что Россия республикой еще не стала, «но Учредительное собрание учредит, несомненно, республику»<sup>8</sup>. Февральскую революцию охарактеризовал как «стремительный, величественный и скорый переворот», как свершившийся предсказанный Ф. Энгельсом «прыжок из царства необходимости в царство свободы», а до-революционный период называл «доисторическим временем», «когда еще имели какой-то смысл такие архаические и по своей архаичности даже забавные слова, как “Долой самодержавие!”»<sup>9</sup>

Таким образом, радость, даже эйфория по поводу революционных событий чувствуется. Тем не менее, характеризуя настроения на фронте, Бызов подчеркивал, что «мы, фронтовики, силой вещей принужденные ко всему относиться с осторожностью, ощущаем в каждый момент, что вот-вот сунутся проклятые немцы зарезать нашу новорожденную республику, — мы, фронт, живем почти по-старому. Ново только то, что чрезвычайно обострились политические интересы, что перестали говорить “Ваше благородие”, да у большинства тревожное настроение, — что-то нас ждет завтра»<sup>10</sup>. Видно, что он озвучил здесь то, что в советской исторической литературе называлось «революционным оборончеством» и критиковалось с позиций большевиков. Но его мнение как офицера и мнение М. Рогалевой в ответном письме («Я только теперь искренне и от всей души желаю нам победы. Я теперь только чувствую, что нам есть что защищать»<sup>11</sup>) показывают ограниченность классовой (большевистской) критики революционного оборончества.

Демократические представления Л. Бызова высказывались им и в вопросе о лозунге «мира без аннексий и контрибуций». В одном из последующих писем к Рогалевой (от 6 апреля 1917 г.) он отмечал, что этот лозунг изначально пустой, так как в лучшем случае означает начало переговоров на основе статус-кво. Речь же, по его мнению, следует вести «о создании Соединенных Штатов Европы. Для того же, чтобы создать наиболее благоприятные условия для осуществления подобных Штатов... нужно проповедовать не отказ от аннексий, а неперемное признание, что решать судьбу всей Европы может только демократия, следовательно, для заключения мира всего важнее развязать демократию германскую»<sup>12</sup>. А «развя-

<sup>7</sup> Там же.

<sup>8</sup> Там же. Кн. 2. С. 385.

<sup>9</sup> См.: там же. Кн. 1. С. 372–373.

<sup>10</sup> Там же. С. 373.

<sup>11</sup> Там же. С. 374.

<sup>12</sup> Там же. С. 383.

зять» германскую демократию в понимании Бызова — «нанести ей такой великий удар, чтобы немцы крикнули, как мы: “Отечество в опасности” и им станет совершенно ясно, что лучшая защита страны — революция. Ибо у кого хватит духу зарезать новорожденную германскую республику?»<sup>13</sup> На основании подобных рассуждений он выдвинул лозунг: «“Мир на основе равенства народов, мир на основе решений международной демократии”, т. е. “война, пока Вильгельм не смирится”»<sup>14</sup>.

Большое место в переписке Л. Бызова, его родственников и знакомых занимала проблема Советов. В письме жены его командира, которая являлась сестрой министра Временного правительства Н.В. Некрасова, Л. Зинкевич, от 29 марта 1917 г. отмечалось, что в обществе «огромное неудовольствие вызывают претензии Совета на опеку правительства. ...Мне лично претит в Совете его злобная нетерпимость, его неинтеллигентность и тупость. Есть отличные люди, светлые головы, но они пропададут в общей трехтысячной массе»<sup>15</sup>.

Социалистическая позиция Л. Бызова привела его к более положительной оценке Советов, хотя при этом отмечались и недостатки: «Совет рабочих депутатов вещь превосходная. Его роль организатора демократии — великая роль. И надо отдать ему справедливость, Совет оказался политически весьма зрелым. Тем не менее он совершил ряд политических ошибок и особенно много нетактичностей. К таким нетактичностям принадлежат запрещение выхода черносотенных газет, часто запальчивое и мальчишеское отношение к Временному правительству, знаменитые приказы № 1 и № 2130, постановление о присяге (совершенно вздорное), — все это, конечно, недостаточно зрело и достаточно дезорганизует армию»<sup>16</sup>.

На этом фоне весьма показательно отношение к Временному правительству в кругу Бызовых. Наталья Бызова в письме брату от 1 апреля отметила, что «самое удивительное для нас — это доверие к правительству. Мы были воспитаны всегда с определенным недоверием к нему; все, что исходило от правительства, было плохо — даже, когда бывало хорошо — а теперь вдруг на каждом шагу слышишь об обращении к одному или другому министру, видишь телеграммы сочувствия, посылаемые правительству — и этот лозунг доверия звучит до сих пор так чуждо — для меня, по крайней мере — и так радостно»<sup>17</sup>.

<sup>13</sup> Там же. С. 383–384.

<sup>14</sup> Там же. С. 384.

<sup>15</sup> Там же. С. 375–376.

<sup>16</sup> Там же. С. 384.

<sup>17</sup> Там же. С. 378–379.

Таким образом очевидно, что воззрения А. Бызова и его родственников и друзей на политическую конфигурацию, сложившуюся в России после Февральской революции, весьма отличаются от оценок традиционной отечественной историографии, созданных с подачи большевистского взгляда на события 1917 г., и, по инерции мышления, присутствующих даже в относительно недавних публикациях. Переписка Бызова показывает, что большевистские взгляды (провозглашение Временного правительства антинародным и призыв к его свержению, утверждения о двоевластии, упреки Советам в нежелании установить собственное единовластие и т. д.) в кругах социально ориентированной интеллигенции и офицерства успеха не имели.

Показательно, что большевики упоминаются в переписке исключительно в негативной, в том числе и в негативно-шутливой коннотации. Так, в письме Л. Зинкевич Бызову 29 марта находим реплику: «Неужели и Вы, А.А., примкнете к большевикам... брр... это было бы совсем скверно»<sup>18</sup>. В письме к Рогалева от 6 апреля Леонтий иронично отмечал: «Вы, Меля, кажется, оказались неистойой большевичкой. Где уж мне угнаться за Вами»<sup>19</sup>.

В вышеупомянутом письме Л. Зинкевич есть весьма показательные строки: «Ведь если Вы большевик, то и переписка с Вами утрачивает смысл, я буду неизменно в Ваших глазах испуганным обывателем, чьи сообщения нужно пропускать через фильтровальную бумагу»<sup>20</sup>. Эта реплика кажется точной, так как в ней подмечены характерные для большевиков упреки окружающим в обывательстве и мелкобуржуазности.

Постепенно в переписке характеристика большевизма становится все более жесткой. В письме от 9 июня А. Бызов дал характеристику большевизму как самому страшному врагу революции в России, который должен быть побежден. «Временное правительство, если ему не удастся с ним справиться мирно, рано или поздно вынуждено будет прибегнуть к диктаторской власти, к подавлению силой...»<sup>21</sup> Рогалева в письме к нему от 17 июня (накануне демонстрации 18 июня под большевистскими антиправительственными лозунгами) с ужасом предсказывала возможность братоубийства. Она отмечала, что в «Правде» пишут о мирной демонстрации, «но то, что делается на митингах на заводах, указывает совсем на другое»<sup>22</sup>. При этом она обращала внимание на лицемерие большевиков: «Ведь тот клич, с которым они завтра выходят на улицу, — вся власть Советам, — этот

<sup>18</sup> Там же. С. 375.

<sup>19</sup> Там же. С. 382.

<sup>20</sup> Там же. С. 376.

<sup>21</sup> Там же. С. 415.

<sup>22</sup> Там же. С. 418.

ключ лицемерие. Какому это Совету власть? Тому самому, который они шельмуют на каждом шагу? Ведь это тот самый Совет, в котором они имеют жалкое представительство, и которого корни они поэтому каждый день подкапывают»<sup>23</sup>. 18 июля Бызов писал о том, «какое может быть сравнение между большевиками старого доброго времени и теперешней бандой дураков, демагогов, предателей...»<sup>24</sup>

Но, разумеется, как офицера действующей армии, в первую очередь его беспокоили события на фронте. «Фронт до сих пор так-таки и не участвует в творческой работе тыла, но сильно расшатывается под его ударами»<sup>25</sup> (из письма Наталье 19 апреля); «К сожалению, у нас на фронте все гораздо, гораздо хуже, чем даже в таких дырах, как Климовичи (уездный город, где проживало около пяти тысяч жителей; здесь жили многие члены семьи Бызовых. — В. Г.). <..> А между тем дезорганизаторская работа, неизбежно связанная со всякой революцией, свое дело делает»<sup>26</sup> (из письма Наталье 26 апреля); «...почти повсюду были так называемые братания с немцами. Идеология этих братаний довольно почтенная — распропагандировать дисциплинированную германскую армию на предмет признания немцами мира без аннексий и контрибуций. Но, увы, способы этой пропаганды весьма убоги и примитивны, а результаты больше чем сомнительны. Немцы очень охотно “братаются”, вывешивают белые флаги, зазывают земляков, которых угощают папиросами, иногда пивом, даже снимают фотографии, а одновременно стараются выпытать о состоянии и настроении в армии... Из подобного “братания”, столь пропагандируемого Лениным, решительно ничего, кроме дезорганизации собственной армии, не получается, да и получить, естественно, не может. Пехоте, конечно, нравится, что благодаря нашему и немецкому молчанию она может беспрепятственно и безнаказанно сидеть на брустверах, шляться за окопами, подбирая алюминиевые трубки, переливаемые потом на ложки, и т. п. <..> На днях на батарее даже подбросили безграмотную записку с угрозами “переколоть как лягушек” или “забросать бомбами”, если мы будем стрелять и этим мешать “делать мир”»<sup>27</sup>.

Офицерство, чувствуя, что происходящее разлагающе влияет на армию, пыталось ввести ситуацию, что называется, в берега. Командир Бызова А. Зинкевич в апреле 1917 г. подчеркивал: «...вмешиваться в мои распоря-

<sup>23</sup> Там же.

<sup>24</sup> Там же. С. 432.

<sup>25</sup> Там же. С. 387.

<sup>26</sup> Там же. С. 388.

<sup>27</sup> Там же. С. 389.

жения до той поры, пока они не противоречат моим правам и обязанностям, я не позволю никаким крикунам. ... Я оставляю за собой право распустить комитет, если его работа будет признана мною не соответствующей обстановке, но новый комитет или переизбрание старого должны будут сделаны в кратчайший срок. Вообще я считаю, что самое важное — это организовать людей, тогда можно хорошо работать вместе, и никаких недоумений не будет. Я сторонник самого широкого использования труда, разумной инициативы и контроля солдат, но если только сами солдаты задаются целью не работать, а гадеть, они не встретят с моей стороны никакого сочувствия»<sup>28</sup>. Как видно, А. Зинкевич в целом не против солдатских комитетов. В упомянутом письме он даже сформулировал свое мнение о наиболее целесообразной структуре комитетов и сделал вывод, что «хорошему и честному офицеру и солдату нечего бояться комитетов, а надо их приветствовать. Быть может, им удастся освободить армию от этой накипи, которая, к сожалению, есть среди офицеров и солдат»<sup>29</sup>.

И тем не менее, эйфория от первых месяцев революции прошла, и тревога, подчас не всегда отрефлексированная, поселилась в переписке круга Бызовых. Сам Леонтий в письме Наталье от 9 июня отметил: «Газетные сведения о состоянии армии, о разложении, произведенном в ней всем процессом революции, далеко не исчерпывают всего того, что на самом деле происходит... На очереди сейчас вопрос о наступлении; ...наступление, сопровождающееся успехом, должно сразу подвинуть далеко вперед дело оздоровления армии. Вопрос только в том, возможно ли наступать, боеспособна ли наша армия в настоящий момент. ...попробуй-ка только заставить действительно пойти, может быть, на верную смерть, попробуй-ка вынудить поднять голову из окопа, кинуться на неприятельскую проволоку под градом снарядов, попробуй-ка сделать это, когда прежние мотивы подчинения — страх начальника, привычка к повиновению, нажиму, просто тупая покорность разрушены, а новые мотивы еще не создались, и неизвестно, создадутся ли»<sup>30</sup>. В тот же день он пишет письмо еще одной сестре, Ирине, в котором высказал следующее: «Война, как тебе известно, приняла совершенно нелепые формы бессмысленного, бездельного стояния. Работать заставить трудно, а боевых условий нет. <..> Разводить ерунду братания, ничего не делать и т. п. — это значит систематически развращать и дезорга-

<sup>28</sup> Там же. С. 391–392.

<sup>29</sup> Там же. С. 393.

<sup>30</sup> Там же. С. 412–413.



низовывать армию»<sup>31</sup>. Из письма Л. Бызова мужу старшей сестры Натальи, Платону Семенову, 29 июня: «Мы, фронтовики, сейчас ужасно злы. Там, на юге, армия страшным усилием преодолела, наконец, инерцию стояния и достигла крупных результатов. <...> А мы, — стоим и кусаем со злости ногти. Почему мы так же не идем вперед? Что же, разве мы не понимаем, что вопрос наступления — вопрос жизни и смерти, счастья и светлого будущего России? Ну, конечно, понимаем. Но справиться с разлагающим влиянием большевизма у нас, на Западном фронте, по крайней мере, до сего времени еще не удалось»<sup>32</sup>. В письме Ирине от 11 июля Бызов сетовал, что «в армии ужасно плохо, а между тем в России очень мало кто понимает, что гибель армии есть действительно, а не на словах только гибель и России и революции. ...все заражены нелепым “интернационализмом”, несомненно, диктуемым простой усталостью и отсутствием гражданского воспитания»<sup>33</sup>.

На взглядах Л. Бызова на армейские дела следует остановиться подробнее. Его анализ процессов, происходящих в армии в 1917 г., при всей искренности, образованности и патриотизме самого Бызова, нельзя признать глубоким. Проще всего объяснить разложение армии деятельностью Советов и большевиков. И хотя создание солдатских Советов, солдатских комитетов, положения приказа № 1, конечно, существенно разложили армию, но сводить причины происшедшего с ней только к этому — явно недостаточно. Ведь неизбежно напрашивается вопрос: а почему действия большевиков упали на так удачно подготовленную для них армейскую почву? Думается, что ответить на этот вопрос Бызову помешал его офицерский статус. Его мышление не учитывало (или не хотело учитывать) солдатского взгляда на происходящее: который год идет война, ее перспективы и сроки окончания неясны, война каждодневно приносит жертвы, и в первую очередь солдатские. А между тем — в тылу революция, перспективы получения земли. В этих условиях желание солдат не воевать, не кидаться «на неприятельскую проволоку под градом снарядов», а «брататься» и даже дезертировать может быть сколько угодно осуждаемо со стороны генералитета и офицерства, но именно оно в реальности будет определять положение дел в армии (и определяло).

Анализ писем Л. Бызова и его окружения, помимо прочего, показывает нам, как могут отличаться масштабы событий реальной истории и масштабы этих же событий в восприятии различных слоев общества. Возьмем,

<sup>31</sup> Там же. С. 416.

<sup>32</sup> Там же. С. 420.

<sup>33</sup> Там же. С. 425.

к примеру, события 4 июля 1917 г., когда большевики решили использовать солдат Петроградского пулеметного полка, чтобы те надавили на руководство Советов и заставили его отказаться от поддержки Временного правительства, после чего, по мнению большевиков, правительство падет и в установившемся единовластии Советов произойдет большевизация. Это привело к резкой дестабилизации ситуации и, по сути, к гражданской войне в пределах одного города, когда солдаты, верные присяге и правительству, вынуждены были силой умирять солдат, устроивших мятеж, а те, в свою очередь, стреляли по правительственным войскам. Этот, как его называли в советской исторической литературе, «третий кризис Временного правительства» (а на деле, попытка большевиков взять власть) наложил серьезный отпечаток на последующее развитие событий в 1917 г., в частности, способствовал появлению корниловщины. В переписке окружения Бызова это переломное событие не получило подробного отражения. Тем не менее, следует подчеркнуть, что П. Семенов в письме Леонтию от 7 июля отметил: «Ты, кажется, совсем нацелился пророком быть. Оно, правда, по положению вещей можно было ожидать, но все же таки!.. Чуть ли мы до этой пресловутой диктатуры достукались. Трудно, конечно, угадать, чем кончится, но, по-видимому, товарищи большевики поторопились очень. Думаю даже, не сорвалось ли у них дело с предполагавшимся революционным давлением на Учредительное собрание. Да и самое Учредительное собрание не кинет ли вся эта авантюра вправо»<sup>34</sup>. Из письма понятно, что Платон (как и многие другие) ожидал быстрого созыва Учредительного собрания и просчитывал последствия происшедших событий начала июля именно в связи с собранием, что являлось преждевременным. Но вместе с тем нельзя не отметить адекватную оценку происшедшего как авантюры и точного прогноза о сдвиге вправо. Об изменениях в обществе свидетельствовала из Киева Ирина в письме Леонтию 17 июля: «После июльских событий в Петрограде озлобление против большевиков, настроение погромное. Только вместо “бей жидов” — бей большевиков. Киоски большевистские сожгли»<sup>35</sup>.

В письмах самого А. Бызова после июльских событий уже нет радостного ожидания демократии, нового революционного порядка, победы над Германией. Он пишет о диктатуре. Судя по контексту, речь не идет о диктатуре большевиков, но виноватыми в этой возможной будущей диктатуре Бызов считает именно большевиков. В письме к Рогалевой от 10 июля

<sup>34</sup> Там же. С. 421.

<sup>35</sup> Там же. С. 430.

читаем: «Прошлый раз я писал Вам еще более или менее надеясь на хоть сколько-нибудь удачный исход. А сейчас я в полном отчаянии. Если можно еще было надеяться на сравнительно мягкую диктатуру Временного правительства, то теперь эта надежда потеряна. Преступники и предатели, которых они до сих пор называют большевиками, — предатели, которым нет прощения! <..> Эти мерзавцы сорвали наступление до конца. ...Когда вы получите письмо, весь юг уже будет, вероятно, охвачен паникой, в которой погибнет все то, что чуть начало выправляться. Отсюда ясно, как день, что грядущая диктатура будет страшно жесткой, кровавой»<sup>36</sup>.

Как человек военный, верный долгу и присяге, А. Бызов рассуждал в соответствующей системе координат и успехи революции связывал с победами на фронте, а поражения — с провалом революции. Так как победы на фронте отсутствовали, пессимизм в его письмах усиливался. Вот характерный отрывок из письма Рогалевой от 18 июля: «Скажите, теперь Вы и Ваши друзья, в начале революции мечтавшие о революциях в Англии, Франции и прочая, прочая, прочая... и об утверждении посредством этих революций всемирного мира, — убедились ли Вы теперь, что вся эта политика, в существе своем заключающая правильную мысль, но столь невежественно проводимая, — не приблизила, а отдала мир. Неужели и теперь не ясно, что если бы наше наступление... оказалось бы вообще успешным, то в сентябре мы вели бы переговоры с немцами о мире на основе права народов на самоопределение. А сейчас... не исключена возможность... военного разгрома России еще до наступающего зимнего периода»<sup>37</sup>.

Больше пессимизма с течением времени мы находим и в письмах корреспондентов Леонтия. В письме Рогалевой от 12 июля высказывается критическое отношение по поводу деятельности эсеров и Советов в Гатчине — за многоречивость, отсутствие деловитости, обсуждения «886-ого дела» вместо первоочередных<sup>38</sup>. В письме Ирины от 27 июля отмечается, что «громадное большинство тех, кого слышишь в разговорах на уличных митингах, заражены разлагающим настроением: спасайся, кто может». «Люди устали от войны и от революции»<sup>39</sup>. В письме Зинаиды Суворовой, жены младшего брата Леонтия — Тимофея, от 30 июля, говорится: «Все почти нервничают и издергались, и всякий разговор на политические темы кончается руганью»<sup>40</sup>.

<sup>36</sup> Там же. С. 423.

<sup>37</sup> Там же. С. 433.

<sup>38</sup> См.: там же. С. 427–428.

<sup>39</sup> Там же. С. 444.

<sup>40</sup> Там же. С. 446–447.

Показательно письмо А. Бызова П. Семенову от 20 июля. Леонтий советовал Платону прочитать те места из романов Г. Уэллса, где речь идет о разложении всего социального организма. И тут же переходил к характеристике России: «Легкий, но совершенно явственный гнилостный запах чувствуется над всей Россией. Процессы разложения все еще сильнее процессов организации. Мы все еще катимся и катимся в пропасть дезорганизации. Остановимся ли? <..> Надо надеяться, что да, но, увы, у меня сейчас нет полной уверенности в этом»<sup>41</sup>. По мнению Бызова, «нас душит царизм, нас душит проклятый старый строй, превращает наши души в рабы души и психологию в рабью психологию. <..> Россия <..> отравлена трупным ядом векового рабства — с какой тяжестью она это сейчас чувствует. И нет уверенности, что мы не отравлены смертельно»<sup>42</sup>. Он крайне сожалел, что в ответ на призыв, рожденный еще Французской революцией — «В ружье, гражданин»: «Тебе нет отклика! Ты не услышишь мощного хора, ты услышишь пошлую “дискуссию” на мотив об империализме и ура-патриотизме»<sup>43</sup>. Он не конкретизировал, кто именно является олицетворением «издохшего старого строя», но по названным им чертам нетрудно догадаться, что он имеет в виду большевизм. И, судя по письму, ему не раз в ответ на его высказывания о необходимости продолжения войны и наступления приходилось выслушивать упреки в империализме и ура-патриотизме. Эта обида проглядывает явно. Чуть позже Бызов отметит, что для редакции «Известий» он «все еще буржуй и ура-патриот»<sup>44</sup>.

В своих письмах А. Бызов дает анализ сути переживаемого Россией момента и с марксистских позиций. Так, в очередном письме к Роголевой от 22 июля он подчеркнул, что не следует относиться болезненно к тому, что социалисты идут на поводу у буржуазии. «Нет сомнений, что наша революция по своим объективным целям есть революция буржуазная — правильно, национально-буржуазная. Это значит, что конечный результат у нас не может не быть капиталистического строя с той или другой степенью демократизации (так в тексте. — В. Г.). Если же это так, то разве не ясно, что та партия, в интересах которой установление этого строя — и не дальше, т. е. буржуазно-демократическая партия — обязательно должна быть объективно наиболее правильной»<sup>45</sup>. Похожие мысли высказывались Бызовым в письме Ирине от 5 августа. Он не согласен с выводом сестры о том, что соглашение с каде-

<sup>41</sup> Там же. С. 434.

<sup>42</sup> Там же. С. 434–435.

<sup>43</sup> Там же. С. 435.

<sup>44</sup> Там же. С. 438.

<sup>45</sup> Там же. С. 440.

тами — это могила и признак бессилия демократии<sup>46</sup>, поэтому отмечал: «Я считаю крайне опасной, чрезвычайно легкомысленной иллюзией, что “революционная демократия” сейчас очень сильна. <..> На самом деле, русский социализм переживает сейчас тяжелый кризис, и нужно быть готовым к самым неожиданным — на первый взгляд — и тяжелым его поражениям. К современному, так называемому социализму, и к большинству современных “социалистических политических деятелей” я чувствую почти презрение. Сейчас мне стыдно называться социал-демократом, сейчас, когда в социалисты лезет всякая сволочь, тонко чувствующая носом, где пахнет жареным, или политические младенцы...»<sup>47</sup> По мере развития событий 1917 г. у Л. Бызова усиливалась критика не только большевиков, что понятно, но и меньшевиков и эсеров, причем, критика эсеров весьма резкая.

Таким образом, Бызов понимал буржуазный характер революции и, следовательно, необходимость союза социалистов с более умеренными кадетами, и одновременно остро подмечал такие недостатки социализма, как гипертрофия «классовых интересов», «за которое принимают первое проявление групповой или личной жадности и зависти». В том же письме Ирине Бызов писал, что демократия «и сейчас... еще не победила, а с большим трудом отстаивает свое существование, победитель сейчас — ..охлократия, чернь, беспросветно темная и первобытно жадная масса. ...А чтобы демократия созрела, — необходимо, чтобы она была организованной, дисциплинированной, образованной, работоспособной, — словом, культурной»<sup>48</sup>. Пока же, по мнению и Ирины, и Леонтия, «Россия прежде всего не культурна, не гражданственна... Россия ленива, распушенна, недисциплинирована, лжива и продажна, а прежде и главнее всего — беспросветно темна, темна в политическом, в техническом и во всяком другом отношениях»<sup>49</sup>. Критикуя состояние социализма и демократии, Л. Бызов подчеркивал, что «горько и больно видеть каждый день, что именно то течение, которому больше всего сочувствовал, которое привык отождествлять с собой, постоянно совершает ужасные ошибки и часто преступления против самого себя, против своего будущего»<sup>50</sup>.

Но, переходя к вопросам военным, Бызов занимал гораздо более жесткую позицию (впрочем, как и ранее). Он, по собственному признанию, начинал понимать психологию террора. «Я ведь знаю и то, что солдаты, бегу-

<sup>46</sup> См.: там же. С. 451–452.

<sup>47</sup> Там же. С. 452.

<sup>48</sup> Там же. С. 451.

<sup>49</sup> Там же. С. 450.

<sup>50</sup> Там же. С. 453.

щие от первой шрапнели и убивающие своих же товарищей, умоляющих их спасти положение, и тысячи жизней, очень мало в чем виноваты; но я знаю, что их нужно казнить смертью. Если мне придется быть участником военно-революционных судов, я буду приговаривать к смерти, хотя, может быть, навеки лишусь потом спокойствия, может быть, навсегда кошмаром будут расстрелянные по моему приговору»<sup>51</sup>.

Несмотря на то, что из писем Л. Бызова вырисовываются такие причины переживаемого Россией кризиса, как отсутствие новой революционной дисциплины и гражданственности, отсутствие достаточной помощи армии, разложение внутри самой армии, и виноваты у него в этом Советы, а прежде всего — большевики, чувствуется, что подобный ответ его не удовлетворяет, по крайней мере, интуитивно. Интересным источником в этой связи является написанное им в июле 1917 г. письмо для газеты (а он в ряде своих писем обговаривал возможность их публикации). В письме была нарисована почти апокалиптическая картина российской действительности: бежит армия (по его мнению — огромная, сытая и прекрасно вооруженная), разваливается правительство, гибнет промышленность, падает рубль, растут цены... А впереди — остановка железных дорог, голод, поражение в войне, грабежи, разбои и смерть. Кто в этом виноват? Кто разрушил Россию? Кто ее безнадежно преступный убийца? — ставил он риторические вопросы. Первый ответ на них — тоже риторический: «Революция — это сделала революция. Социалисты — это они, социалисты, делали революцию». На него следовало риторическое же возражение: «Да неужели это правда? Неужели правда, что революция погубила Россию?»<sup>52</sup> И далее — последний тезис этого неоконченного письма: «Увы, небезгрешна русская революция. Свое гордое красное знамя она не смогла пронести с достоинством. Увы, много страшных ошибок сделали русские социалисты, и дорого за эти ошибки они поплатятся. <...> Но разве может тысячелетнее государство погибнуть хотя бы и от непрерывных ошибок пяти месяцев революции?»<sup>53</sup> На этом письмо обрывается.

Таким образом, Л. Бызов так и не дал ответа на традиционный русский вопрос в этом письме, которое выглядит как его *credo*, да очевидно, с такой целью и писалось. И вряд ли потому, что не хватило времени — он умудрялся писать тексты несравненно большего объема, да и его полемический темперамент был такой, что будь у него ответ в голове, он бы обязательно

<sup>51</sup> Там же.

<sup>52</sup> См.: там же. С. 442–443.

<sup>53</sup> Там же. С. 443.

выразил его на бумаге. То, что письмо так и осталось неоконченным, свидетельствует, что Бызов понимал, что его варианты ответов на вопрос «кто виноват?» — неполны, недостаточны. К тому же и его корреспонденты не всегда соглашались с ним по поводу его резкого антибольшевизма. Рогалева в ответ на письмо Бызова от 10 июля возразила: «С чем я совершенно не могу согласиться в одном из Ваших писем, это с названием предателей и изменников, которое Вы даете проповедующим большевистские идеи. Не увлеклись ли Вы той ненавистью, которую я очень понимаю и которая невольно охватывает душу? Ведь изменником можно назвать только того, кто сознательно это делает, а кто исходит из идей, тот может только прискорбно ошибаться, но не быть изменником»<sup>54</sup>.

Представляет интерес отражение в воззрениях А. Бызова Государственного совещания, состоявшегося 12–15 августа 1917 г. в Москве с целью объединения сил вокруг Временного правительства, в то время как итоги совещания показали лишь огромные противоречия между различными социальными и политическими силами. Примечательно, что выступавшие на совещании пытались показать лишь свою правоту, опорочить оппонентов и никоим образом не обнаруживали стремления к компромиссу. По мнению Бызова, совещание поставило все слои общества друг против друга и тем самым показало реальное, а не фантазмагорическое соотношение сил. Если с этим выводом еще можно согласиться, то с выводом о том, что совещание «с полной ясностью доказало совершенную нелепость социалистических устремлений к максимализму, во-вторых, чрезвычайную иллюзорность опоры социалистических партий на большинство будто бы населения...»<sup>55</sup> — вряд ли. Он, несмотря на высокую самооценку (в одном из писем он писал, что «я имею слабость считать себя политически зрелым»<sup>56</sup>), вновь не учел в своем анализе взглядов широких солдатских масс на войну и, как следствие, — тактического успеха большевизма; проявил недооценку того, что социалисты, и в первую очередь большевики, как раз и выражали настроения большинства, какими бы они ни были с его точки зрения (незрелыми, антигосударственными, недисциплинированными).

Думается, Леонтия и его корреспондентов подвел тезис, изложенный им в письме Ирине от 22 августа: «...историю делают не желания и вождения отдельных лиц, хотя бы в массе своей составляющих большинство, а социальные силы, опирающиеся на социальные интересы. Буржуазия

<sup>54</sup> Там же. С. 448–449.

<sup>55</sup> Там же. С. 456.

<sup>56</sup> Там же. С. 436.

сейчас может быть очень малочисленна, но она истинный и признанный сейчас завтрашний государственный управляющий, потому что буржуазия есть крупнейшая социальная сила, опирающаяся на самый могущественный в настоящее время социальный интерес»<sup>57</sup>. Конечно, если понимать социальный интерес исключительно рационально, то он прав. Но дело в том, что он в своем рационалистическом детерминизме не учел, что история, увы, часто бывает иррациональна.

В том же самом письме Бызов одновременно проявил и удивительную политическую прозорливость, когда писал, что Совету, пожалуй, «удастся наклепать контрреволюционную офицерскую опасность. Совет, желая взять армию в свои руки, пожелал опереться на солдат и, несомненно, своей политикой восстановил их против офицерства, и этим расколол армию. ...естественно, что значительная часть офицерства, в массе своей задолго до революции совершенно растерявшего свои лояльные монархические чувства и потому искренно и с готовностью приветствовавшего революцию, <..> резко настроена против Совета. И вместо того, чтобы Совету опираться на армию, чего нельзя сделать, не опираясь на организующее армию офицерство, возможно, что на армию обопрутся контрреволюционные (и уже не в митинговом, а в истинном смысле этого слова) группы»<sup>58</sup>. Здесь он, как говорится, «как в воду глядел».

Крайне болезненно (что неудивительно) воспринял Л. Бызов сдачу Риги. Его письма конца августа 1917 г. достаточно противоречивы: с одной стороны, он писал о приближении террора (и понятно, что это террор не социалистический), с другой — хоть и с оговорками, выступал за возвращение смертной казни и критиковал Совет за противодействие этому и за критику генерала Л.Г. Корнилова. Бызов даже, несмотря на оговорку об опасности бонапартизма, пришел к выводу о том, что Корнилов — это положительная величина, это несомненный продукт нашей революционной эпохи<sup>59</sup>. Одновременно он писал о том, что солдатские «комитеты могут и должны быть чрезвычайно полезными»<sup>60</sup>, и о том, что «армия необходима и восстановление ее боеспособности нужно во что бы то ни стало. Если для этого нужно восстановление дисциплинарной власти офицеров, если для этого нужно уничтожение комитетов, усиление центральной военной власти — нужно на все это пойти»<sup>61</sup>.

<sup>57</sup> Там же. С. 456.

<sup>58</sup> Там же. С. 459.

<sup>59</sup> См.: там же. С. 462.

<sup>60</sup> Там же. С. 462–463.

<sup>61</sup> Там же. С. 463.



Между тем произошел Корниловский мятеж. Первое упоминание в переписке Бызова и его окружения содержится в письме Рогалевой от 31 августа. В нем она назвала Корнилова «предателем, подло сыгравшим в руку немцам, так как чем бы все это не кончилось, а к усилению раздоров в армии оно приведет. До ликвидации восстания я радовалась, что в Совете (нашем, Гатчинском) голосовала за смертную казнь (ну уж и грызло же меня это голосование), и теперь могу без противоречий мечтать о том, чтобы Корнилова вздернули». Данное письмо Рогалевой демонстрирует наличие конспирологических теорий в массовом историческом и политическом сознании в 1917 г. Так, она считала, что «одно усиленное повторение слова “мятеж” в официальных сообщениях внушает подозрение. Да и есть основания так думать. Слева ленинцами довольно были все напуганы, теперь Керенский напугал нас и правыми, и на этом рассчитывал утвердить симпатии к себе средних элементов, на них и опираться»<sup>62</sup>.

Первый отклик А. Бызова о Корниловском мятеже содержится в письме к матери от 7 сентября. Леонтий назвал его «безумным шагом Корнилова» и отметил, что после него все опять в состоянии хаоса и разложения и «нельзя ручаться, что сама армия вдруг не разложится и не побежит отдельными струйками в тыл, перебивши предварительно своих офицеров — ближайших представителей “буржуазии”»<sup>63</sup>. И если письмо матери касалось в первую очередь практических вопросов выживания (о том, что покидать насиженные места не следует, ибо вся Россия кипит), то свой анализ ситуации он, как это часто бывало и раньше, адресовал в тот же день Ирине. «Пять дней прошло с тех пор, как окончательно раздавлен мятеж Корнилова, и Корнилов уже кажется маленькой фигуркой, стремительно уносящейся в какое-то бездонное прошлое»<sup>64</sup>. «Совершенно напротив, сейчас новая и гораздо более грозная опасность встает со стороны большевизма, а на ней так осязательно видна контрреволюция, и уже не марксистская, а самая настоящая»<sup>65</sup>. «Образ действий Корнилова — заговор личности против правительства — нелепая по замыслу и изумительная по глупости выполнения попытка. Корнилов не то забыл, не то не знал очевидного правила всякого государственного переворота: “Если хочешь быть диктатором, будь им!” и не объявляй об этом по телефону за триста верст от предмета, на который хочешь посягнуть. Если Корнилов хотел и надеялся на успех, он должен был

<sup>62</sup> Там же. С. 471.

<sup>63</sup> Там же. С. 475.

<sup>64</sup> Там же. С. 476.

<sup>65</sup> Там же. С. 477.

поставить страну перед совершившимся фактом, а не устраивать завоевание Петрограда. И если бы Корнилов сделал так и добился успеха, мы увидели бы широту этого резонанса. Правда, что мы увидели бы кроме того и гражданскую войну, ибо, конечно, Корнилов, принужденный опираться на армию и ценовые элементы, проводил бы и свою политику в борьбе с демократией, а следовательно, усиливал бы контрреволюцию, но этого не случилось. Однако сила резонанса осталась»<sup>66</sup>. По мнению Бызова, резонанс этот в том, что после мятежа правительство должно опереться на офицерство, т. е. воспользоваться идеей Корнилова, а это приведет к сопротивлению со стороны Советов.

Мечты А. Бызова этого периода связаны не с Директорией как с временным решением проблемы, а с Демократическим совещанием второй половины сентября. Наиболее оптимальной политической конфигурацией на тот момент он считал так называемое «правительство обороны», опирающееся на армию через офицерство, комиссариат и комитеты; на промышленность — через торгово-промышленные организации и на демократию — через Советы. При этом он опасался, чтобы демократия не устранила две остальные опоры. Опасность этого он видел прежде всего в большевизме, наиболее развитом в Петрограде и Москве. Отсюда пожелание: «Всероссийское демократическое совещание должно создать оппозицию большевизму, в интересах самой демократии»<sup>67</sup>.

И опять, будучи военным, Бызов возвращался к теме офицерства. В письме к Рогалевой 16 сентября он высказывал мысль, что «правительство должно принять меры к тому, чтобы офицерство пошло к ним, а не за какими-нибудь прожектерами. Офицерство пойдет к правительству и всячески его поддержит тогда, когда правительство окончательно и решительно станет на путь усиления боеспособности армии, без всяких задних политических мыслей... Офицерство — вовсе не контрреволюционно, оно по существу своему не может не выражать собой идеи "обороны", а потому враждебно всему, что расшатывает армию. Укрепит армию прежде всего — единство армии и России в лице правительства...»<sup>68</sup> По его мнению, с этой идеей и выступал Корнилов, что, конечно, спорно. Бызов искал контрреволюцию везде, только не там, где она была на самом деле. Принадлежность к военной касте привела к невольному приукрашиванию Корнилова.

<sup>66</sup> Там же. С. 477–478.

<sup>67</sup> Там же. С. 479.

<sup>68</sup> Там же. С. 485.

Ход реализации большевиками своего плана не нашел отражения в переписке Л. Бызова, его родственников, друзей и знакомых. Вообще писем за вторую половину сентября и октябрь 1917 г. в сборнике отложилось немного — всего три. Следующее письмо — Ирины к Леонтию — написано уже в новую эпоху, которую так не хотели авторы рассматриваемой переписки — а именно 5 ноября 1917 г.

В своем дневнике 30 октября Л. Бызов сделал запись, что он находится третий день в Климовичах в связи с отпуском. (О маршруте Леонтия в отпуске сроком с 9 октября по 6 ноября также узнаем из дневника. Сначала он побывал в Петрограде, затем в Курске, затем в Киеве, откуда направился в Климовичи. Туда он прибыл 28 октября, а на фронт уехал 4 ноября<sup>69</sup>.) И в первый день, как приехал, узнал об аресте большевиками Временного правительства, за исключением Керенского. Он сетовал на пребывание в неизвестности, на то, что газеты «в этой проклятой дыре» 29 октября были только от 25-го<sup>70</sup>. В письме Ирины Леонтию от 5 ноября есть фраза: «А потом пошли все эти ужасные события»<sup>71</sup>. Ее информация довольно скупа (речь идет о Киеве): «У нас три дня была пальба из пулеметов и тяжелых орудий, убитых свыше 500, на улицах были баррикады и окопы. Победила Рада с большевиками. <..> А о Петрограде мы знаем страшно мало, газет нет»<sup>72</sup>. Чуть позже до Бызова дошли сведения о боях под Питером (то, что в советской исторической литературе называлось мятежом Керенского-Краснова) и о том, что вся Москва разбита тяжелой артиллерией<sup>73</sup>. Леонтий, как и раньше, дал совет родне оставаться в Климовичах, так как они отдалены от транспортных путей. Сначала у него еще существовала надежда на то, что данная ситуация — временная (он писал о четырех месяцах успокоения и еще о четырех — для восстановления на скорую руку)<sup>74</sup>. Но уже 15 ноября он отразил в дневнике новый вывод: «Все это будет продолжаться годы..»<sup>75</sup>

11 ноября Л. Бызов описал П. Семенову ситуацию на фронте, куда он вернулся после отпуска. «В батарее я, возвратясь, нашел большой развал. В мое отсутствие <..> батарею захватило большевистское поветрие, охватившее весь корпус и увлекшее за собой почти всю нашу армию.. В соседней дивизии арестовали массу офицеров и отвели их куда-то в тыл, в других

<sup>69</sup> См.: там же. Кн. 2. С. 407–409.

<sup>70</sup> См.: там же. С. 408.

<sup>71</sup> Там же. Кн. 1. С. 491.

<sup>72</sup> Там же. С. 492.

<sup>73</sup> См.: там же. Кн. 2. С. 411.

<sup>74</sup> См.: там же. Кн. 1. С. 495.

<sup>75</sup> Там же. Кн. 2. С. 412.

частях положение крайне обостренное. ...говорят о выборности начальства, создаются какие-то коллективные органы для управления частями. Словом, разруха полная. Весьма возможно, что скоро сместят меня и посадят какого-нибудь выборного солдата. Это будет довольно забавно»<sup>76</sup>.

О выборах в батарее Леонтий впоследствии упоминал неоднократно, предсказывая свое смещение с должности командира. 2 декабря в своем дневнике он сформулировал намерение остаться на фронте, даже если его не выберут: «...я уже раньше решил, что чашу надо испить до дна; и что я ни в коем случае не дезертирую, за исключением того единственного случая, когда мне предложат уйти из батареи на все четыре стороны, как поступили с Романовским, Каменским и Чайковским в 4-й батарее. Почему я так решил? Просто потому, что не чувствую себя вправе уйти в поста (так в тексте. — В.Г.); мой пост в батарее. Офицер обязан доказать, что он офицер, вовсе не потому, что ничего больше не умеет делать, а только быть барином, — нет, офицер — тот, кто умеет делать все, что делает солдат, и кроме того, умеет быть офицером»<sup>77</sup>.

Взгляды А. Бызова о причинах ситуации в армии (выше была показана, на мой взгляд, их односторонность) не изменились. В своем дневнике 27 ноября он сделал запись об «этой жадной, неразборчивой, стихийной жажде мира, мира во что бы то ни стало, мира, который независимо от своего содержания, от последствий для целого — является бесконечным благом само по себе...»<sup>78</sup> Вот характерный отрывок из письма Ирине от 12 января 1918 г. (даты за 1918 г. даются по новому стилю. — В.Г.): «Солдаты сейчас давно ни о чем не думают, кроме того дня, когда и им придет очередь идти домой: аннексии, контрибуции? Россия продана? Будущее безнадежно! “Учредилку” разогнали? Газет нет? Все равно. Лишь бы уйти домой. И отнюдь не одни большевики виноваты в этом полном разложении психики, ...в нем виноваты все те, кто своей неумной и близорукой политикой борьбы “за демократический мир” систематически убивал все побуждения, которые могли бороться со стихийной тягой к мирной жизни во что бы то ни стало. Ибо сейчас мира хотят хотя бы под условием вековечного рабства в будущем. Это рабская жажда мира, принятая за волю творческого народа»<sup>79</sup>.

Упрекнуть А. Бызова в абсолютном непонимании психологии солдатской массы нельзя. Еще 16 июня он написал в своем дневнике, что «отдален-

<sup>76</sup> Там же. Кн. 1. С. 496.

<sup>77</sup> Там же. Кн. 2. С. 445–446.

<sup>78</sup> Там же. С. 434.

<sup>79</sup> Там же. С. 14–15.

ность фронта (от городов, культурных центров. — В.Г.) скорее плюс, чем минус, по крайней мере, с чисто военной точки зрения. Не дойдет тлетворное влияние большевизма, играющего на самой чувствительной струне личного самосохранения»<sup>80</sup>. 15 ноября ему пришлось признать в своем дневнике, что «в каждом солдате до поры до времени дремлет большевик»<sup>81</sup>. Следовательно, о настроении народа, воюющего четвертый год и уже потерявшего всякий смысл войны, он как минимум догадывался. Но он, как офицер, считал это настроение («струну личного самосохранения») совершенно лишенным общественных идеалов военного порядка и боролся с ним, не учитывая, что эта струна сыграет огромную роль в истории. В то время как большевики использовали ее, переиграв тем самым своих политических оппонентов, к которым принадлежал и он сам. Как бы ни относиться к этому, но это реальность, с которой приходится считаться при анализе событий 1917–1918 гг.

В письме П. Семенову от 27 ноября Бызов сообщил о результатах выборов в Учредительное собрание в его батарею, которое весьма показательно. «...70% подали за большевиков, остальные за эсеров. Большевики у нас, конечно, зоологические. Вчера пришлось беседовать с одним весьма откровенным по полупьяному его состоянию: “По мне, — говорит он, — что большевик, что не большевик. Пусть только будет мир, какой угодно; только чтобы мне домой пойти, а там хоть трава не расти”. Что поделаешь против такой стихийной тяги?»<sup>82</sup> Комментариев к 70% Леонтий не дал, но нет сомнения, что он, даже не обладая итоговыми результатами выборов, где у большевиков было около 25%, понимал, что эта цифра очень большая. (Достаточно сравнить с данными по выборам в Учредительное собрание в провинциальных Климовичах, которое привел П. Семенов в письме Леонтию от 12 декабря: «из 56 тысяч голосовавших 45 000 голосов было подано за с.-р. и свыше 4000 за большевиков»<sup>83</sup>). Понимал, возможно, и то, что такая большая цифра — следствие того, что большевики уловили сокровенное желание солдат — «чтобы мне домой пойти, а там хоть трава не расти». Но признаться в этом — значит признаться, что «зоологические» большевики политически переиграли сторонников продолжения войны, к какому относился и он. Видимо, моральных сил на это не хватило. Осталось констатировать стихийную тягу.

<sup>80</sup> Там же. С. 394.

<sup>81</sup> Там же. С. 410.

<sup>82</sup> Там же. Кн. 1. С. 516.

<sup>83</sup> Там же. С. 523.

В письмах этого периода и у Л. Бызова, и у других начала превалировать тема, как пережить случившееся, как выжить. В письме к матери 15 ноября он предупреждал об опасности обвала фронта и нашествия голодных солдат. В этой связи он в который раз писал про сравнительно удачное в этом смысле расположение Климовичей, но также и о необходимости «организовать охрану, хорошо вооруженных и не из пришлых солдат..., а местную, связанную тесными узами с городом и окрестностями. Но одной охраной ничего не сделаешь: необходимо как-нибудь войти в положение бегущих, организовать хоть какое-нибудь пристанище, если возможно — питание: ибо, если не накормить, все разнесут, будьте уверены»<sup>84</sup>. Этот совет он адресовал через мать П. Семенову, имевшему непосредственное отношение к городскому самоуправлению. Леонтий писал о необходимости заготовок продовольствия в городе в связи с возможной остановкой железных дорог и прекращением подвоза товаров и денег. Писал он и о необходимости заранее подумать о правильном и интенсивном использовании всех рабочих рук, так как весной придется работать в поле и использовать каждый клочок земли. При этом он сделал важную оговорку: «Если я пишу и вмешиваюсь не в свое дело, то только потому, что знаю, с каким трудом привыкает человеческий мозг к мысли о возможной катастрофе и о гибели всего привычного уклада жизни. А не думая о катастрофе, нельзя встретить ее во всеоружии...»<sup>85</sup>

Впервые более-менее развернутые мысли о последствиях большевистского переворота встречаются в письме Бызова к Ирине от 16 ноября. Он признался, что в эти дни у него «были чуть ли не приступы отчаяния, — отчаяния за наше, русское будущее, за будущее армии, тыла, наших в Климовичах. Теперь я как-то уже притерпелся; все равно, все уже погибло и спасти может только чудо...»<sup>86</sup>; «...как ты знаешь, мой мозг так уж устроен, что я не могу не смотреть куда-то вперед. И я сейчас мысленно перешагиваю через демобилизацию, которая всего вероятнее пойдет катастрофично, через распадение России, через порабощение ее иностранным капитализмом. Перешагиваю, — ибо с победой большевизма я считаю, что все эти явления почти неизбежны и даже частью осуществились. А перспективы, естественно вытекающие отсюда — конец всяким мечтам о быстром движении России вперед, о расцвете и т. п. Нас ждет бедная, убогая жизнь в условиях почти средневекового существования, продолжение распада, и толь-

<sup>84</sup> Там же. С. 499.

<sup>85</sup> Там же. С. 500.

<sup>86</sup> Там же. С. 501.

ко потом начало нового возрождения, нового восхождения. Когда? Увы, может быть, уже не в нашем поколении, даже не в поколении Алексейчиков, Ясика и Косточек (дети Натали и Ирины. — В.Г.). Но именно потому, что будущее наше так мрачно, на нас, на всех нас, кто только может сохранить душу живую, падает долг пронести ценности, уже выработанные нами, через мрачный период»<sup>87</sup>.

Некоторые из участников переписки старались сохранить оптимизм. Так, Ирина в письме Леонтию от 19 ноября призналась: «Я не могу прийти в отчаяние наперекор всему. Почему — я не сумею объяснить. Я не могу поверить в окончательный развал России, я верю в лучший исход...»<sup>88</sup> Вера Суворова (старшая сестра Зины Суворовой, вышедшей замуж за Тимофея Бызова, жена Н.Н. Кузьмина, в будущем — крупного советского военачальника) из Петрограда (дата отправления не указана. — В.Г.) подметила: «Знаешь, когда мне случается видеть на улице, как помогают упавшему встать, как в трамвае уступают кому-нибудь место, как человек приветливо улыбнется другому или без оглядки... — я испытываю по таким мелким поводам — не шутя — необычайно радостное чувство, какое-то облегчение»<sup>89</sup>.

Но превалировало, конечно, осознание катастрофы. А. Бызов так написал Ирине 22 ноября: «Я кратко скажу: все погибло. Будем бороться за то, чтобы спасти осколки, и условимся после катастрофы на всей России стремиться создать общество русской культуры. А сейчас — протянуть бы жизнь до более светлого времени, не протянуть ног. Думаю, что с Учредительным собранием еще ничего не определится. ...что помешает большевикам разогнать или отложить Учредительное собрание? Ничто, ничто, едина разве совесть. Но здрава ли она у Ленина и компании и может ли она восторжествовать? Увы, сомнения нет»<sup>90</sup>. Прогноз оказался точным.

Показательно, что А. Бызов, во всех своих прежних письмах выступавший сторонником продолжения войны, начал менять свои взгляды. В письме П. Семенову 22 ноября он отметил: «Мир теперь нужен во что бы то ни стало; воевать больше мы не можем. Армии уже и сейчас нет, и не будет, пока она не будет вся распущена по домам и вновь через неизвестное количество времени создана. Надо сдаваться на милость, и единственное, чего можно желать, на что можно надеяться — не порвать окончательно с союзниками и остаться с ними. Увы, и это почти совершенно невозможно»<sup>91</sup>.

<sup>87</sup> Там же. С. 502.

<sup>88</sup> Там же. С. 504.

<sup>89</sup> Там же. С. 559.

<sup>90</sup> Там же. С. 505–506.

<sup>91</sup> Там же. С. 510.

На первый взгляд парадоксально, но Бызов по сути воспроизвел ленинский тезис о необходимости и вынужденности мира, что подтверждает невозможность продолжения войны. Примечательна и фраза о невозможности остаться с союзниками. Очевидно, Леонтий понимал перспективы именно сепаратного мира.

Из писем корреспондентов Бызова за ноябрь—декабрь 1917 г. можно получить сведения об общем тревожном настроении, о крестьянских съездах, о новом выборном начальстве, о погромах помещичьих усадеб и винокуренных заводов, об антисемитских погромах. О положении в армии информация, естественно, в письмах Леонтия. Вот характерный отрывок из его письма матери от 4 декабря: «Из газет вы, вероятно, знаете — ведь доходят же какие-нибудь газеты даже и в Климовичи, что армия стремительно и радикально “демократизируется”. Правда, в результате этой демократизации от армии ничего не остается... Вчера получен приказ “товарища Абрама” (подпольная кличка Н.В. Крыленко, советского Верховного главнокомандующего. — В.Г.)...приказ о том, что все чины и звания отменяются, все погоны и знаки отличия уничтожаются, все начальство выбирается, а невыбранное “бывшее” начальство, если оно не имеет удовольствия достигнуть 39-летнего возраста, который дает им право на отставку, обращается в рядовые с несением “рядовых” обязанностей. Завтра у нас выборы командира. Меня хотя и выставили кандидатом, но, по-видимому, только для отвода глаз; несомненно, не выберут, ибо “на солдатские стоны” я ходил все время довольно неохотно, а растаскивать батареинные деньги позволял весьма умеренно. Кроме того, хорошо известно, что я если и не буржуй, то во всяком случае держу руку буржуев... Жалованье у меня пойдет почтенное — 7 р. 50 коп. в месяц, да хлебных будут выдавать рубля три. Как видишь, к глубокому моему огорчению, высылать тебе, как ранее 100 р. в месяц не могу при всем желании»<sup>92</sup>. Из письма Ирине от 18 декабря узнаем результаты выборов: «Как ни странно, в конце концов выбрали меня, правда, не особенно дружно, я получил 75 голосов из 144...»<sup>93</sup> Несмотря на это Бызов резко критиковал выборное начало, исходя из того, что оно противостоит армейским принципам.

В этих грустных письмах, констатирующих происшедшую катастрофу — военную, социальную, политическую — А. Бызов вновь возвращался к мысли о необходимости, переживая ее, создавать демократическую культуру. «...Мы не сдадимся. Мы, культурный элемент России, все крепко возьмемся друг за друга, создадим “общество демократической культуры” и не

<sup>92</sup> Там же. С. 529.

<sup>93</sup> Там же. С. 550.



сдадимся. Будет на нашей улице праздник; переживем все, что выпадет на нашу долю; большевиков..., катастрофу, грабежи и разгром, рабство Германии и, может быть, грядущую страшную реакцию — и все-таки будем жить и готовиться к празднику»<sup>94</sup>. Это стремление найти себе жизненную нишу в новых обстоятельствах проскальзывает в ряде сюжетов из писем Бызова, не связанных с военной и политической обстановкой. Это и напоминание Ирине о том, где хранятся его книги и бумаги<sup>95</sup>, и рассуждения о принципах образования и русской школы, навеянные знакомством с книгой Е. Янжул «Американская школа»<sup>96</sup>, и мысли по поводу организации общественного призрения<sup>97</sup>, и цитирование стихов<sup>98</sup>, и впечатления о книгах<sup>99</sup>, и уговоры Ирины, чтобы Леонтий печатался<sup>100</sup> и т. п. Это стремление давалось мыслящим людям очень и очень трудно. По данному поводу неустановленный корреспондент писал Л. Бызову 14 декабря: «Пробую спастись в литературу, искусство. Ни черта не выходит. Никуда не уйдешь. Разум предлагает запастись терпением, сделаться учителем — сиделкой, твердить школьникам азы в надежде, что наука дает хорошие выводы — эдем через несколько лет. Но ведь действовать в нынешних обстоятельствах нужно немедленно. Вот тут и реши что-нибудь. Это уже истерика»<sup>101</sup>.

Видимо, Бызов в этих условиях пытался отодвинуть свои грустные мысли и занять себя чем-то конструктивным. 18 декабря он выслал Наталье подробную ориентировку, где описано то, что ждет страну в ближайшем будущем и что надо предпринять, чтобы спастись от голода, паралича экономики и т. д. В этом документе есть и то, что названо «ориентировка дальнейшая». Эта ориентировка написана весьма кратко и не доведена до конца. Говорится о демократизме, федерализме, задачах интеллигенции. (Впоследствии Леонтий неоднократно повторит свою мысль о возрождении России через федерализм, национализм и демократизм.) Вообще весь документ написан тезисно, причем между отдельными тезисами большие пробелы на бумаге. Вероятно, Бызов предполагал развивать темы отдельных заголовков, но не сделал этого<sup>102</sup>.

<sup>94</sup> Там же. С. 536.

<sup>95</sup> Там же.

<sup>96</sup> См.: там же. С. 514.

<sup>97</sup> См.: там же. С. 536.

<sup>98</sup> См.: там же. С. 552.

<sup>99</sup> См.: там же. Кн. 2. С. 14.

<sup>100</sup> См.: там же. Кн. 1. С. 537–538.

<sup>101</sup> Там же. С. 542.

<sup>102</sup> См.: там же. С. 546–550.

В письмах Л. Бызова начала 1918 г. по-прежнему говорилось о том, что фронта нет, солдаты разбегаются. Вот весьма показательные картины, изложенные Леонтием в письме Наталье 4 января: «Если перемирие будет почему-нибудь прервано и немцы вышлют вперед хотя бы по десятку человек на каждую версту, — они заберут неисчислимое богатство, — пушки, повозки, лошадей, — которые остаются здесь и эвакуировать которые нет никакой возможности...» «Дороги (железные) ходят плохо, эшелоны, назначенные на эвакуацию драгоценной тяжелой артиллерии, перехватываются пехотой, которая самовольно, с оружием в руках, захватывает вагоны и, принуждая машиниста, едет, куда хочет...»<sup>103</sup> «Ездим целиком по сугробам, точно в необитаемой стране. Только одна есть более или менее укатанная и умятая санками дорожка, по которой солдаты и вольные ходят с позиции к немцам покупать у них вино...»<sup>104</sup>

В письме Ирине от 12 января Л. Бызов сообщил о приказе об увольнении каждые 10 дней солдат призыва двух годов, начиная с 1904 г. И так как офицерские и командные звания упразднены, он, как солдат призыва 1907 г., может быть освобожден уже 1 февраля. Перед ним встал вопрос: как быть и как в дальнейшем устраивать свою жизнь. Он повторил мысль о том, «что самой важной деятельностью является то, что я называю пронесением культурных ценностей через катастрофу, а потом творчество новой русской культуры...»<sup>105</sup> Но очевидно, что это только ориентир. А что конкретно? И где? Леонтий писал, что его не привлекает Петроград, и в качестве возможных вариантов места проживания называл Москву, Киев, Саратов — города, в которых, как ему кажется, и будет закладываться будущая русская культура. «За что же взяться? За все, что угодно, но только самое простое. Я ничего не умею делать. Но я должен и буду уметь. И тогда, когда я буду уметь делать самое простое, тогда видно будет, что сложное мне под силу»<sup>106</sup>. Он просил Ирину сообщить, может ли он на что-нибудь рассчитывать, если приедет в Киев, найдется ли ему какая-нибудь самая простая и черная работа.

12 января Л. Бызов сообщил отцу о том, что «сейчас получены у нас известия о событиях в Петрограде и Москве, о разгоне Учредит[ельного] собрания и стрельбе... Газеты только большевистские, опротивевшие до тошноты. Мрак, такой мрак...»<sup>107</sup> Наталья из провинциальных Климовичей 15 января писала Бызову: «Что делается в мире, не знаем, и о судьбе Уч-

<sup>103</sup> Там же. Кн. 2. С. 9.

<sup>104</sup> Там же. С. 10.

<sup>105</sup> Там же. С. 12.

<sup>106</sup> Там же. С. 13.

<sup>107</sup> Там же. С. 15.

ред[ительного] собр[ания] не знаем; питаемся слухами, часто самыми невероятными»<sup>108</sup>. Из переписки следует, что известия о разгоне Учредительного собрания на фронте Леонтием были получены раньше, чем его родственниками в российской провинции.

Этими двумя упоминаниями о судьбе Учредительного собрания данная тема в переписке Бызовых и их окружения исчерпывается (если не считать реплики в дневнике Бызова от 28 ноября, где он отметил, что возможный «разнос Учредительного собрания большевиками послужит исходным пунктом новой гражданской войны»<sup>109</sup>). Вообще контент писем ощущимо меняется. Если раньше почти каждое письмо и самого Бызова, и его друзей и родственников содержало в себе рассуждения о политической ситуации, планы развития России, то теперь большинство сюжетов посвящено судьбе родных, тревоге за них, повествованию о ценах, угрозе голода и погромов, профессиональным делам, перспективам демобилизации Леонтия и т. п. Своеобразная «внутренняя эмиграция» стала для Бызовых и их друзей единственно возможной реакцией на большевистскую власть и крушение всех надежд.

Для характеристики новой власти показательны письма Натальи (26 января 1918 г.), Рогалевой (март 1918 г.), Леонтия В. Суворовой (16 марта) и Леонтия отцу (25 марта). В них даны красочные картины советской власти и ее эксцессов в Климовичах, Гатчине, Калуге и Москве, неприемлемые для семьи Бызовых (взятие помещиков в заложники; закрытие всех газет, кроме большевистских; закрытие средних школ; всевластие маленьких начальников и др.).

Между тем демобилизация дошла до срока призыва Л. Бызова, но так как солдат, занимавших командные должности, при этом не отпускали (а он стал солдатом в связи с отменой всех чинов и званий, но избранным командиром батареи), то для него она откладывалась на неопределенный срок. В письме от 31 января он извещал отца: «Я как командующий, а по-нынешнему инструктор батареи, не имею права на увольнение, но, конечно, мне ничего не стоит устроить маленькую домашнюю революцию и сместить самого себя; я это и сделал, и сейчас я уже не военнообязанный, могу ехать когда угодно и куда угодно. Остался я здесь по вольному найму на несколько дней, может быть недель, пока мы, т. е. батарея, не сдаст всего своего имущества и не распустит всех людей... Кстати, говорят, и даже сами немцы подтверждают, что Троцкий окончательно заключил мир, и внеш-

<sup>108</sup> Там же. С. 16.

<sup>109</sup> Там же. С. 437.

него врага больше нет. У нас заключение мира никак не отразилось, потому что орудия и все имущество мы уже давно отправили на станцию железной дороги... А на фронте уже месяц назад, когда еще Троцкий петушился и грозил разрывом переговоров, ни одного человека уже не было»<sup>110</sup>.

28 февраля Л. Бызов уже в пути и в письме к матери сообщил, что проехал Смоленск. «Еще не знаем, куда ехать, пока направляемся в Вязьму. Там или в Тамбове сдадим имущество, отчетность, деньги и окончательно ликвидируемся». 7 марта Леонтий в следующем письме матери информировал, что обосновались в Калуге, «где останемся, пока не закончим сдачу вещей, которые нам удалось вывезти с фронта, и не завершим расформирование батареи, которой, собственно говоря, уже и сейчас не существует: пушек у нас нет, людей тоже нет, лошадей всех передали, какая уж тут батарея»<sup>111</sup>. В этом письме к матери Леонтий подробно описывал перипетии немецкого наступления, начавшегося 18 февраля. «Однако преступники, сидевшие в разных совдепах..., с которыми нам пришлось сталкиваться..., заносчиво уверяли, что немцы ни в коем случае не будут наступать. “Наступать могут только калединцы да бывшие офицеры”, — буквально так заявил лично мне один мерзавец из Вилейского совдепа, когда я ему доказывал необходимость заранее обдумать меры, которые можно было бы принять для вывоза имущества, если немцы наступать будут. ...Само собой разумеется, что эта сволочь на автомобилях, не отдав никаких распоряжений, удрала в тыл, когда обнаружилось, что немцы, как и следовало ожидать, пошли вперед. В это время наша батарея уже находилась на станции Вилейка и приготавливалась грузить пушки и другое наиболее ценное имущество в вагоны»<sup>112</sup>. Далее Бызов описывал панику, когда солдаты соседней батареи, побросав имущество, бросились в вагоны первого попавшегося поезда, за ними — солдаты батареи Бызова, и лишь 40 человек удалось уговорить остаться. О сопротивлении не могло быть и речи, дело шло только о спасении имущества. «Прежде всего мы постарались отправить уже погруженные вагоны с пушками: к сожалению, даже этого не удалось сделать — не было паровозов, а когда наконец нашелся один, какая-то кучка совсем обалдевших от страха солдат захватила его силой и уехала. Нам пришлось забрать от орудий затворы, панорамы и прицелы, погрузить на повозки продукты и кое-какое имущество и идти походом на Борисов. ...Необходимо прибавить, что на лошадях увезти пушки мы все равно не могли бы, так как благодаря бескормиче и

<sup>110</sup> Там же. С. 31–32.

<sup>111</sup> Там же. С. 35.

<sup>112</sup> Там же. С. 35–36.

спешной демобилизации у нас оставалось только 20 лошадей. Поход на Борисов продолжался шесть дней»<sup>113</sup>.

В этом походе как в капле воды отразилось все: и полная дезорганизация управления в армии, и панический страх перед немцами, и стремление солдат побросать артиллерийское имущество на произвол судьбы и, поделив деньги, отправиться домой на перекладных<sup>114</sup>. В результате трем офицерам пришлось запрягать лошадей, грузить артиллерийское оборудование и пять суток продвигаться до ст. Славное, где удалось сесть в поезд и доехать до Калуги<sup>115</sup>. Описание этого похода сделано Леонтием спокойно и без эмоций, но, очевидно, что ему, как офицеру, руководимому чувством долга, было непросто все это наблюдать.

После Калуги А. Бызов оказывается в Москве. В письме отцу от 12 марта и П. Семенову от 17 марта он сообщал о необходимости наладить одно «предприятие», и, в случае надежды на успех, пробыть там месяц-два<sup>116</sup>. О чем идет конкретно речь, Бызов не уточнил. В продолжении упомянутого письма Семенову он информировал, что если не останется в Москве, то вряд ли поедет в Киев, куда первоначально хотел: «не лезть же в пасть немцам, которые неизвестно, что с тобой сделают». «Если ничего в Москве не выйдет... приеду в Климовичи»<sup>117</sup>. В этой связи он спрашивал у Платона о возможности трудоустройства в Климовичах, сообщая, что уже через три-четыре месяца сможет быть инструктором по кооперации, так как собирается заняться в Москве кооперативным делом.

Очевидно, «предприятия», о котором писал Леонтий, не получилось. С начала апреля он в Москве, о чем указывал в письме Ирине, а 13 апреля в письме к матери сообщил: «Живу в Москве... Уволен от службы вчистую. Заработка не имею никакого, колеблюсь между продажей папирос, официанствованием в кафе, ...и интеллигентской спекуляцией с хлебом... Поступил на кооперативные курсы, занятия на которых начинаются в среду и продолжаются полтора месяца»<sup>118</sup>.

Так закончились для А. Бызова события завершающего для России периода Первой мировой войны и революционные события 1917 г. Помимо прочего, они сопровождались для него разрывом связей с рядом друзей и знакомых. Так, в письме П. Семенову от 30 марта 1918 г. Бызов писал о Н.Н. Кузь-

<sup>113</sup> Там же. С. 36–37.

<sup>114</sup> См.: там же. С. 37.

<sup>115</sup> См.: там же. С. 38.

<sup>116</sup> См.: там же. С. 48, 50.

<sup>117</sup> Там же. С. 51.

<sup>118</sup> Там же. С. 61.

мине, что он «продолжает большевичничать, попал в Петроградский комитет партии, в целый ряд комиссий, был комиссаром Южного фронта и во время немецкого наступления доносил, что все благополучно. У меня сейчас такое настроение, что несколько раз я чуть не написал ему, что прошу не считать меня лично знакомым, ибо кланяться и подавать ему руку я не могу»<sup>119</sup>.

Внутренняя дисциплинированность Бызова, его нацеленность на пренесение культурных ценностей через катастрофу способствовали его адаптации в советский период. Не имея после армии никаких постоянных заработков, он в конце концов поступил разнорабочим на завод. Параллельно закончил курсы кооператоров, пытался стать специалистом в области кооперации и даже строил проекты создания небольшого семейного кооператива, чтобы выжить в голодное время. Некоторое время работал инспектором в железнодорожной кооперации<sup>120</sup>. После нескольких лет поисков своего настоящего дела он посвятил себя научной работе. Сначала начал заниматься социологией, затем переключился на проблемы научной организации труда и последние годы жизни — на развитие графического языка и применение графических методов в экономике, промышленности и исторических науках<sup>121</sup>. Умер Л. Бызов во время эвакуации в 1942 г.<sup>122</sup>

Итак, анализ рассмотренных личных документов Л.А. Бызова, его друзей и родственников позволяет взглянуть на переломные события 1917 — начала 1918 г. сквозь призму личного восприятия офицера-фронтовика, который, на мой взгляд, являлся типичным представителем русского офицерства, и на изменения в его психологии в условиях окончания Первой мировой войны и начавшейся в Российской империи русской революции.



<sup>119</sup> Там же. С. 51–52.

<sup>120</sup> Там же. Кн. 1. С. 8.

<sup>121</sup> См.: там же. С. 15.

<sup>122</sup> Там же. С. 18.

**Ключевые слова:**

Россия, Первая мировая война, 1917 г., революция, русская армия, К. Маркс, В.И. Ленин, Г.В. Плеханов, Л.Д. Троцкий, А.Г. Корнилов, Л.А. Бызов.

Victor I. Goltsov

## WORLD WAR ONE AND REVOLUTION IN RUSSIA: THE HUMAN DIMENSION

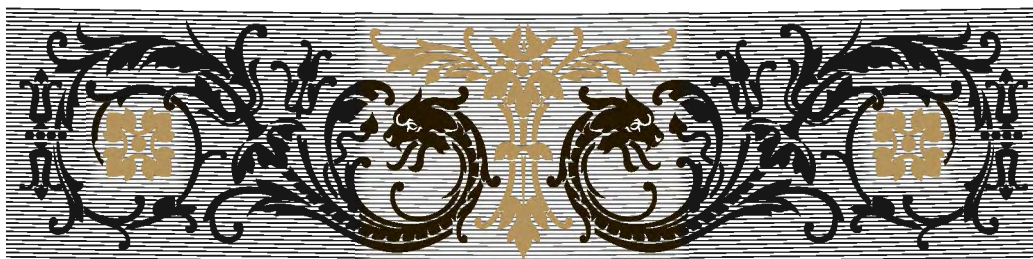
(based on letters and diaries of Leontiy A. Byzov)



The article represents an attempt by an anthropological approach to capture the reflection of World War One and revolutionary events of 1917, through thoughts and feelings of a small group of people — frontline army officer Leontiy Byzov, his relatives and friends. Analyzed is their perception of the global events which took place, outlined are their psychological mindset relative to everyday life behavioral patterns. Shown are the attitudes of Byzov's social circle to the development of Russian society at that particular moment, at the same time outlined is the basis for such attitudes — the mindset of L. Byzov and his writing-party, their political views, character traits and social status.

 **Гольцов Виктор Иванович** 

кандидат исторических наук, доцент  
кафедры отечественной истории и историографии  
Самарского национального исследовательского университета  
имени академика С.П. Королева



В.А. Пархоменко

## ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ В НИКОЛАЕВЕ В 1917 г.



Февральская революция 1917 г. в Российской империи, окончившая с самодержавием, способствовала развитию революционного и национального движений в Украине. О начале революции в Николаеве стало известно 1 марта 1917 г. Следующие дни отмечены революционными выступлениями рабочих города, которые участвовали в массовых митингах, собраниях на предприятиях, обезоруживали полицию, брали под стражу наиболее одиозных представителей прежней власти<sup>1</sup>. 2 марта делегация рабочих направилась к городской управе с требованием освобождения политзаключенных. После переговоров уже объединенная делегация рабочих и городского самоуправления добилась у тюремной администрации освобождения 24 узников<sup>2</sup>.

4 марта градоначальник Николаева вице-адмирал А.Г. Покровский подписал приказ, в котором информировал жителей об отречении Николая II

<sup>1</sup> Борьба за Великий Октябрь на Николаевщине (февраль 1917 г. — март 1918 г.). Сборник документов и материалов. Николаев, 1957. С. 36.

<sup>2</sup> Ушерович С. Освобождение политических в февральские дни // Страницы борьбы. Очерки и материалы по истории революционного движения в Николаеве. Николаев, 1923. С. 165.





Политзаключенные, освобожденные из тюрьмы. Николаев. Март 1917 г.

от престола<sup>3</sup>. В этот же день рабочие судостроительного завода «Наваль», где было занято около 13 тыс. человек, избрали фабричный комитет. Вскоре подобные комитеты были созданы на многих предприятиях города. Целью комитетов стала защита интересов пролетариата. На всех николаевских предприятиях, подлежавших фабричному надзору, в конце марта был введен 8-часовой рабочий день<sup>4</sup>.

6 марта Временное правительство назначило николаевским градоначальником городского голову Н.П. Леонтовича. Как и повсюду, возникали новые органы власти. В этот же день в помещении городской думы были одновременно созданы: Совет рабочих депутатов, председателем которого избран меньшевик В.И. Каушан, и Комитет общественной безопасности (впоследствии Общественный комитет), который возглавил Леонтович.

В его состав входили 20 гласных городской думы, 20 человек от Николаевского совета рабочих депутатов, 10 представителей военных частей и 10 представителей общественных городских организаций. На следующий день 150 выборщиков от частей Николаевского гарнизона образовали Совет военных депутатов, в состав которого вошло 20 солдат и матросов, а также 10 офицеров. Его возглавил меньшевик-интернационалист прапорщик Я.П. Ряпшо<sup>5</sup>.

<sup>3</sup> Николаевская газета. 1917. 5 марта.

<sup>4</sup> Борьба за Великий Октябрь на Николаевщине... С. 43.

<sup>5</sup> Миколаївщина в новітній історії. Миколаїв, 2007. С. 31–32.



Председатель Николаевского совета рабочих депутатов В.И. Каушан

11 марта в Николаеве состоялся «День народной свободы»: на Соборной площади мимо представителей городского самоуправления и Советов прошли воинские части. За ними следовали рабочие заводов «Наваль», «Руссуд». Среди красных знамен были и портреты лейтенанта П. Шмидта и К. Маркса. Представители украинских организаций прошли с национальным флагом и портретом Т. Шевченко. Над площадью летали 3 аэроплана, сбрасывая в публику красные ленточки и цветы<sup>6</sup>.

12 марта в городе торжественно прошла присяга войск местного гарнизона на верность Временному правительству<sup>7</sup>. Николаевский союз георгиевских кавалеров принял решение об отмене ношения наград, полученных за «усмирение» беспорядков<sup>8</sup>, под которыми имелись в виду революционные выступления рабочих и крестьян в 1905–1907 гг.

Николаевский совет военных депутатов заявил о необходимости ведения войны до полной победы. Ряппо призывал солдат исполнить свой долг: «Одержав победу, германцы закабалят нас, захватят земли наши, все достояние и восстановят позорное рабство»<sup>9</sup>. 21 марта в городе была создана народная милиция, которую возглавил комиссар П.И. Синкевич. В июне ее штат насчитывал 178 человек (до революции в городе было 368 полицейских)<sup>10</sup>.

<sup>6</sup> Николаевская газета. 1917. 12 марта.

<sup>7</sup> Трудовая газета. 1917. 14 марта.

<sup>8</sup> Там же. 25 апреля.

<sup>9</sup> Государственный архив Николаевской области (ГАНО). Ф.1817. Оп. 2. Д. 312. Л. 17.

<sup>10</sup> Известия Николаевского совета рабочих и военных депутатов. 1917. 23 июня.



Председатель Николаевского совета военных депутатов Я.П. Ряппо. 1917 г.

Организацию политической жизни местного крестьянства взяла на себя крестьянская комиссия Совета рабочих депутатов. Она объезжала села, где проходили митинги и принимались резолюции преимущественно о поддержке политики Временного правительства и с обещаниями привозить в город хлеб. 18 марта было напечатано воззвание этой комиссии с призывом создавать сельские комитеты для решения аграрного и других неотложных вопросов. При участии комиссии в уезде возникали волостные и сельские земельные комитеты. Вскоре начались самовольные захваты помещичьих земель<sup>11</sup>.

23 апреля состоялось объединение двух Советов в Николаевский совет рабочих и военных депутатов во главе с Ряппо.

30 апреля — 4 мая в Николаеве состоялся 1-й съезд крестьян Херсонской губернии, в работе которого участвовали 332 делегата<sup>12</sup>. Поднимались вопросы об организации Крестьянского союза, о недостатке рабочих рук для уборки урожая, о просветительской работе на местах. Выступления большевиков делегаты крестьянского съезда встретили недоброжелательно — сильны были еще надежды на Временное правительство.

После падения самодержавия началась активизация национальных движений. От николаевского украинского общества «Просвіта» («Просве-

<sup>11</sup> Борьба за Великий Октябрь на Николаевщине... С. 83.

<sup>12</sup> Миколаївщина в новітній історії... С. 34.



Исполнительный комитет Николаевского совета рабочих и военных депутатов. 1917 г.

тельство») в Киев на Украинский национальный конгресс (6–8 апреля) был направлен инженер завода «Наваль» эсер Б.В. Брояковский<sup>13</sup>. Разворачивалась агитационная работа среди гарнизона города. Так, 17 мая состоялось учредительное собрание военного кружка «Куринь» («Курень»), целью которого было «распространение между войсками национально-политического сознания через агитацию словом и соответствующей литературой»<sup>14</sup>.

Большевиков в Николаеве тогда насчитывалось не более 20, тогда как меньшевиков было до 300, а организация эсеров лишь на одном судостроительном заводе «Наваль» имела около 500 членов<sup>15</sup>. В первые месяцы революции представители меньшевиков Д. Лейканд, М. Макотинский, С. Мандельштам имели успех на рабочих митингах в городе<sup>16</sup>. Среди солдатской массы были популярны эсеры.

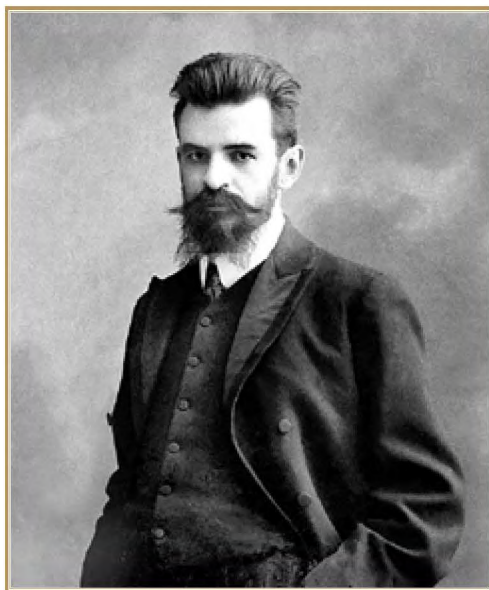
Эсер В.П. Костенко вскоре стал городским головой, а Леонтович, занимавший эту должность с 1908 г., был арестован в связи с обвинениями в злоупотреблениях прошлых лет. Большое влияние среди еврейского населения Юга Украины имели еврейские социалистические партии: «Поалей-Цион»

<sup>13</sup> Левченко Л. Николаев в период Украинской Центральной Рады: взгляд через призму событий и судеб // Южная правда. 2017. 22 апреля.

<sup>14</sup> ГАНО. Ф. 1817. Оп. 2. Д. 719. Л.1.

<sup>15</sup> Шкварець В.П., Мельник М.Ф. Миколаївщина: погляд крізь століття. Нарис історії. Миколаїв, 1994. С. 145.

<sup>16</sup> Шицевалов В. Большевики после февраля // Страницы борьбы... С. 166.



Николаевский городской голова в 1917–1918 гг. В.П. Костенко. 1911 г.

и «Бунд». Была создана Военная сионистская организация, объединившая евреев-военнослужащих и врачей Николаевского гарнизона<sup>17</sup>.

Постепенно разные социальные группы втягивались в политическую жизнь города: возникают союзы банковских служащих, квартирномушников, воинов-инвалидов, парикмахеров, базарных торговков и т.п. Так, 17 апреля состоялось многолюдное собрание профессионального Союза металлистов. В этом профсоюзе в начале мая насчитывалось почти 7 тыс. человек<sup>18</sup>. Возникли профсоюзы печатников, сапожников, строителей, электриков, рабочих мельниц и др. 5 мая было создано Центральное бюро профсоюзов Николаева. К середине июля были зарегистрированы уже 24 профсоюза, которые объединяли свыше 30 тыс. рабочих. Даже буржуазный профсоюз инженеров и техников — «Союз технических сил» в начале апреля констатировал, что «создание организованного представительства рабочих внесло в заводскую жизнь несомненно благотворное влияние, предотвратив расстройство заводской жизни»<sup>19</sup>. В июле профсоюзы Николаева сорвали попытку администраций закрыть заводы «Наваль» и «Руссуд» и уволить тысячи рабочих. В августе в Николаеве был избран новый состав городской думы. Из 102 гласных 63 представляли партию эсеров, 15 — социал-демократов, 9 — еврейскую общину,

<sup>17</sup> Известия Николаевского совета рабочих и военных депутатов. 1917. 24 декабря.

<sup>18</sup> Трудовая газета. 1917. 4 августа.

<sup>19</sup> Миколаївщина в новітній історії. С. 33.

5 — партию кадетов, по одному — другие политические партии и общественные организации<sup>20</sup>.

Социально-экономическое положение горожан продолжало ухудшаться: исчезало продовольствие, распространялась спекуляция и росла дороговизна. Город заполнили дезертиры. Так, 24 мая в Николаеве были задержаны около 200 дезертиров<sup>21</sup>. Все более разлагался 45-й запасной пехотный полк. 31 августа драка на базаре спровоцировала переполох городского масштаба. Служащий милиции О. Перлов купил у солдата этого полка револьвер. Получив за оружие 10 руб., солдат решил отобрать его назад и позвал на помощь своих товарищей. Милиционер бросился бежать, отстреливаясь на ходу. Он вбежал в помещение базарной милиции, за ним ворвались солдаты. Лишь вмешательство рабочих и матросов остановило драку. Но было поздно: паника охватила близлежащие городские районы. «Начали поспешно закрываться все магазины на базаре, женщины стремглав помчались по домам, бросая по дороге накопленную на базаре снедь, затрепщали телефоны, передавая самые невероятные слухи ... Рабочие побросали работу и направились в город защищать Совет ... Носились слухи об аэропланах, сделавших налет на город; говорили, что бомбами взорван завод “Наваль” ... что 45-й полк восстал и идет на город»<sup>22</sup>.

Командующий Черноморским флотом контр-адмирал А. Немитц в сентябре отмечал, что этот расположенный в Николаеве полк «представляет из себя часть, совершенно недисциплинированную, не могущую быть использованной в целях охраны порта и заводов»<sup>23</sup>. Часть военнослужащих оставались верными присяге и выступали за сохранение дисциплины. Общее собрание матросов и офицеров двух подводных лодок, которые находились на николаевских верфях, обратилось в сентябре с требованием — уволить с завода «Наваль» рабочего Плаксина, который раздавал прокламации партии анархистов и имел при себе оружие. Его сообщника, помимо увольнения, также потребовали отозвать из состава Николаевского совета рабочих и военных депутатов<sup>24</sup>.

Николаевский военно-спортивный комитет объявил запись в ударный батальон «смерти» для отправки на фронт, как сказано в объявлении, «в последний бой за мир народов»<sup>25</sup>. Эти батальоны активно формировались летом на фронте и в тылу. Одним из инициаторов создания подобных формирований

<sup>20</sup> Левченко А. Указ. соч.

<sup>21</sup> Трудовая газета. 1917. 25 мая.

<sup>22</sup> Известия Николаевского совета рабочих и военных депутатов. 1917. 1 сентября.

<sup>23</sup> Пархоменко В.А. Українізація гарнізону Миколаєва у 1917 р. // Аркасівські читання. Матеріали 7-ї міжнародної науково-практичної конференції. Миколаїв, 2017. С. 130.

<sup>24</sup> ГАНО. Ф. Р-2247. Оп. 1. Д. 9. Л. 1.

<sup>25</sup> Известия Николаевского совета рабочих и военных депутатов. 1917. 5 июля.



Полковник  
М.О. Неженцев. 1918 г.

ний в действующей армии являлся николаевец М.О. Неженцев. Он окончил гимназию в Николаеве, затем Александровское военное училище в Москве. Перед войной — поручик, командир роты 58-го Прагского полка.

По его инициативе в мае 1917 г. на фронте был сформирован из добровольцев 1-й ударный отряд. В августе отряд был переформирован в Корниловский ударный полк<sup>26</sup>.

Военные темы отходили на второй план — население все больше захватывала политика. Так, рабочие Николаевского торгового порта в своей резолюции, обвиняя осенью местную администрацию в контрреволюционных настроениях, указывали, что буржуазии «безразлично — мы ли победим Германию, или она нас, лишь бы был побежден рабочий класс»<sup>27</sup>. Происходил рост влияния на рабочие и солдатские массы леворадикальных сил. Местная пресса с тревогой отмечала: «В Николаеве появились ленинцы, развившие сильную агитацию среди рабочих и солдат. На этой почве среди николаевского населения произошли некоторые волнения»<sup>28</sup>. 15 августа состоялась партийная конференция местных большевиков, численность которых составляла уже около 800. Было принято решение о разрыве с меньшевиками, создании самостоятельной большевистской организации и избрании временного городского комитета. Председателем Николаевского комитета РСДРП(б) был избран

<sup>26</sup> Пархоменко В., Губская Т. «Честью и кровью венчаные». Николаев. Первая мировая. Николаев, 2016. С. 122.

<sup>27</sup> Известия Николаевского совета рабочих и военных депутатов. 1917. 5 ноября.

<sup>28</sup> Трудовая газета. 1917. 29 июня.

И.С. Скляр. К большевикам присоединилась группа меньшевиков-интернационалистов<sup>29</sup>. Главной военной опорой большевиков стали отряды Красной гвардии, которые формировались из добровольцев, преимущественно рабочих. В начале октября в отрядах насчитывалось около 650 человек<sup>30</sup>. Политическое противостояние в регионе постепенно перерастало в вооруженную борьбу.

29 октября общее собрание Морского арсенала Николаева признало Украинскую Центральную раду высшей властью в Украине. После провозглашения 7 ноября Украинской Народной Республики (УНР) дивизионный комитет Отдельного Черноморского мортирного артдивизиона (600 человек) 12 ноября постановил «требовать немедленной украинизации всего дивизиона»<sup>31</sup>. Солдаты и офицеры 34-й легкой отдельной батареи объявили: считать их часть в территориальных войсках УНР. 14 ноября о поддержке УНР заявили матросы Николаева. В резолюции, принятой на общем собрании флотского полуэкипажа, отмечалось, что Центральная рада сможет «предотвратить дальнейшее развитие анархии в стране и спасти Украину, а также и всю Россию от гибели»<sup>32</sup>.

Осенью 1917 г. активизировали свою деятельность украинские политические партии. На Юге Украины наиболее влиятельными были украинские эсеры и социал-демократы. Но в политической жизни региона они не занимали ведущих позиций. И хотя во время выборов в Украине во Всероссийское Учредительное собрание большевики получили лишь 10% голосов, расклад политических сил на многонациональном Юге Украины был несколько иным. В промышленном Николаеве — центре судостроения победу одержали большевики, на втором месте были социалисты-революционеры, на третьем — блок еврейских партий, на четвертом — кадеты, блок украинских партий был на пятом месте<sup>33</sup>. Правда, необходимо учитывать тот факт, что из-за малого количества избирательных участков в выборах приняли участие всего около 50% избирателей.

После падения Временного правительства троевластие (третий орган — Центральная рада) в Украине опять сменилось на двоевластие. Теперь политическую жизнь Украины определяла деятельность противоборствующих местных органов Центральной рады и Советов. 23 октября в городе состоялось собрание Украинского организационного комитета, который объединял все местные организации. В этот день была создана Ни-

<sup>29</sup> Шицевалов В. Указ. соч. С. 167.

<sup>30</sup> Известия Николаевского совета рабочих и военных депутатов. 1917. 20 октября.

<sup>31</sup> ГАНО. Ф. Р-2247. Оп. 1. Д. 2. Л. 27.

<sup>32</sup> Пархоменко В.А. Указ. соч. С. 129.

<sup>33</sup> Известия Николаевского совета рабочих и военных депутатов. 1917. 15 ноября.



колаевская рада объединенных украинских организаций, ее возглавил Брокковский. Став фактически местным органом УНР, она 10 ноября приняла постановление, призывая «украинских солдат, матросов, офицерство, рабочих, а также всю демократию Николаева» поддержать Центральную раду<sup>34</sup>.

Опасаясь выступления большевиков, городская дума заявила, что готова войти с Центральной радой «в деловую связь по всем экономическим и политическим вопросам, которые имеют общее значение для всего края»<sup>35</sup>. Городской голова Костенко заявил, что украинская Рада «может послужить исходной точкой для возрождения государственной власти»<sup>36</sup>. Представители еврейской фракции городской думы М. Левин и И. Рабинович приветствовали провозглашение УНР, подчеркнув, что в 3-м Универсале Центральной рады впервые гарантировались права национальных меньшинств<sup>37</sup>. В опубликованной 16 ноября резолюции эсеров и меньшевиков Центральная рада признавалась центром, способным подготовить создание демократической республики на принципах автономии и федерации национальностей, входящих в состав России<sup>38</sup>.

2 декабря из Одессы, где из частей местного гарнизона была сформирована гайдамацкая дивизия, в Николаев прибыл отряд из 400 гайдамаков. Они стали основой для формирования в городе украинского Запорожского полка<sup>39</sup>.

3 декабря в Николаеве состоялась многотысячная демонстрация в поддержку созыва Всероссийского Учредительного собрания, в которой приняли участие местные партии и общественные организации, в том числе украинские и еврейские. Большевики эту манифестацию проигнорировали<sup>40</sup>.

После Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, учитывая прежде всего стратегическое и экономическое значение Украины, большевистское правительство пыталось как можно скорее установить контроль над этой территорией, опираясь на местные пробольшевистские военные части и отряды Красной гвардии. В свою очередь, Украинская Центральная рада недооценила политические и военные возможности большевиков, считая, что их режим обречен на быстрое поражение.

6 декабря секция Красной гвардии Николаевского совета рабочих и военных депутатов совместно с представителями гарнизона и флотского

<sup>34</sup> ГАНО. Ф. Р-2247. Оп. 1. Д. 2. Л. 90.

<sup>35</sup> Там же. Ф. 222. Оп. 1. Д. 1802. Л. 2.

<sup>36</sup> Известия Николаевского совета рабочих и военных депутатов. 1917. 17 ноября.

<sup>37</sup> Левченко Л. Указ. соч.

<sup>38</sup> Известия Николаевского совета рабочих и военных депутатов. 1917. 16 ноября.

<sup>39</sup> Пархоменко В.А. Указ. соч. С. 130.

<sup>40</sup> Известия Николаевского совета рабочих и военных депутатов. 1917. 5 декабря.

полуэкипажа образовали Военно-революционный комитет «для защиты свободы и революции», начав подготовку к захвату власти в городе<sup>41</sup>. Вооруженной силой комитета стали Красная гвардия (около 800 человек) и 45-й запасной пехотный полк. В резолюции 3-го и 4-го батальонов полка прозвучал призыв «реорганизовать» Украинскую Центральную раду в Центральную раду рабочих, солдатских и крестьянских депутатов<sup>42</sup>. На общем собрании представителей Красной гвардии отмечалось: «Зная, что рабам нечего терять, кроме цепей... считая, что у пролетариата нет отечества, мы не признаем украинской буржуазной Рады... ибо есть одна власть народа — Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»<sup>43</sup>.

Первые выстрелы на улицах Николаева прозвучали в ночь с 15 на 16 декабря 1917 г. В результате провокации красногвардейцев казармы гайдамаков были обстреляны из пулемета. Утром 16 декабря уже гайдамаки остановили и обстреляли на углу улиц Спасской и Глазенаповской автомобиль, в каком красногвардейцы перевозили боеприпасы. Обе стороны имели убитых и раненых<sup>44</sup>. Для прекращения конфликта созвано собрание, на котором представители от Военно-революционного комитета и Николаевской рады объединенных украинских организаций образовали комиссию в составе 13 человек для разрешения политических споров мирным путем. На собрании отмечалось, что «кровопролитие недопустимо... этот вопрос штыком не решить»<sup>45</sup>. Но все надежды на достижение компромисса с большевиками были напрасными.

В городе назревал новый конфликт. 9 января 1918 г. к городской думе направились 50 конных гайдамаков, за ними ехал автомобиль с 15 солдатами и пулеметом. Манифестанты с криками «Долой Советы!» разбрасывали антибольшевистские листовки и заявили о поддержке местной думы<sup>46</sup>.

После создания в Харькове в декабре 1917 г. советского правительства — Народного секретариата рабочие заводов «Наваль», «Руссуд» и других предприятий города требовали немедленного установления власти Советов. В Николаеве о своем нейтралитете в политическом противостоянии объявили флотский полуэкипаж и Морской арсенал, которые раньше поддерживали Центральную раду. В таких условиях большевики, пользуясь поддержкой рабочих города и некоторых воинских частей, решились пойти на провозглашение советской власти. 14 января 1918 г. поименным голосо-

<sup>41</sup> Борьба за Великий Октябрь на Николаевщине... С.186.

<sup>42</sup> Известия Николаевского совета рабочих и военных депутатов. 1917. 1 декабря.

<sup>43</sup> ГАНУ. Ф.1817. Оп. 2. Д. 312. Л.15.

<sup>44</sup> Пархоменко В.А. Указ. соч. С. 130.

<sup>45</sup> Известия Николаевского совета рабочих и военных депутатов. 1917. 17 декабря.

<sup>46</sup> Там же. 1918. 10 января.

ванием большинство Совета приняло предложение большевиков о взятии всей полноты власти. Матрос флотского экипажа, большевик В. Федоров, который вел заседание Совета, вспоминал, что всю ночь велись ожесточенные споры между представителями разных фракций, и лишь на рассвете 14 января принята резолюция: 129 — за, 69 — против, 18 — воздержалось<sup>47</sup>. Так в Николаеве была провозглашена советская власть, но борьба продолжилась.

22–23 января 1918 г. состоялись бои между украинским Запорожским полком и отрядами красногвардейцев и солдат 45-го запасного пехотного полка. Особенно ожесточенные бои велись на улицах Спасской и Садовой, где были казармы гайдамаков. 23 января гайдамаки были выбиты из их последней опоры — железнодорожного вокзала, после чего они предложили начать переговоры, которые состоялись в этот же день в помещении городской управы. Понимая, что сила не на его стороне, украинский Запорожский полк сложил оружие и признал в городе власть Советов<sup>48</sup>. Первая власть большевиков продержалась в Николаеве до середины марта 1918 г. После подписания Брестского мира немецкие войска 17 марта 1918 г. заняли Николаев, 16 марта 1919 г., накануне прихода советских войск, немцы морем на транспортах отбыли в Одессу.

Таким образом, Февральская революция 1917 г. стала переломным событием в жизни жителей Николаева, как и всей страны. Основная масса населения города приветствовала падение монархии. Велики были их ожидания на грядущие политические и социально-экономические изменения. Трехлетние военные лишения вызвали у николаевцев сомнения в способности и умении властей решать назревшие проблемы. Все свои надежды одна часть николаевцев возлагала на Всероссийское Учредительное собрание, другая — на Украинскую Центральную раду, третья — на Советы рабочих и солдатских депутатов. Конец 1917 г. омрачился началом гражданского противостояния — вооруженными столкновениями между сторонниками большевиков и войсками Украинской Народной Республики. Политическое благодушие Украинской Центральной рады, не сумевшей создать органы управления на местах и боеспособные воинские части, в итоге привело в январе 1918 г. к потере ее контроля над территорией Украины.



<sup>47</sup> Федоров В. За владу Рад // Октябрьские грозы. Одесса, 1977. С. 121–122.

<sup>48</sup> Пархоменко В.А. Указ. соч. С. 130.



## REFERENCES

1. Mykolaivschina v novitni istorii [Mykolaivshchina in the new history]. Mykolaiv, 2007. 280 p.
2. *Parhomenko V., Gubskaya T.* «Chestyu i krovyyu venchannye». Nikolaev. Pervaja mirovaja [«Crowned with honor and blood». Nikolaev. World War I]. Nikolaev, 2016. 180 p.
3. *Parkhomenko V.A.* Ukrainizatsia garnizonu Mikolaiva u 1917 r. // Arkasivski chitannya. Materialy 7-i mizhnarodnoi naukovo-praktichnoi konferentsii [Ukrainianization of the garrison of Nikolaev in 1917 // Arkasov readings. Materials of the 7th International Scientific and Practical Conference]. Nikolaev, 2017. P. 129–130.
4. *Shvakarets V.P., Melnik M.F.* Mikolaivschina: poglyad kriz stolittya Naris istorii [ Mykolaiv region: look through centuries. Essays of history]. Mykolaiv, 1994. 386 p.

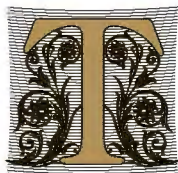


**Ключевые слова:**

Николаевский совет рабочих и военных депутатов, большевики, Рада объединенных украинских организаций, Красная гвардия, гайдамаки, Украинская Народная Республика.

Vladislav A. Parkhomenko

## EVERYDAY LIFE OF NIKOLAYEV IN 1917

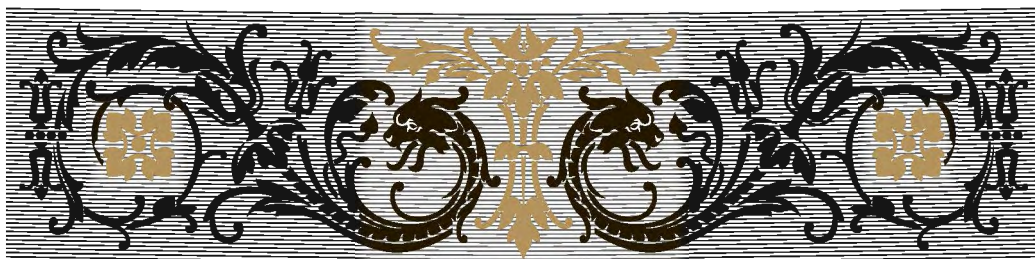


This article is an overview of everyday life in Nikolayev, based on archive and media research. Particular focus is on local authorities: the Council of Workers and Military Deputies, the Public Committee, the Rada of United Ukrainian Organizations. Highlighted is the armed confrontation between the troops of the Central Rada and the Bolsheviks in Nikolaev at the end of 1917.

Social and economic crisis, inflation, strike movement, activities of public charity organizations for helping families of refugees and the wounded in the war are discussed. It also informs readers about the inhabitants of Nikolayev who distinguished themselves at the frontline in 1915.

 Пархоменко Владислав Анатольевич 

доктор исторических наук, профессор кафедры истории  
Николаевского национального университета им. В.А. Сухомлинского



Н.С. Сидоренко

## ПИСЬМА И ДОКЛАДЫ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВИЧА ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ II

1889—1917 / Отв. сост. В.Д. Лебедев; отв. ред. Б.Ф. Додонов,  
В.М. Хрусталеv. М.: Кучково поле; Фонд «Связь Эпох»,  
2016. 656 с.; 8 л. ил.



современный этап развития отечественного исторического знания характеризуется повышенным интересом к политической истории России начала XX в., неразрывно связанной с институтом монархии. В отличие от предыдущего этапа, современные исследователи уделяют значительно большее внимание изучению монархии, в том числе персональному составу правящей династии в поисках причин ухода ее с исторической сцены. Решению данной задачи служат публикации документов и материалов личного характера, раскрывающие наиболее значимые фигуры в окружении последнего императора Николая II. Рецензируемый сборник документов — один из них.

Среди «последних» Романовых великий князь Александр Михайлович представлял одну из наиболее ярких фигур, человека с кипучей энергией и жаждой деятельности, оставившего заметный след в истории развития российского военно-морского флота и отечественной авиации. Другим основанием, как отмечается в предисловии, является факт тесного общения князя с императором. Приходясь ему двоюродным дядей и мужем его сестры великой княгини Ксении Александровны, Александр Михайлович имел

возможность делиться с ним своим мнением по ряду важных вопросов внутренней и внешней политики России. Французский историк и писатель А. Труайя высказал мнение о том, что он исполнял роль первого советника при Николае II при его восшествии на престол. Определенное влияние оказывал великий князь на монарха и в последующие годы (с. 21, 56).

Данная публикация отражает жизнь и деятельность великого князя Александра Михайловича в политической, военно-морской и общественной сферах на протяжении 25 лет — с начала 1890-х гг. до марта 1917 г. Сборник является первым изданием документального наследия великого князя, содержит 183 документа, большая часть из которых ранее не публиковалась и впервые вводится в научный оборот.

Книга состоит из предисловия с анализом основных вех биографии великого князя, его писем и докладов и приложения. Научно-справочный аппарат состоит из обстоятельно составленных комментариев к документам, аннотированного именного и географического указателя, перечня трудов великого князя, библиографии, перечня использованных источников, а также указателя технических терминов и использованных сокращений. Имеются иллюстрации, дополняющие текст и содержащие важную визуальную информацию.

В предисловии определена исследовательская позиция, обозначена связь исторической части книги с публикуемыми документами, дан их обстоятельный источниковедческий анализ, отражающий кропотливый труд составителя. Представленные в сборнике документы выявлены в основном из таких архивохранилищ страны, как ГА РФ, РГИА, РГА ВМФ, РГВИА, АВПРИ. Собранные в комплексе, они позволяют отразить мировоззрение князя, его жизненную позицию и представление о путях развития России.

В очерке о жизни и деятельности великого князя составитель акцентировал внимание на наименее исследованных и дискуссионных моментах в разработке его научной и практической деятельности.

Основная часть сборника включает письма и доклады великого князя цесаревичу, а позднее — императору. В сборнике представлено 98 документов, включая 36 писем личного характера. Письма отражают дружеские, доверительные отношения между ними. В частности, в ряде писем прослеживается история любви великого князя к сестре Николая великой княгине Ксении Александровне. Великий князь настойчиво обращался к цесаревичу с просьбой о содействии в одобрении их брака Романовыми (док. № 60, 67, 68, 73, 77 и др.).

Наиболее значимой темой писем и докладов князя являются его суждения по ряду важных аспектов развития России. Их главный мотив — стрем-

ление обратить внимание цесаревича на необходимость роста российского флота в условиях наращивания сил ведущими европейскими державами (док. № 5). Он писал цесаревичу: «Меня ужасно интересует: выработались ли у тебя взгляд на то, какой нужно иметь флот, и убедился ли ты в крайней необходимости для нас иметь крейсерский флот, не исключая других типов судов» (док. № 58). Великий князь выражал искреннюю радость по поводу спуска на воду новых судов, но и не скрывал недостатков, слабых мест. В ряде писем он высказывал свои предложения по исправлению ситуации. В письмах начиная с 1894 г. эта тема становится доминирующей. Великий князь неоднократно ставил вопрос о необходимости для России «иметь флот, способный оградить наши берега на всех морях от неприятельских покушений и способный вести наступательную и крейсерскую войну» (док. № 104).

В записках великого князя на имя императора высказаны предложения по укреплению и дальнейшему развитию флота (док. № 105, 110, 111). Его доклад «Соображения о необходимости усилить состав русского флота в Тихом океане» (док. № 113) в условиях роста японского флота и усиления внешнеполитической активности Японии представлял собой программу строительства и ввода в строй новых кораблей, а также определение роли основных флотов России, планы их развития, структуру, соотношение Военно-морского флота России с флотами сопредельных государств. Высказанные в нем соображения стали основанием для увольнения в 1896 г. великого князя из военно-морского флота вследствие возникших разногласий с великим князем Алексеем Александровичем, главным начальником Флота и Морского ведомства.

Документы 1898–1905 гг. отражают новые грани деятельной натуры Александра Михайловича, связанные с его назначением в качестве руководителя Главного управления торгового мореплавания и портов (док. № 150 и др.). Заметен его поворот к осмыслению ряда важных вопросов социального и экономического развития России. Он высказал ряд соображений по «крестьянскому вопросу» (док. № 130), развитию железнодорожного строительства (док. № 152), внешнеполитической позиции России в условиях гонки вооружений и обострения межгосударственных противоречий (док. № 131–141 и др.).

Записки и письма великого князя, датируемые 1910 г. — мартом 1917 г., содержат его соображения о развитии воздушного флота (док. № 154, 155, 159), критические высказывания относительно порядка использования его в условиях Первой мировой войны (док. № 158, 160–162).

Последний документ сборника — письмо великого князя императору от 24 декабря 1916 г. — 4 февраля 1917 г. — позволяет представить



политическую позицию автора по вопросу о возможных путях выхода из политического кризиса в России в начале 1917 г. (док. № 163). Письмо отражает наличие разногласий среди представителей династии Романовых и намерение Николая II выяснить мнение великого князя в данной ситуации. Князь излагает его в прямой, бескомпромиссной форме: «...в это святое время, когда мы все... держим испытание на звание человека в его высшем понимании, как христианина, какие-то силы внутри России ведут тебя и, следовательно, Россию к неминуемой гибели. Я говорю ... вполне сознательно, так как Россия без царя существовать не может, но нужно помнить, что царь один править таким государством, как Россия, не может, это надо раз навсегда себе усвоить, и следовательно, существование министерства с одной головой и палат совершенно необходимо...» Оставаясь убежденным приверженцем думской монархии, князь в то же время решительно призывает Николая II сделать шаг навстречу требованиям либеральной оппозиции в создании министерства общественного доверия: «Такое министерство встретит общее сочувствие всех благомыслящих кругов, оно должно представить тебе подробную программу тех мер, которые должны проводиться в связи с главной задачей момента, т.е. победы над германцами, и включить те реформы, которые могут проводиться попутно, без вреда для главной цели, и которых ждет страна». Одновременно он оберегает его от принятия лозунга ответственного министерства: «Я принципиально против так называемого ответственного министерства, т.е. ответственного перед Думой, этого допускать не следует, надо помнить, что парламентская жизнь у нас в самом зародыше...» Последние строки письма князь дописывал 4 февраля, слабо надеясь быть услышанным: «Когда подумаешь, что ты несколькими словами и росчерком пера мог бы все успокоить, дать стране то, чего она жаждет, т.е. правительство доверия и широкую свободу общественным силам при строгом контроле, конечно, что Дума, как один человек, пошла бы за таким правительством, что произошел бы громадный подъем всех сил народных, а следовательно, и несомненная победа, то становится невыносимо больно, что нет людей, которым бы ты доверял, но людям, понимающим положение...»

Приложение включает 20 документов. Особый интерес представляют полный послужной список великого князя Александра Михайловича (док. № 1), заключения на его записку об усилении русского флота в Тихом океане вице-адмирала И.М. Дикова (док. № 7), контр-адмиралов С.О. Макарова (док. № 4), А.Я. Гильдебранта (док. № 5), а также министра финансов С.Ю. Витте (док. № 6). Их оценки существенно разнятся.

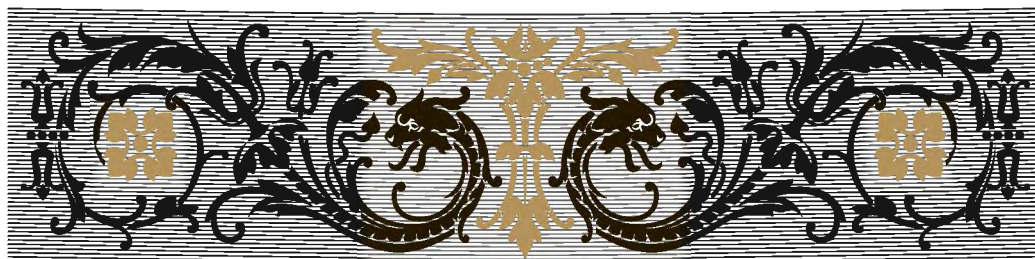
Письма великого князя сыновьям князьям Андрею Александровичу (док. № 15) и Дмитрию Александровичу (док. № 16, 18) ярко отражают его жизненное кредо, которое он стремился передать своим детям: «...помни душу свою, пойми, что жизнь на земле есть миг, а впереди вечная жизнь души, живи так, чтобы душа твоя не укоряла тебя, никогда не делай компромиссов с совестью, *всегда говори правду*, если нельзя сказать правду, промолчи, но не допускай в себе лжи» (док. № 15).

Данный сборник дает представление о великом князе Александре Михайловиче в различных его гранях — человеке, представителе царствующей династии Романовых, адмирале с большим опытом и активной научной и практической деятельностью, государственном деятеле со светлым умом и горячим желанием отдать все свои силы служению родине и монарху.



 **Сидоренко Надежда Семеновна** 

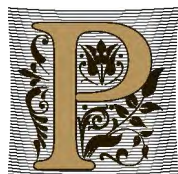
доктор исторических наук, профессор  
кафедры отечественной истории и права  
Южно-Уральского государственного  
гуманитарно-педагогического университета



Н.С. Сидоренко

**В.Я. РУШАНИН**  
**ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ ТИХОМИРОВ:**  
**ВОЗВРАЩЕНИЕ ЗАБЫТОГО ИМЕНИ**

Челябинск: Изд-во Игоря Розина, 2016.  
Сер. «Культурные ландшафты Урала» /  
Перекрестки судеб. Вып. 4. 2016. 431 с.



Рецензируемая книга выполнена в жанре биографики — научного направления, актуальность которого возрастает на современном этапе развития исторической науки. Исследовательская позиция автора согласуется с основными принципами научной биографики, которые предполагают концентрацию внимания на главных ценностях, жизненных установках, духовной (душевной) стороне жизни человека. Главным героем книги выступает многогранная фигура Ивана Александровича Тихомирова — педагога и администратора, более тридцати лет (с 1885 по 1919 г.) возглавлявшего различные учебные заведения, ученого — автора более 60 научных публикаций, одного из тонких знатоков русских летописей.

Стремление раскрыть сочетание многогранности в природе главного героя определило структуру книги о нем. Главы ее соответствуют основным этапам становления и развития личности Тихомирова и имеют определенную географическую последовательность: «Пенза—Санкт-Петербург—Ревель—Царское Село—Стерлитамак—Троицк—Екатеринбург—Троицк».

Данное издание характеризует широкий и разнообразный круг привлеченных исторических источников, как опубликованных, так и неопубли-

кованных, вводимых в научный оборот впервые. Среди них архивные документы, извлеченные из федеральных и региональных архивов, документы личного происхождения, предоставленные автору родственниками Тихомирова. В приложении к изданию включены его наиболее значительные научные труды, которые интерпретируются с позиции достижений современной исторической науки. -

Книга снабжена иллюстративным материалом, дающим дополнительное визуальное представление о главном герое.

Тихомиров прожил большую и насыщенную трудовую жизнь. Родился он 26 января 1852 г. в Пензенской губернии в семье сельского священника. Первый интерес к книге, наблюдательность, привычку к записи и точности информации, трудолюбие привил ему отец. После окончания Пензенского духовного училища юноша резко изменил траекторию своей жизни. Новой странице в биографии героя соответствует и новый раздел — «Императорский институт». Годы его учебы в Санкт-Петербургском императорском историко-филологическом институте раскрываются на фоне обстоятельного описания обстановки и атмосферы обучения в этом уникальном вузе. Получив глубокие знания и проявив стремление к их практическому применению, с записью в документе об окончании института — «успехи отличные» — он уверенно встал на путь самостоятельной профессиональной деятельности.

Началу его педагогического пути посвящен раздел книги — «Учитель гимназии», в котором освещается его работа в Ревельской Александровской гимназии, куда он был распределен. Постигая искусство педагогической деятельности, он не порывал с научной работой. Его интерес к исследованию древнерусских летописей, пробудившийся в институте, получает продолжение в ряде научных публикаций.

Успешное начало трудовой деятельности предопределило новое назначение. В 1878 г. Тихомирова рекомендовали преподавателем в Царско-Сельскую Николаевскую гимназию. Она имела статус классической, что открывало ее ученикам возможность поступления в университет по ее окончании. Это определяло повышенные требования к педагогам. Происходил рост интереса молодого педагога к вопросам методики и дидактики и не только на теоретическом уровне. Вскоре он стал составителем «Атласа по всеобщей и русской истории для средних учебных заведений» (СПб., 1878), который выдержал неоднократное переиздание и на многие годы явился неотъемлемым элементом школьной дидактики. Определенных успехов достиг он и в научной работе, свидетельством тому стала публикация статьи «О Лаврентьевской летописи» на страницах «Журнала Министерства народного просвещения».

Однако назначение этого министерства изменило вектор работ и переместило Тихомирова на Южный Урал. С 1885 г. начался новый период в его жизни. Открыла его работа в качестве руководителя Стерлитамакской прогимназии. В 1888 г. он получил новое назначение — директора Троицкой классической мужской гимназии, в которой проработал 18 лет.

Раскрывая его административную и педагогическую деятельность на новом поприще, автор показывает основательность дел Тихомирова, его стремление к достижению лучших образцов учебных и педагогических достижений своего времени. Это отразили сюжеты, связанные с организацией образовательного пространства в самой гимназии, облагораживанием территории вокруг нее, строительством пансиона, больницы, изысканием форм материальной поддержки и поощрения обучающихся. Сама жизнь диктовала необходимость решения этих задач, учитывая в целом невысокую культурную инфраструктуру этого типичного провинциального уральского города.

Деятельность Тихомирова на посту директора гимназии была вынужденно прекращена в 1906 г. В условиях первой российской революции, как снежный ком, нарастала волна недовольства, которая охватывала рабочую и учащуюся молодежь. Один из выпускников гимназии при вручении аттестатов нанес публичное оскорбление ее директору в виде пощечины. Причиной было несогласие с позицией директора как защитника «старой школы». Тихомиров не смирился с нанесенным ему оскорблением. В 1908 г. ему предложили возглавить другое учебное заведение Троицка — женскую гимназию, которой он придал новый импульс развития.

В 1912 г. ему поступило новое предложение — возглавить Учительский институт в Екатеринбурге. В России тогда было всего 17 учительских институтов, которые выпускали в год не более 200 специалистов (!). Страна остро нуждалась в учительских кадрах. Через три года состоялся первый выпуск института — 26 человек. В условиях Первой мировой войны возможности института сократились. И все же в 1917 г. он дал стране 19 учителей, еще 72 человека проходили обучение.

Революционный 1917 г. не позволил Тихомирову остаться в тени событий. В марте директор принес присягу новой власти. По решению Екатеринбургского городского Совета рабочих и солдатских депутатов в марте 1918 г. институт был закрыт, руководитель и педагоги как «контрреволюционеры» были уволены. На короткий срок — с августа 1918 г. по август 1919 г. — он вновь будет назначен директором института Временным областным правительством Урала, но с восстановлением советской власти его окончательно отстранят от педагогической деятельности.

Уральский период занял не только значительный отрезок жизненного пути Тихомирова (1885–1928), но и особое место в нем. Именно в этот период времени он сформировался как ученый, историк, признанный специалист по истории русского летописания. Это отмечали академик К.Н. Бестужев-Рюмин, А.А. Шахматов, А.Н. Пыпин. Три работы Тихомирова, изданные в 1876–1895 гг. и объединенные под названием «Обозрение состава летописей Северо-восточной Руси», были удостоены Академией наук Уваровской премии. Появились и новые направления в исследовательской деятельности, связанные с изучением истории и культуры Южного Урала, его специфики, связанной с наличием горнозаводской промышленности. Его публикации позволили Бестужеву-Рюмину характеризовать Тихомирова «лучшим знатоком уральского края» (с. 177–178).

В годы мировой войны Тихомиров обращается к трудам М.В. Ломоносова. На страницах «Журнала Министерства народного просвещения» опубликован ряд его статей, в которых он поднимал вопросы, созвучные военному времени — о политической экономии, человеческих ресурсах, сохранении и росте численности российского народа, значении брака и семьи, о неконтролируемой миграции. В статьях о статистике и опыте географического описания России Ломоносовым подчеркивает стратегическое и перспективное значение его трудов и практической деятельности, не скрывая своего пессимизма в связи с тем, что «спрос на Ломоносова» оказался в России отложенным в ущерб самой стране.

Раздел «Осень патриарха» воссоздает картину драматичной картины жизни Тихомирова на склоне лет. В 1919 г. он возвращается в свое имение в г. Троицк, пытается продолжить научные исследования. Как представитель «старого режима» был лишен состояния. В 1919 г. была опубликована его последняя статья в журнале «Уральское хозяйство». Последним источником существования оставалась дача, но и она была изъята в 1925 г. В 74 года он остался без средств к существованию. Обращение к члену президиума ВЦИКа, бывшему ученику Троицкой гимназии, не оправдало его надежд. Ответ был жестким и оскорбительно-унизительным. Оставалась надежда на Академию наук, но решения ее он не дождался. Умер Тихомиров в 1928 г. Место его захоронения не сохранилось.

Рецензируемая книга, таким образом, значительный шаг на пути восстановления неоправданно забытого имени признанного ученого, талантливого педагога и администратора — И.А. Тихомирова. Автору удалось в живой и увлекательной форме проследить путь становления и развития этой яркой личности от провинциального сына священника до директора гимназии и Учительского института, известного исследователя русской

истории, автора трудов, отмеченных Императорской Академией наук. Вершина его педагогической деятельности пришлась на годы Первой мировой войны, в непростых условиях под его руководством шла подготовка учителей, с деятельностью которых на поприще народного просвещения он видел путь дальнейшего поступательного движения страны. Трудности военного времени и революционных перемен не угасили в нем творческое начало — в его научных изысканиях появились новые темы. Пройдя испытание отрицанием революционной эпохой, И.А. Тихомиров вновь вошел в ее историю как один из ярких и талантливых представителей российской интеллигенции.



 **Сидоренко Надежда Семеновна** 

доктор исторических наук, профессор  
кафедры отечественной истории и права  
Южно-Уральского государственного  
гуманитарно-педагогического университета



С.М. Исхаков

## СОЮЗ ОБЪЕДИНЕННЫХ ГОРЦЕВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА И ДАГЕСТАНА ( 1917—1918 гг. ), ГОРСКАЯ РЕСПУБЛИКА ( 1918—1920 гг. ) ( ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ )

2-е изд., испр. и доп. Махачкала: Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, 2013. 295 с.; Материалы съездов горских народов Северного Кавказа и Дагестана 1917 года.

Нальчик: Изд. отдел Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований, 2014. 168 с.



Современный этап развития революциеведения характеризуется тем, что возникают новые подходы, существенно расширяется источниковая база, историки стремятся дать более точную и объективную оценку событий 1917 г. в России. Между тем в существующей по данной тематике источниковой базе имеются заметные изъяны, пробелы, ошибки и искажения. Все это уже сказалось и сказывается на полноте освещения исторических событий, глубине их анализа, объективности оценок различных исторических деятелей, действовавших, к примеру, на Северном Кавказе в этот период.

Наиболее популярным источником по истории революции и гражданской войны на Северном Кавказе в современной историографии является сборник документов и материалов, вышедший в Махачкале в 1994 г.<sup>1</sup> Для многих историков он стал «солидным подспорьем для понимания событий»,

<sup>1</sup> Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.), Горская республика (1918–1920 гг.) (Документы и материалы). Махачкала, 1994 (Далее I).



происходивших в этом крае во время революции<sup>2</sup>. В 2013 г. в Махачкале вышло второе издание этого сборника, в которое включено дополнительно более 40 документов, что, несомненно, само по себе является позитивным моментом. Цель издания, как отмечается в предисловии второго издания, состоит в следующем: «Политика регионального сотрудничества, создание общих координирующих для северокавказских народов политических и экономических структур и актуализация проблемы государственного суверенитета имеют свою предысторию, и в этих условиях второе издание данного сборника документов может представлять несомненный интерес для политиков и общественных деятелей Кавказа, России и СНГ в целом»<sup>3</sup>. Таким образом, спустя почти 20 лет появился труд, который имеет цель сделать доступными не только для исследователей в других городах и странах важные исторические источники, хранящиеся в основном в кавказских архивах и научных учреждениях по этой проблематике, что должно способствовать успеху научных изысканий и оказать помощь современным политикам. Вполне естественно, что такой важный сборник заслуживает пристального внимания и не только потому, что он носит кавказоведческий характер, а как типичный пример уровня публикаторских работ по истории революционного 1917 г. в других регионах России, а также в сопредельных странах.

Источниковедческий анализ этих двух изданий выявил целый ряд искажений документов в них. Приведу лишь некоторые из них. Так, публикуя обращение правительства Горской республики к населению, датированное 24 ноября 1918 г., публикаторы сделали ряд серьезных ошибок при воспроизведении этого документа, опубликованного в газете «Дагестан» 25 ноября 1918 г., а именно: «..когда над личностью, честью и имуществом вашими<sup>4</sup> творятся самые невероятные насилия..»; «..желание поддержать демократические организации, стремящиеся не к разрушению<sup>5</sup>, а к созданию государственного и общественного строя, при коем лишь и<sup>6</sup> возможно...»; «гонения, испытываемого<sup>7</sup> партиями при самодержавии большевиз-

<sup>2</sup> Хлынина Т.П. Северокавказские национальные движения и революция 1917 г. в осмыслении современной историографии // Юг России: реформы, революции, поиски гражданского мира (памяти П.А. Столыпина). Материалы Региональной научной конференции 1–2 июня 2011 г. Ростов-на-Дону. Ростов н/Д., 2011. С. 35.

<sup>3</sup> Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.), Горская республика (1918–1920 гг.) (Документы и материалы). 2-е изд., испр. и доп. Махачкала, 2013. С. 4 (Далее II).

<sup>4</sup> Ошибочно: нашими (I. С. 172). Вся фраза отсутствует в II.

<sup>5</sup> Ошибочно: разоружению (I. С. 173). Исправлено в II.

<sup>6</sup> Пропущено: и (I. С. 173). Исправлено в II.

<sup>7</sup> Ошибочно: испытываемые (I. С. 173). Исправлено в II.

ма<sup>8</sup>...»; «...в деле поддержки республики, в пределах коей произвол и заси-  
лие какой-либо одной группы места иметь не будут<sup>9</sup>»; и др.

В обоих изданиях использована газета «Дагестан» от 26 февраля 1919 г., в которой опубликован доклад председателя правительства Горской республики П. Коцева на заседании Союзного совета (парламента) Горской республики о результатах переговоров с представителем Добровольческой армии генералом И.Г. Эрдели в Баку. Сохранилась копия этого доклада, которая еще 19 февраля 1919 г. была отправлена из Пятигорска главноначальствующим и командующим Войсками Терско-Дагестанского края генерал-лейтенантом В.П. Ляховым председателю Особого совещания при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России генералу от кавалерии А.М. Драгомирову. Сравнение архивного документа (колонка 1) с газетным текстом (колонка 2) показывает множество существенных расхождений между ними:

1	2
Ингушетия должна разоружиться...	Ингушетия должна расформироваться...
Ингушский народ должен дать солдат для Добровольческой армии для похода против большевиков в России в возрасте от 19 до 40 лет.	Ингушский народ должен быть мобилизован от 18 до 40 лет для борьбы с большевизмом в России.
...восстановление правильной экономической жизни, помощь свободному развитию местных сил...	...восстановление правильной экономической жизни с помощью местных сил...
Они, правда, знают, что горское правительство существует...	...они, правда, говорят, что горское правительство существует...
Правительство же наше стоит на моей точке зрения, что мы не желаем ни с кем конфликта, а хотим установить мирные добрососедские условия...	Правительство же наше стоит на той точке зрения, что оно не желает ни с кем конфликта, а хочет установить мирные добрососедские условия...

<sup>8</sup> Ошибочно: большевиков (II. С. 106).

<sup>9</sup> Отсутствует окончание данного предложения: какой-либо одной группы места иметь не будут (I. С. 173). Исправлено в II.

1

По вопросу о возмещении убытков мною было сказано, что мы этот вопрос ставим гораздо шире: может быть, ингуши причинили убытки и кабардинцам и осетинам.

Признание нашей республики одним Деникиным для нас имеет мало значения; нужно заручиться согласием и поддержкой прочих республик России.

Союзное командование мне обещало поддержку нашей республики впредь до мирной конференции и Деникину дать приказ не наступать на территорию горского правительства.

Если вы будете стойки, то сохраните свою независимость, слабые наши стороны нам не давали жить. Это грабежи и разбои, кои не дают нам ходу. Вот почему нас хотят умиротворить, вот почему хотят назначить генерал-губернатора. Это и есть ваше слабое место. Если хотите самоопределяться, то обеспечьте свободное проживание гражданам. Вот, что нам могут сказать. Мы должны будем отстаивать наше право на наше самоопределение<sup>10</sup>.

2

По вопросу о возмещении убытков много было сказано, что мы этот вопрос ставим гораздо шире, может быть, ингуши причинили убытки кабардинцам, а те осетинам.

Признание нашей республики одним Деникиным для нас имеет мало значения, но когда будет общероссийское правительство, тогда можно будет вести переговоры, которым мы придаем большое значение.

Союзное командование мне обещало поддержку нашей республики впредь до мирной конференции, и Деникину было приказано не наступать на территорию горского правительства.

Если вы будете стойки, то сохраните свою независимость. Мы должны будем отстаивать права на наше самоопределение<sup>11</sup>.

<sup>10</sup> Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 31. Л. 35–36 об.

<sup>11</sup> I. С. 223, 224, 225; II. С.146–147.

Примечания по содержанию этого газетного текста, в котором имеются очевидные неясности, отсутствуют, что не позволяет даже специалисту правильно понять и оценить данное сообщение.

В ряде других документов махачкалинского сборника также имеются серьезные расхождения с другими источниками. К примеру, в резолюции от 12 марта 1919 г., принятой Союзным советом Горской республики, в частности, сказано: «...с этого пути строительства жизни горских народов Кавказа, в основу которого положена идея государственности и народо-правства...»<sup>12</sup>. Вместо «народоправства» в сборнике напечатано «народничества»<sup>13</sup>. В заявлении Союзного меджлиса горцев Кавказа в начале сентября 1919 г. сделаны такие ошибки: «...все<sup>14</sup> наши обращения по указанному выше поводу к закавказским правительствам с призывом к<sup>15</sup> немедленно...». В воззвании меджлиса горских народов сделано исправление в имени известного религиозного деятеля: «...движение, которое ныне возглавляется в Чечне Узум-Хаджи<sup>16</sup>...»<sup>17</sup>. Все эти различия (или искажения) в документах, согласно правилам издания исторических документов, следовало разъяснить в примечаниях.

Также имеют место элементарные ошибки в датировке документов. В частности, публикаторы считают, что обращение социалистов Северного Кавказа к представителям западноевропейского социалистического движения появилось не ранее августа 1919 г.<sup>18</sup>, не обращая внимания на то, что в конце данного документа упоминается мусульманская газета «Янги Дунья» («Новый мир»), которая стала выходить в Тифлисе только с июня 1920 г. Это «Обращение социалистов горских народов Северного Кавказа к международной социалистической делегации в Грузии» было опубликовано осенью 1920 г. в тифлисских газетах «Борьба» (30 сентября 1920 г.) и «Вольный горец» (4 октября 1920 г.). Здесь сказано, что прибывшей в Грузию группе европейских социалистов вручен меморандум от имени социалистов горских народов за подписью А. Цаликова и Г. Бамматова, а далее приводится заключительная часть этого документа.

Сравнение показывает, что в махачкалинских сборниках при этом допущены и текстуальные ошибки. Например, в газетах сказано: «Само-

<sup>12</sup> ГА РФ. Ф. Р-6144. Оп. 1. Д. 54. Л. 6 об.

<sup>13</sup> I. С. 252; II. С. 169.

<sup>14</sup> Упущено: все (I. С. 329; II. С. 224).

<sup>15</sup> Упущено: к (Там же).

<sup>16</sup> Исправлено: Узун-Хаджи Салтинский (I. С. 321; II. С. 220).

<sup>17</sup> Вольный горец. 1919. 22 сентября.

<sup>18</sup> I. С. 322; II. С. 221.

утверждение трудовых масс каждого народа в их государственной суверенности — мы<sup>19</sup> считаем высшим проявлением демократизма»; «...при условиях всех демократических гарантий<sup>20</sup>, верховного органа горских народов, который должен быть воплощением их суверенных прав, который определит их государственное бытие и<sup>21</sup> политические судьбы»; «...мы ведем в глухих трупобах Кавказских<sup>22</sup> гор против гнета...»; «...апеллирует в Вашем лице, члены<sup>23</sup> международной социалистической делегации, к пролетариату Европы»; и т.д.

Еще типичный пример. Публикуя воззвание главы правительства и главкома Северо-Кавказского эмирства князя М.-Х. Дышинского<sup>24</sup> (И. Арсанукаева) к населению, публикаторы указывают, что оно появилось не ранее сентября 1919 г., исходя из даты создания этого эмирства<sup>25</sup>. Однако в газете «Вольный горец» то же самое воззвание появилось только 16 февраля 1920 г. В тексте, опубликованном в сборнике, имеется целый ряд ошибок: «Мусульмане Северного Кавказа не питают никакой вражды ни к вам и<sup>26</sup> ни к вашей религии»; «На мирной конференции в Париже вследствие интриги<sup>27</sup> союзных великих держав...»; «Северокавказские мусульмане... пойдут по стезям<sup>28</sup> своих предков...» и др.

Схожие ошибки имеются и в изданном в 2007 г. в Махачкале сборнике документов<sup>29</sup>, где освещается отчасти история гражданской войны в Дагестане. В этом издании также допущены многочисленные неточности.

В нальчикском сборнике, как сказано в аннотации, даны материалы, посвященные I съезду горских народов Кавказа (май 1917 г.), и некоторые пункты резолюции II съезда (сентябрь 1917 г.), которые впервые были опубликованы в Стамбуле на французском языке в 1918 г. под общим названием «Исторический очерк о горских народах Кавказа в период мировой войны». Последний в переводе на русский язык издан КБИГИ в 2006 г. За этот период в результате поисковой работы найдены протоколы II съез-

<sup>19</sup> Упущено: мы (I. С. 326; II. С. 223).

<sup>20</sup> Ошибочно: гарантов (I. С. 327; II. С. 223).

<sup>21</sup> Отсутствует: и (I. С. 327; II. С. 223).

<sup>22</sup> Отсутствует: кавказских (I. С. 327; II. С. 223).

<sup>23</sup> Ошибочно: члена (I. С. 327; II. С. 223).

<sup>24</sup> Ошибочно: Дышинского (I. С. 337; II. С. 229).

<sup>25</sup> I. С. 337; II. С. 229.

<sup>26</sup> Отсутствует: и (I. С. 337; II. С. 229).

<sup>27</sup> Ошибочно: интриг (I. С. 338; II. С. 229).

<sup>28</sup> Ошибочно: следам (I. С. 338; II. С. 229).

<sup>29</sup> Власть и мусульманская религия в Дагестане (ноябрь 1917 г. — декабрь 1991 г.). Документы и материалы. Махачкала, 2007.

да, а также проект положения о временном самоуправлении Терской области, принятый съездом представителей населения Терской области 18–20 мая 1917 г. Такие первоисточники можно только приветствовать, однако в отношении переведенных материалов ясно, что когда документы сначала были переведены на французский язык, а потом на русский язык, от оригинального текста не осталось и следа. К тому же неизбежны, как часто бывает, ошибки при двух переводах.

Далее, в предисловии составителем сказано, что в сборнике документов и материалов, посвященном I съезду Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана в мае 1917 г., приводится текст Конституции, принятой на II съезде в сентябре 1917 г. «Эта погрешность была отмечена и С. Исхаковым» (с. 12), ссылаясь на мою монографию «Российские мусульмане и революции (весна 1917 — лето 1918 г.)» (М., 2004. С. 205). Точнее все же было сказать, что эта ошибка была впервые мною указана.

О качественном уровне нальчикского сборника можно судить по тем серьезным фактическим ошибкам, которые встречаются уже в предисловии и показывают неосведомленность составителя в том, что было вне Северного Кавказа. Так, написано, что осенью 1917 г. председателем некоего «Центрального Комитета военного совета Всероссийского союза мусульман» являлся якобы Али Асадулаев (с. 20). На самом деле такого органа не было, а был Всероссийский мусульманский военный шуру (совет), у которого не было ЦК; в этом Совете Асадулаев (именно так правильно пишется его фамилия) был одним из заместителей председателя этого Совета. Что касается «Всероссийского союза мусульман», то тогда его уже не было, а был Всероссийский мусульманский совет.

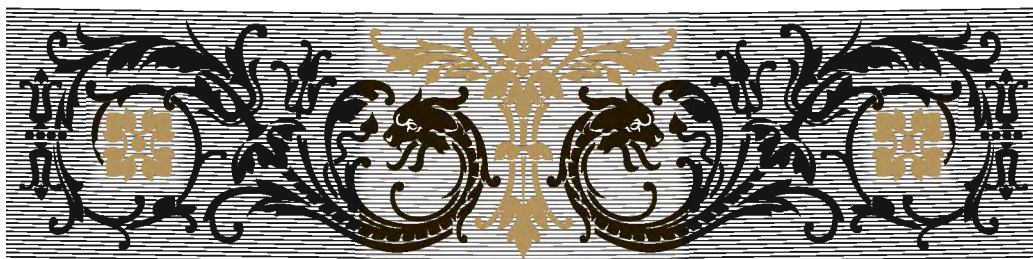
Таким образом, документальные сборники, опубликованные в Махачкале в 2013 г., как и два других (1994 и 2007 гг.), и в Нальчике в 2014 г. содержат большое количество разнообразных и важных фактов, расширяющих знания по истории этого периода на Северном Кавказе, в то же время достаточно ясно показывают неакадемический уровень источниковедения истории 1917 г. на Северном Кавказе за последнюю четверть века. Изданиям присущи существенные пробелы и серьезные изъяны. Сопоставление опубликованных документов с их архивными оригиналами показало, что при воспроизведении их часто допускались искажения, порой весьма существенные, которые затем попадали в научную, научно-популярную и учебную литературу. Все это подчас нарушает причинно-следственные связи конкретных исторических событий, происходивших в то время не только на Северном Кавказе. Представителям

исторической науки, давно привыкшим работать над источниками по подобным печатным изданиям, вышедшим к 2017 г. в разных регионах Российской Федерации, придется все же критически относиться к ним и по возможности непосредственно обращаться к архивным первоисточникам и материалам периодической прессы.



 **Исхаков Салават Мидхатович** 

доктор исторических наук,  
заместитель председателя Научного совета РАН по истории социальных  
реформ, движений и революций



С.М. Исхаков

## УФИМСКИЙ СОВЕТ РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ В 1917 ГОДУ: ПРОТОКОЛЫ И ДОКУМЕНТЫ

К 100-летию создания Совета рабочих и солдатских  
депутатов / Автор-сост. Г.В. Мордвинцев.  
Уфа: Информреклама, 2017. 726 с., ил.



начение 1917 года для отечественной истории за последние годы особенно возросло — открываются новые источники, возникают новые подходы к проблеме, уходят устоявшиеся догмы, появляются более точные данные о том, что происходило во время Великой российской революции 1917 г. на

территории обширной страны, в различных ее частях, в том числе в весьма отдаленных от столичного Петербурга. То, что тогда произошло, как принято писать, «на местах», по-прежнему требует расширения источниковедческой базы за счет привлечения новых архивных документов. В разных регионах России в последнее время появились документальные сборники, приуроченные к 100-летию этой революции. Одним из них является рецензируемое издание, подготовленное известным не только в Башкортостане уфимским историком Г.В. Мордвинцевым. В этом сборнике, изданном под грифом Управления по делам архивов Республики Башкортостан, собран большой малоизвестный историко-архивный, документальный и мемуарный материал, отражающий события этой революции в Уфимской губернии, которая позднее вошла в состав Башкирской АССР.

В данном сборнике публикуются протоколы общих собраний и заседаний исполкома Уфимского совета рабочих и солдатских депутатов в 1917 г.,



его секций и партийных фракций, совместных заседаний с комиссарами Временного правительства, военными властями, губернским комитетом общественных организаций и профсоюзами, материалы участия Совета в создании органов самоуправления и профсоюзов, разнообразная переписка, обращения и воззвания Совета к населению и другие документы.

Сборник включает документы, извлеченные из фондов Национального архива Республики Башкортостан. В случаях, когда нет сохранившихся архивных документов Совета, особенно протоколов общих собраний, использовались материалы местной периодики — газет «Уфимская жизнь», «Известия Уфимского совета рабочих и солдатских депутатов», «Вперед!», «Земля и воля». Часть документов, характеризующих жизнь Уфимского гарнизона, работу военной секции Уфимского совета среди солдат и офицеров, извлечена из фондов Российского государственного военно-исторического архива.

Из 483-х включенных в сборник документов свыше 250-и представляют собой материалы преимущественно местной прессы, почти 200 архивных документов публикуются впервые, только несколько документов были опубликованы ранее в документальных сборниках. Таким образом, большинство источников публикуется впервые. Это результат многолетней и кропотливой работы составителя.

Собранные в данном издании источники представляют определенный интерес не только для региональной историографии, но и для революциеведения 1917 г. вообще. Документы отражают то, что происходило в глубоком тылу Первой мировой войны в условиях революции: действия центральной и местной власти, поведение солдат в запасных частях, настроения многонационального населения губернии, повседневная жизнь горожан и сельских жителей, состояние промышленности, сельского хозяйства, финансов, положение беженцев, военнопленных, изменение отношения населения к войне, к действиям властей по борьбе с ростом цен, дороговизной и др., — все это важно для беспристрастного и вдумчивого анализа масштабного кризиса тогдашнего русского общества, который сегодня многие воспринимают не иначе как некую «трагедию» или как «цветную революцию», устроенную кучкой революционеров на деньги зарубежных спонсоров.

Предисловие к сборнику содержит подробный анализ предшествующих документальных изданий, которые касались этой тематики, дает представление об особенностях ситуации на Южном Урале, в частности, в Уфимской губернии. Здесь отмечается, что в 1917 г. в губернском центре — Уфе проживало около 113 тыс. человек, более 80% которых составляли славяне. Кроме того, в Уфимском гарнизоне насчитывалось 25–30 тыс. солдат

(не менее половины из них составляли мусульмане — башкиры и татары). В городе находились также около 15 тыс. беженцев из западных губерний, эвакуированных, интернированных и военнопленных (стр. 7–8).

Добавим к этому, что Уфимский совет рабочих и солдатских депутатов объединял около 40 тыс. рабочих и солдат (док. 160), что население Уфимской губернии больше чем наполовину состояло из мусульман (док. 183). В Уфимском же гарнизоне, согласно другим данным, солдаты-мусульмане составляли более половины (док. 405). Не случайно первым председателем этого Совета был в марте 1917 г. избран меньшевик Ибрагим Ахтямов, из мусульман. В августе 1917 г. он ушел с этого поста.

Документы и материалы данного сборника дают возможность глубоко и широко представить внутренние проблемы такого многонационального и поликонфессионального региона, как Уфимская губерния в условиях мировой войны и революции, понять, каким путем решались острые социально-экономические проблемы, прежде всего разруха, как виделись формы правления в стране, каким было соотношение демократических и социалистических задач, показывают напряженную общественно-политическую борьбу за власть как в Уфе, так и в губернии в целом. Документы сборника в большинстве своем представляют действительно новые источники для изучения истории этого края, станут важным стимулом для дальнейшего изучения этого сложнейшего времени, для более точной оценки событий 1917 г. в данной губернии и на Южном Урале в целом. Сборник существенно восполняет имеющиеся заметные пробелы в региональной исторической литературе, в том числе в отношении губернских политиков.

Например, составитель в предисловии впервые в историографии определенно отметил, что первым руководителем Уфимского совета стал Ибрагим Ахтямов. Он, кроме того, в марте стал председателем Уфимского губернского комитета общественных организаций, председателем Комитета Уфимской (объединенной) организации РСДРП (март–июнь), председателем Уфимской организации партии меньшевиков (с сентября). Такие его широкие полномочия, означающие, что он пользовался большим доверием граждан, не имеют аналогов в истории революционного 1917 г. на территории всей бывшей Российской империи, представляют собой яркий факт происходившей повсеместно демократизации общественной и политической жизни. Документы сборника впервые показывают, каким руководителем был Ахтямов, какие решения принимались этим Советом в течение шести месяцев революции.

Надо иметь в виду, что после Февральской революции 1917 г. на Урале и в Поволжье представителей мусульманского населения в подобных Сове-

тах было немного. Отношения Советов рабочих и солдатских депутатов с представителями мусульманского населения обычно не складывались, хотя встречались исключения, как в Уфе, где отличился социалист-мусульманин Ахтямов. Он в условиях революции стал влиятельным региональным политиком, объединившим многочисленные народы этой губернии, равно которому не нашлось в иных партийных лагерях.

Сборник полностью соответствует современным требованиям археологической науки.

Конечно, есть источниковедческие трудности, поскольку в уфимских архивах не сохранилась часть документов этого Совета. Г.В. Мордвинцев, прекрасно понимая, что далеко не все документы о работе Уфимского совета рабочих и солдатских депутатов все же удалось выявить, совершенно верно выражает надежду, что сборник все же окажет помощь в систематическом исследовании истории революционной эпохи 1917 г., а новые поколения историков в ходе дальнейших поисков восполнят пробелы данного издания (стр. 23), с чем трудно не согласиться.

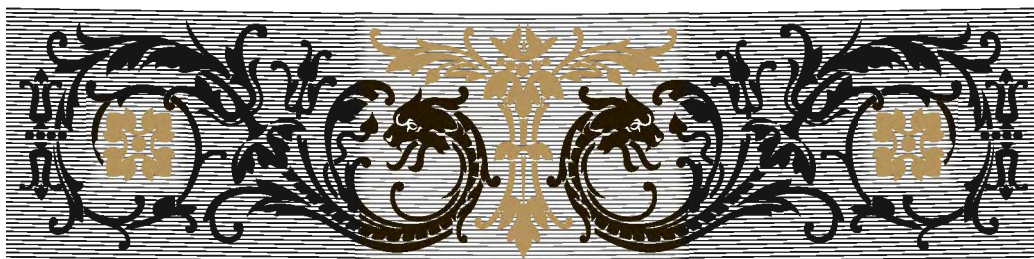
Составитель сборника проделал весьма нужную и своевременную работу, предоставив исследователям и широкому кругу читателей важные и в значительной части впервые публикуемые документы, тем самым, в отличие от многих «юбилейных» изданий, внес существенный вклад в отечественное революциеведение 1917 г.

Данный труд профессора Г.В. Мордвинцева, источниковеда и знатока истории Уфимской губернии начала XX в. и Башкирской АССР, вносит, как и предыдущие его документальные публикации, существенный вклад в изучении истории многочисленных народов этого края.



 **Исхаков Салават Мидхатович** 

доктор исторических наук,  
заместитель председателя Научного совета РАН по истории  
социальных реформ, движений и революций



# ВОСПОМИНАНИЯ БРИТАНСКОГО ЖУРНАЛИСТА М.Ф. ПРАЙСА О 1917 ГОДЕ В РОССИИ

## Предисловие

Одним из очевидцев революционных событий 1917 г. в России был известный британский журналист Морган Филипс Прайс, автор ряда книг, посвященных России. Он родился 29 января 1885 г. на западе Англии. Его отец был землевладельцем, либералом, депутатом парламента Великобритании. Прайс окончил Кембридж, после чего вступил в Либеральную партию. В 1908 г. он впервые посетил север России, а через год побывал в Москве, где встретился с русскими предпринимателями и дал общую оценку экономики России. Она, по его мнению, была крайне несбалансированной, достигающей успеха на внешних рынках сбыта лишь за счет угнетения сельского населения. С началом Первой мировой войны Прайс был одним из тех, кто активно выступал в парламенте против участия в ней Великобритании. В апреле 1915 г. он как военный корреспондент ведущей либеральной газеты «Манчестер гардиан» был отправлен в Россию. Получив в Тифлисе известие о начавшихся в феврале 1917 г. волнениях в Петрограде, он в марте приехал в Москву, а оттуда отправился в Петроград.

Прайс ожидал от Временного правительства прекращения военных действий, но, осознав, что оно поддерживает идею войны до победного конца, обратил свои взоры на большевиков. В сообщениях, отправляемых в редакцию «Манчестер гардиан», он неоднократно подчеркивал их преимущество в сло-



Морган Филип Прайс

жившейся ситуации. О В.И. Ленине он писал как о движущей силе партии, о прекрасном тактике и стратеге. Отмечал Прайс и близость большевиков с народом. Отправляя в Англию весть о падении Временного правительства во главе А.Ф. Керенским, он отмечал, что главная причина его поражения заключается в том, что у правительства, как прежде и у Николая II, не было поддержки в народе. Крестьянство поверило большевикам, их обещаниям заключить мир и раздать землю<sup>1</sup>.

Несмотря на то, что после Октябрьской революции Прайс не поддержал разгон большевиками Всероссийского Учредительного собрания и гонения на другие политические партии, он, тем не менее, пытался убедить английские промышленные торговые круги установить экономические связи с Советским государством. Будучи корреспондентом революционной газеты «The call», которая стала издаваться в Москве и Лондоне с 1918 г. и распространялась среди английских и американских солдат, высадившихся на севере России, он осуждал интервенцию стран Антанты на территорию Советской России. За это представители британского правительства пригрозили отдать его под суд по возвращении домой, а главный редактор «Манчестер гардиан» уволил Прайса. Но все это не лишило его энтузиазма, он старался быть в гуще политических событий, которые были в Петрограде и Москве.

В Лондоне в 1918 г. была издана первая его книга о революционных событиях в России — «Война и революция в Азиатской России». Она переиздана там же в 2017 г., что свидетельствует о востребованности в Англии его воспоминаний о революции в России. Также в 1918 г. в Германии вышла его книга на немецком языке, посвященная интервенции Антанты в Россию и содержащая критику политики британского правительства в отношении Советского госу-

<sup>1</sup> Price M.P. My Reminiscences of the Russian Revolution. London, 1921. P. 5, 26, 44, 146.

дарства<sup>2</sup>. В 1919 г. Прайс приехал в Германию, где устроился корреспондентом другой британской либеральной газеты — «Дейли геральд». В 1921 г. в Лондоне были опубликованы его воспоминания о русской революции, которые Прайс посвятил лидерам и рядовым участникам «британского рабочего движения, кто с помощью слова, пером и действиями защищал советскую республику России против натиска международных держателей акций»<sup>3</sup>. В том же году в Гамбурге вышел ее перевод на немецком языке<sup>4</sup>.

В этой книге 24 главы, первые 8 посвящены событиям от Февраля к Октябрю 1917 г., которые, по мнению Прайса, показывали, что социальная революция созрела до того, как большевики пришли к власти. Автор не ставил своей непосредственной задачей защиту революции, но вся тональность книги сближает ее, на мой взгляд, с «10 днями, которые потрясли мир», — книгой, известного американского журналиста Дж. Рида, опубликованной в 1919 г. в Нью-Йорке. Они схожи не только мотивом сочувствия русской революции, но и отношением обоих авторов к народу. И Рид, и Прайс писали о рабочих и крестьянах как об истинной силе революции, отводя Ленину роль лишь организатора.

Прайс оценил русскую революцию как великое событие, гордился тем, что являлся ее свидетелем и современником. Его книга, пропитанная симпатией к революции, натолкнулась на жесткую критику в Великобритании и в то же время вызвала интерес у советского руководства. Подготовка к русскоязычному изданию затянулась, несмотря на то, что с воспоминаниями Прайса, как ему самому сообщил Л.Б. Красин, являющийся тогда торговым представителем Советской России в Великобритании, был ознакомлен В.И. Ленин.

По возвращении на родину Прайс сделал блестящую политическую карьеру, став в конце 1920-х гг. депутатом британского парламента. Под влиянием идей русской революции он активно занимался поиском компромисса между частными интересами предпринимателей и интересами общества. После окончания Второй мировой войны Прайс неоднократно посещал СССР (в 1945, 1959, 1963, 1966 гг.), что свидетельствует о симпатии к нему со стороны советского руководства. Воспоминания о поездке в СССР в 1945 г. он опубликовал в книге, выпущенной в 1946 г. в Лондоне<sup>5</sup>. В 1961 г. в Лондоне вышла другая его книга, которая была написана под впечатлением

<sup>2</sup> Price M.P. Die Wahrheit über die Intervention der Alliierten in Rußland: wie die Regierung Englands d. russische Revolutioner drosselt. Leipzig, 1918.

<sup>3</sup> Price M.P. My Reminiscences of the Russian Revolution. P. 5.

<sup>4</sup> Price M.P. Die Russische Revolution. Erinnerungen aus den Jahren 1917–1919. Leipzig, 1921.

<sup>5</sup> Price M.P. Russia, red and white: A record of a visit to Russia after twenty-seven years. London, 1946.

от поездки в СССР в 1959 г.<sup>6</sup> Во время посещения в СССР в 1966 г. он давал интервью таким центральным советским газетам, как «Известия» и «Комсомольская правда». В 1969 г. в Лондоне вышла его книга о трех русских революциях<sup>7</sup>. В западной историографии воспоминания Прайса о русской революции считаются «самым ценным» рассказом очевидца о 1917–1918 гг., написанном нерусским<sup>8</sup>. В СССР эта книга была почти неизвестна даже историкам.

В Москве в 1973 г. было решено издать перевод его воспоминаний о русской революции, изданных в 1921 г. Прайсу было направлено соответствующее письмо. Возмущенный тем, что спустя почти полвека его воспоминания о революции будут опубликованы в той стране, где эта революция совершалась, он принялся писать предисловие к русскому изданию, но не успел передать его в редакцию. 23 сентября 1973 г. в Лондоне на 89-м году жизни Прайс скончался. Предисловие его дочь послала известному английскому публицисту, одному из основателей Коммунистической партии Великобритании профессору Лондонского университета Э. Ротштейну, который направил это предисловие в СССР.

Перевод воспоминаний Прайса активно готовился с участием ряда известных советских историков. В начале 1970-х гг. в его подготовке принял участие Научный совет АН СССР по истории Великой Октябрьской социалистической революции. Но перевод, подготовленный в 1973 г., так и не был опубликован ни в СССР, ни в постсоветской России. Он сохранился в архиве Научного совета РАН по истории социальных реформ, движений и революций. Отрывки из этого перевода, посвященные событиям 1917 г., впервые публикуются далее. Тем самым исполнится мечта замечательного британского журналиста, очевидца нашей революции М.Ф. Прайса и завершится работа, которую в 70-е гг. XX в. начали сотрудники Академии наук СССР.

А.А. Сотникова

### Предисловие М.Ф. Прайса к книге «My Reminiscences of the Russian Revolution»

В своей книге я попытался устранить уже давно ошутимый пробел — отсутствие связного и восходящего к самым глубоким корням описания большо-

<sup>6</sup> Price M.P. Russia forty years on: an account of a visit to Russia and Germany in the autumn of 1959; with a chapter of impressions by Mrs E. Price. London, 1961.

<sup>7</sup> Price M.P. My Three Revolutions. London, 1969.

<sup>8</sup> Smele J.D. The Russian Revolution and Civil War 1917–1921: An Annotated Bibliography. London; New York, 2003. P. 49.

го периода в Европе, известного под именем Русской революции. Мой первоначальный замысел состоял в том, чтобы дать шаг за шагом историческое описание событий, построенное на фактах. Но я по двум причинам отказался от этого намерения. Во-первых, потому, что по независящим от меня причинам лишился большей части документальных источников, собранных мною во время четырехлетнего пребывания в России. Задача написать документированную историю Русской революции остается на долю тех, кто будет иметь в своем распоряжении полный материал. Во-вторых, я подумал, что, поскольку я в течение первых полутора революционных лет сам непосредственно их пережил и собственными глазами наблюдал все фазы развития революции, было бы желательным описать в книге личные впечатления и опереться главным образом на дневник, в который я тогда записывал свои личные впечатления и наблюдения.

Считается общим правилом, что историк, который выступает с претензией на беспристрастность, должен выждать некоторое время, выдержать интервал между событиями, которыми он занимается, и их описанием. Русская революция еще слишком близка нашей современности, чтобы можно было рассматривать ее с высоты птичьего полета. Да она и сама находится еще в стадии развития. Я пишу эти строки в то время, когда картины воспоминаний о революции еще стоят у меня перед глазами. В этих условиях объективно-критическая оценка трудна.

Со своей стороны, я сомневаюсь и в том, чтобы историк, даже тот, кто занимается самым отдаленным прошлым, действительно мог быть объективен. Ибо образование и историческая концепция принадлежат, в конце концов, к наиболее мощному оружию в руках господствующего класса, которое он применяет с целью поддержать свое духовное господство над трудящимися массами. Я не собираюсь поэтому извиняться за то, что на последующих страницах я со всей той силой, на какую способен, выступаю за Великую Русскую революцию и за партию, с которой она раз и навсегда неразрывно связана. Ибо сцены, которые я описываю, я видел сам; в драматических событиях, которые происходили, я сам принимал участие; страдания, свидетелем которых я был, я ощущал одновременно собственным телом; надежды, которые пробудились тогда, волновали и меня.

Я писал не только потому, что стремился нанести удар тому потоку лжи, который обратили господствующие классы Европы против вождей Русской революции. Я писал, повинувшись глубокому убеждению, явившемуся плодом моего пребывания в России. Ибо можно без преувеличения сказать, что на каждого сколько-нибудь осведомленного наблюдателя Россия действует, как духовный «плавильный котел». И в этом котле классовой борьбы отбрасы-



ваются, как лишенный ценности шлак, самоуверенность и показная правда; остается лишь благородный металл новой идеи. Автор этой книги — не единственный среди тех, кто прибыл в Россию без знания марксистского учения, но на основе того, что он увидел, оказался вынужденным расценивать события в Восточной Европе, как первую фазу социальной революции, которая рано или поздно захлестнет весь мир.

Мое собственное психологическое развитие в этом отношении легко прослеживается в этой книге на основании различных депеш, которые я время от времени посылал в «Манчестер гардиан». Моя книга освещает почти исключительно те фазы революции, которые я сам пережил. Напротив, в последних двух главах я описал события, разыгравшиеся уже после моего отъезда из России. Я мог, однако, опереться при этом на сообщения и отчеты, время от времени поступавшие в мои руки.

Я не рассчитываю на то, что эта книга приобретет друзей в тех официальных кругах европейских столиц, которые несут ответственность за вооруженную интервенцию и за блокаду Советской России на протяжении первых трех лет ее существования. Не жду я и того, что она вызовет большое воодушевление у владельцев облигаций прежнего, царского правительства и их образованных лакеев в английской, французской и германской капиталистической печати. Но с ними мне нечего делать. Я собрал эти страницы, чтобы пролетариат Западной и Центральной Европы мог понять, как произошла Великая Русская революция и куда она ведет. Моя задача заключалась в том, чтобы показать ему, что победы, одержанные Российской Советской Республикой над ее врагами на поле битвы и против другого ее врага, голода, были ее собственными победами, а поражения республики — ее собственными поражениями. Моя цель была — доказать, что повседневная борьба рабочих в капиталистической Европе за хлеб и работу теснейшим образом связана с борьбой русских рабочих и крестьян за то, чтобы вырваться из когтей держателей русских акций.

Я написал эти страницы для тех работников умственного труда и интеллигентов Европы, в частности Германии, кто с серьезным стремлением к истине, хотя и некоторым чувством страха подходит к изучению событий в России, начавшихся в 1917 г., ибо я надеялся, что они найдут в них доказательство того, что обе русские революции 1917 г. были исторической необходимостью, на которую нельзя просто закрыть глаза. И если они в результате предубеждения против России, созданного с помощью пропаганды капиталистической прессы, склонны видеть только темные стороны коммунистического господства в России, то я хотел бы их предостеречь, что могучий поток, устремившийся к морю, не перестает быть могучим потоком, если он несет при этом в своих водах и грязь.

Март 1921 г.  
Филипс Прайс

### Предисловие к русскому изданию «Моих воспоминаний о Русской революции»

Когда я писал «Мои воспоминания о Русской революции», со дня Октябрьской революции прошло только два года. Цитата из Чарлза Джеймса Фокса<sup>1</sup>, которую я привожу в начале книги, показывает, каковы были тогда мои чувства. Русская революция представлялась мне величайшим событием из всех, какие произошли к тому времени в мире. Разумеется, теперь с высоты прошедшего времени я имею большую возможность проникнуть в суть вещей, но я ни в малейшей степени не склонен умалить то, что я увидел и написал тогда. Я по-прежнему рассматриваю Русскую революцию как самое важное событие из всех, какие произошли в тот период времени. Конечно, с тех пор произошли и другие события, которые, на мой взгляд, оказали влияние на ход революции, и я, разумеется, чувствую себя в меньшем возбуждении, чем тогда, когда происходили сами события революции. Но это никак не умаляет моего ощущения, что в те годы я пережил нечто такое, из чего складывается всемирная история.

Перевод «Моих воспоминаний о Русской революции» на русский язык доставляет мне большую радость. Я чувствую, что написал об Октябрьской революции нечто такое, что может интересовать народы России и ныне. Я писал эту книгу как англичанин, взгляды которого сложились под влиянием полученного им образования и окружавшей его среды. Но, я думаю, мне удалось показать свое восприятие того, как русские люди, с их историей и традициями, столь отличными от наших, совершили свою Великую Октябрьскую революцию, прошли сквозь ее годы.

Морган Филипс Прайс  
Лондон. Сентябрь 1973 г.

Тем лидерам и рядовым участникам британского рабочего движения, кто с помощью слова, пером и действиями защищал Советскую Республику России против натиска международных держателей акций, посвящаю я эту книгу.

<sup>1</sup> Фокс Ч. (1749–1806) — английский политический деятель, идеолог британского либерализма.

## 1. Наступающий рассвет в Москве

Февральская революция пришла, как вор в ночи. Как часто спорили в России о возможности такой революции в течение тех лет, что протекали после начала мировой войны! Сидя за самоваром со стаканом чая, офицеры и студенты рассуждали о том, придет ли она во время войны или после заключения мира. Рабочие шептались о ней в трактирах, затаив дыхание. Солдаты в окопах пугливо разговаривали между собой на эту тему. Но когда она, наконец, разразилась, никто не мог осознать, что, собственно, случилось. «Это сделали петроградские рабочие, — говорил один, — а они не являются представителями настоящей России». «Революция совершена народом, который полон озлобления против царя, дружественно настроенного по отношению к немцам, и народ хотел бы, чтобы война велась с большей энергией, чем до сих пор», — сказал другой. «Она является безошибочным признаком патриотического обновления», — сказал третий. «Начало хаоса», — произнес четвертый. В этой атмосфере неопределенности я поспешил уехать с Кавказа, где я был ошеломлен известием о начале революции. Моей целью была Москва, мне не терпелось узнать, как ответила эта метрополия русской культуры на великое событие и какую роль она сыграла в этой драме.

Первое, что мне бросилось в глаза по приезде, сразу же возле Курского вокзала — это множество митингов на улицах, происходивших неподалеку от Курского вокзала. Это меня поразило: в царской России уличные митинги были делом неслыханным.

Все так привыкли к засекреченности и молчанию, что совершенно не могли себе представить, что можно просто так собраться и дать волю своим чувствам в публичных речах. Но вот, как будто под воздействием своего рода психологической волны, прокатившейся по поверхности человеческого океана, повсюду люди стали собираться на углах, на площадях, вокруг памятников. Чувство тревоги носилось в воздухе. Царизм пал в результате собственного внутреннего разложения, и все были ошеломлены быстротой его падения. «Почему мы не свалили этого великана гораздо раньше?» — спрашивали, казалось, себя многие. Но отвечать на этот вопрос избегали, потому что легко напрашивалась мысль, что все они были жертвами своего рода трусости. Они дали себя запугать чучелу, которое красовалось в образе двуглавого императорского орла и внушало страх, который мешал им понять, что этот ужасный призрак всего лишь головка репы, а орел состоит из клейстера. Люди не хотели признать себя жертвой старой человеческой слабости, признать, что дали заигнотизировать себя властителям, просто потому, что эти властители умели заставить себя уважать.

Но теперь, когда дело было совершено, каждый, казалось, верил, что и он, по меньшей мере, соучастник революции, что он никогда не трепетал перед властью самодержавия. Но когда я спросил, как совершилась революция в Москве, то никто, в сущности, не мог дать точного ответа. Телеграммы из Петрограда, сказали мне, сообщали о волнениях из-за нехватки продовольствия в столице и мятеже среди матросов Балтийского флота. Сообщения держались в тайне, циркулировали слухи, атмосфера была насыщена электричеством, чиновники возбуждены. Только тогда, когда стало точно известно, что столица находится в руках Совета рабочих и что солдаты в гарнизонах присоединились к движению, московские сатрапы царизма выпустили из своих рук власть. Несколько тысяч рабочих и солдат, далеко на Севере, отважились свергнуть надломленного гиганта. Только тогда, когда они решились на этот шаг и осуществили его, другие тысячи в Москве и миллионы в провинции поняли, что они могут сделать то же самое и что городской не посмеет сказать «нет»! Волна отречения от старого строя прокатилась по стране, и она стала возможной благодаря делу немногих, преданных ему всем сердцем людей на берегах Невы. Разве царские власти настолько всемогущи, что перед ними все должны склоняться? Может быть, наконец, можно и отказать им в послушании? Такова была та мысль, которая вызвала Февральскую революцию.

Известие об отречении Николая Романова, проникшее в провинцию, подействовало там, как взрыв бомбы. Что дальше? — таков был вопрос, который задавал себе каждый. Ответы на него были самые различные и зависели в немалой степени от того, кто их давал. Стоило пристальнее взглянуть на массу москвичей, и можно было увидеть, что она явно состояла из двух элементов. С одной стороны — группы хорошо одетых людей из средних слоев, студенты, офицеры, адвокаты, врачи; с другой — рядовые солдаты, рабочие, мелкие ремесленники, которых легко можно было узнать по их потертым косовороткам, рабочим блузам без воротничков.

Все разговоры невольно обращались к главной теме, которая явно занимала всех: хлеб и мир. Вопрос о том, как добыть пищу и как покончить с войной, невольно всплывал вновь и вновь, бередил общественное мнение и требовал ответа. Открыто об этом говорили неохотно, так как каждый в результате долголетней муштры научился молчать. Но каждый знал, что 15-миллионное войско поглотило материальные ресурсы России, что урожай зерна, который раньше вывозили в Европу, теперь не хватает даже для собственной армии, что посевная площадь за последний год уменьшилась на 10 процентов и что в течение весны наверняка сократится еще больше, и что рабочий класс многих больших городов остается целыми днями без

хлеба, в то время как магнаты и военные спекулянты накопили большие его запасы. Каждый знал, что царское правительство заключило тайные договоры с союзниками, по которым оно брало на себя обязательство бороться за завоевание Константинополя и левого берега Рейна; уже одно только существование подобного рода договоров затягивало войну до бесконечности. Как действовала эта перспектива на массу людей, собиравшихся на уличные митинги?

Для характеристики направления, по которому стихийно устремлялись все мысли, я могу привести обрывки разговоров, записанные тогда мной в записную книжку. Сцена: хорошо одетые люди в меховой одежде вокруг двух, только что прибывших с фронта в отпуск, солдат. На заднем плане Страстная площадь и памятник Пушкину. С его постамента ораторы обращаются к толпе. «Что он там говорит? Кончат войну потому, что не хватает хлеба? Да ведь тогда придут немцы и с революцией будет покончено». «А может, они не придут, — возразил один солдат, — если мы им скажем, что готовы оставить их в покое». «Но мы ведь должны освободить наших славянских братьев в Галиции от австрийского ига и поляков от немцев», — сказал кто-то, судя по одежде и всему внешнему виду из пресловутых патриотов, годами восседавших в каком-нибудь клубе.

«Это уж ваше дело, а не наше», — коротко ответил солдат. Офицер, заявлявший, что уже несколько раз был ранен, заикнулся о Константинополе и необходимости обеспечить торговый путь через Дарданеллы. Но оба солдата, по-видимому, не придерживались мнения, что их это дело очень уж сильно касается. Они заговорили о том, что паек опять урезан, о продолжительности отпусков и о своих видах на будущее после демобилизации. Прусский милитаризм был для них сейчас чем-то далеким. В данное время их, по-видимому, затрагивали лишь близкие и практически ощутимые вещи.

И таковы были все разговоры. Два социальных слоя противостояли друг другу в идейной борьбе. У людей, примыкающих к одной группе, уже росло опасение, что им просто предстоит сменить существовавшее доселе феодальное рабство, зависимость от земельной аристократии, на наемное рабство, зависимость от поднявшейся ныне буржуазии. Другая группа, видимо, сознавала, что находится на пути к тому, чтобы, покончив с ролью лакея царизма, самой стать настоящей обладательницей власти в государстве. Открытый конфликт между двумя группами еще не разразился; более того, в эти дни существовал, вопреки всему, союз между ними. Обе группы приветствовали, хотя и по различным побудительным причинам, низвержение самодержавия и произвола. Русская душа пришла в волнение.

Все мы смутно ощущали, что наступает новая эпоха. Действительно ли Россия стояла на пороге тысячелетней империи разума, подобно той, к которой Руссо подготовил Францию XVIII в.? Французский народ верил 4 августа 1789 г.<sup>2</sup>, что он стоит перед ее непосредственным осуществлением, — однако это господство разума превратилось в призрак и исчезло, превратилось в господство буржуазии XIX в. с его грязной респектабельностью денежного мешка.

Я убежден, что зажиточный московский буржуа в эти мартовские дни 1917 г. думал, что после того, как он в течение четырех лет записывал на свой баланс военные прибыли и сочинял милитаристские статьи, проникнутые духом ненависти, он будто бы является тем избранником, на плечи которого спустилась мантия революционной Франции. В элегантных книжных магазинах на Тверской улице красовались на витринах книги по истории Французской революции в красных переплетах. В опере играли «Марсельезу», и вся публика, обладатели нумерованных мест и мест в ложах, поднималась при этом. Было ли это только лицемерным притворством русской буржуазии перед лицом идей свободы, равенства и братства? Хотела ли она, чтобы Русская революция кончилась там же, где веком раньше кончилась Французская революция? Ибо только в этом случае она могла себя чувствовать уверенно и спокойно обладать своими военными прибылями и своими именьями, счастливо скруглявшимися благодаря войне.

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно было, однако, выйти — и не один раз — на улицу и понаблюдать. Подобно тому как весной из-под тающего снежного покрова появляются цветы различной окраски, разные цвета выступали на поверхность за различными социальными типами на митингах, происходивших под открытым небом.

Респектабельные, хорошо одетые люди, о которых шла речь выше, искренне верили, например, в то, что именно они совершили революцию, что именно они устранили паразитическое дворянство и Романовых с тем, чтобы мировая война продолжалась более успешно. Революция в их понимании означала еще большую свободу рук в деловой сфере, чему до сих пор препятствовали привилегии аристократии. Она означала для людей состоятельных право на обладание большим богатством и ничем не ограниченные возможности прожигания денег — при условии, разумеется, что эти нарушители порядка, рабочие, будут соблюдать спокойствие. Она означала, что война закончится победой и благодаря этому их прибыли еще возрастут.

<sup>2</sup> Речь идет о том, что 4 августа 1789 г. состоялось заседание Учредительного собрания во Франции, в ходе которого были отменены привилегии духовенства и дворянства.

Для маленького человека — в массе своей труженика — революция означала, что мир не за горами, что он тогда сможет вернуться к привычной спокойной жизни, какой она была до войны, вернуться на дачу, чтобы доживать свои дни, не тревожась о мобилизационных приказах и мучительном распределении продуктов по карточкам. Но для грубого, вытравленного рабочего революция означала нечто совсем другое. Она означала, что война, конечно, скоро кончится, но он не вернется вновь под старое ярмо, какое влачил до войны, что ничтожный разрыв между недельным расходом и недельным заработком расширится, и притом значительно; что вместо внушающего страх призрака безработицы наступит гарантированное право на труд, не зависящее от настроения предпринимателя; что он больше не будет послан в армию, чтобы сражаться за собственность другого в наказание за то, что он осмелился защитить свои собственные рабочие права. Революция означала для солдата, вырванного из среды крестьян, спорившего в толпе со своим начальником относительно судьбы Константинополя, что для него 1914—1917 гг. пройдут как мрачный сон, как только он вернется в свою родную деревню, ему будет предоставлена земля в изобилии — гораздо больший участок, чем он имел до войны. Во вздымавшихся волнах всеобщего воодушевления, вспыхивавшего на этих уличных митингах, можно было, таким образом, уловить, по меньшей мере, три различных социальных типа, которые указывали на существование трех различных направлений в происходящей революции. Кто из этих типов станет вождем революции? Может быть, хорошо одетый человек с кошельком, или непритязательный маленький ремесленник, который оплакивал потерянный рай? Или бледный, в лохмотьях, голодный и даже жестокий, и грубый Некто воздвигнет новый алтарь и станет с этого дня оплотом России-матушки?

В первый раз я понял, что новый, до сих пор подавленный обществом, слой намеревается сам принять участие в решении судеб России, когда посетил казарму одного из московских полков на окраине. Я попал туда с одним русским другом, который занимался устройством вечерних солдатских курсов по земельному вопросу. Это действительно было нечто новое! То, что солдаты стали заниматься аграрным вопросом, показывало, какой большой путь был пройден за немногие дни после свержения царизма. На площади перед казармой примерно 200—300 солдат собрались вокруг полевой кухни. Здесь были представлены делегаты всех рот, они стояли группами или слушали оратора, державшего речь с высоты кухни. Офицеров не было и в помине. Каждый мог свободно высказать свое мнение. Невозможно было сказать, кто тут председательствует, как невозможно было и провести ясное различие между уполномоченными делегатами и остальными солдатами,

которых сюда привело простое любопытство. Споры шли о пайке, и один обладавший более зычным голосом и большей инициативой, чем другие, предложил послать делегацию из трех солдат к дежурному офицеру, чтобы добиться немедленного увеличения пайка, которому грозило дальнейшее снижение ввиду нехватки продуктов.

Вдруг я замечаю, как люди начинают говорить о перспективах войны и мира. Идти ли им опять на фронт, если последует соответствующий приказ? Каковы цели войны? Существуют ли в действительности тайные договоры? Можно ли в настоящий момент закончить войну почетным образом? По всем этим вопросам среди солдат шли жаркие споры. Но если можно было безнаказанно говорить о войне, — почему бы не поговорить и о других вещах? Все эти солдаты были крестьянами, и их наделы в деревне были малы. Численность населения росла, но площадь земли оставалась прежней и владения помещиков теснили крестьян со всех сторон. Один рослый солдат забрался на крышку полевой кухни и начал выкладывать то, что лежало у него, как у крестьянина, на сердце. «Что нам нужно, как только мы вернемся домой, — это земля. Возьмемся за винтовки ради землицы-матушки и не выпустим их из рук, пока не получим того, что хотим!» Эти слова вызвали громовые рукоплескания. Так возник импровизированный солдатский Совет. Начав с продуктовых пайков, он перешел к вопросу о войне и мире, а от войны и мира к вопросу о земле. Из этих трех проблем — проблема питания была единственной, которая обсуждалась в данный момент в смысле ее практического разрешения. Обсуждение двух других вопросов происходило в то время еще в абстрактном духе. Но этот зародыш солдатского Совета был, во всяком случае, центром обмена мнениями о вещах, обсуждение которых еще до вчерашнего дня было недоступно всем, кто стоял вне волшебного круга, ограждавшего господствующую касту. Так была достигнута вторая ступень революции. Сначала собрания на улицах и площадях, являвшие собой беспорядочную смесь всех общественных слоев. Затем выявилась тенденция к расколу на группы более или менее однородные по характеру занятий, профессии и деятельности. Солдаты объединялись в Советы по казармам, рабочие создавали фабричные комитеты, мелкие ремесленники искали объединения с другими, занятыми тем же ремеслом.

Новая власть, созданная Февральской революцией, дала о себе знать в политической жизни. Крестьяне, одетые в серые шинели, осознали, что они тоже люди и что их должно спросить — что скажут они?

Ничто не говорило за то, что эти солдаты протянули революции свою руку ради того, чтобы война с Германией продолжалась более энергично в соответствии с секретными договорами. Мир, земля и хлеб — таковы были



цели, к которым стремились рабочие и солдаты, создатели этих внезапно появившихся Советов. В их рядах нельзя было заметить тогда никаких разногласий, не было ни малейшего следа разногласий и между большевиками, меньшевиками и эсерами. Правда, если обратиться к деловым статьям в их партийной печати, то можно было заметить, что эти партии уже тогда выступали с разноречивыми интерпретациями революции. Однако посещение штаба большевистской и меньшевистской партий, который находился на одной из улиц, выходивших на Тверскую, убедительно доказывало, что на той стадии между этими двумя крыльями «революционной демократии» не было разногласий. Передовые статьи революционной партийной печати были настроены на один лад и производили при чтении чрезвычайно освежающее впечатление. «Революции нет дела до овладения Константинополем, — писал в те дни орган меньшевиков, — долой империалистические аннексионистские планы царя! Если мы настаиваем на том, чтобы наша буржуазия отказалась от этой политики, то это послужит стимулом для наших товарищей в Германии. Пусть армяне и турки устраивают свои дела сами, без нашего вмешательства!» И, далее, я вспоминаю отчет, который попался мне тогда на глаза, о первых заседаниях солдатских Советов в Казанской губернии. Была принята резолюция, выдержанная в умеренном тоне. «Если войну предстоит вести до победного конца, — говорилось в ней, — тогда долой аннексии и контрибуции! Пусть, напротив, восторжествует право каждой нации на самоопределение!»

Но большое массовое движение находилось еще в самом зачатке. Вчерашние рабы, дрожавшие перед царскими жандармами, не могли поверить, что им действительно предстоит свободно решать судьбы России. Жизнь без кого-то из тех, кто до сих пор принадлежал к господствующей касте и держал вожжи в своих руках, казалась совершенно невозможной. Так просто повинувшись силе привычки, московские рабочие и солдаты все еще посматривали на своих прежних господ в ожидании, что и они, охваченные новым идейным течением, выйдут и скажут: «Мы хотим быть вашими вождями!» Только этим объясняется тот факт, что столь значительное число офицеров, адвокатов, буржуазных политиканов, журналистов и даже мелких чиновников было в тот начальный период выбрано в Московский совет. Того из гильдии московских купцов или бывших лакеев свергнутого самодержавия, кто считался хотя бы в малейшей степени либерально настроенным, избирали, так как массы не верили в самих себя. Социалистов «февральского» образца было достаточно много. Каждый представитель свободной профессии, каждый, кто имел высшее образование, если только он не пользовался слишком громкой дурной славой монархиста, мог вступить в социал-демо-

кратическую партию. Советы тех дней часто были полны людей, которые в действительности не имели ничего общего с социализмом и революцией.

Какую позицию занимала состоятельная буржуазия по отношению к революционному потоку? Ее представители, правда, тоже выступали на уличных собраниях, чтобы, впрочем, довольно слабо защищать свою точку зрения. Но они явно опасались выходить за рамки этого поля борьбы. Для них было опасно выступать открыто и требовать продолжения войны ради овладения Константинополем. Они не решались именовать раздел поместий помещиков грабежом. Во всяком случае, на какое-то время им пришлось уползти в свои норы.

Но хотя они и пожертвовали своим непосредственным влиянием на массы, косвенно они его все же усилили, используя бюрократическую государственную машину. Это стало мне совершенно ясно, помнится, благодаря интервью, которое мне дал тогдашний министр иностранных дел Миллюков<sup>3</sup>, как раз проездом находившийся в Москве. Когда я перевел разговор на мирную программу русской революции — «мир без аннексий и репараций», как это было предложено Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов, он сказал: «Мы еще верим в победу, и в этом случае мы не можем принять программу, которая не находится в полном согласии с программой союзников». «Означает ли это, что Россия будет бороться за Константинополь и раздел дунайской монархии?» — спросил я. Он ответил: «Никакой проект интернационализации Константинополя не может быть удовлетворительным решением до тех пор, пока укрепления на Дарданеллах и у входа в Черное море не перейдут в руки России. Что касается Австрии, то южнo-славянский вопрос может быть решен только в случае ее раздела». На мой вопрос, будет ли возможно открыть Константинополь, эту точку пересечения двух великих транспортных дорог, для торговли всем нациям, он ответил: «Это противоречило бы решениям Парижской конференции от июня 1916 г. о том, что после войны центральноевропейским державам не будут гарантированы те экономические преимущества, какими смогут пользоваться союзные и нейтральные государства».

Какой это был контраст по сравнению с психологией рабочих на московских уличных митингах и психологией солдат в их Советах, собравшихся в казармах! Что бы ни произошло во внешнем мире — в правительственных апартаментах или даже в Министерстве иностранных дел, никакой революции заметно не было. За старые завоевательные планы царизма вступилось, как и прежде, чиновничество, которое просто заменило лозунг «при-

<sup>3</sup> Миллюков П.Н. (1859–1943) — министр иностранных дел Временного правительства.



П.Н. Миллюков

вилегии дворянству» лозунгами «энергичной буржуазии», выдвинувшейся на авансцену. А за кулисами действовало губительное влияние иностранного империализма, проявившееся в ссылке Миллюкова на решения Парижской экономической конференции. Русское Министерство иностранных дел все больше и больше становилось орудием в руках тех, кто был ответствен за эти решения. А рабочим и солдатам России предоставлялась привилегия оплачивать своей жизнью и кровью банковские векселя, которые выдавали царь и русская буржуазия иностранным партнерам — участникам тайных договоров. Рабочие и солдаты крупных городов инстинктивно почувствовали тогда приближающуюся опасность. Царское правительство играло роль мирового жандарма. В случае если секретные договоры останутся в силе, союзники автоматически станут наследниками царизма и превратятся в погонщиков, понуждающих русский народ к дальнейшей войне с Германией. В этом ужасном положении вожди любого прогрессивного направления в России с надеждой взирали на вождей английского рабочего класса, ожидая от них поддержки и помощи.

И как же откликнулись на их ожидания? Я вспоминаю, что вскоре после моего интервью с Миллюковым в Москву прибыла британская рабочая делегация. Она состояла из хорошо известных членов английской лейбористской партии и конгресса профсоюзов. Они прибыли, чтобы продемонстрировать солидарность британских рабочих с Русской революцией. Я присутствовал, когда они принимали делегацию Московского совета рабочих и солдатских депутатов. Первым вопросом, который поставили члены делегации, представители всех партий в Советах, был вопрос о том, какой позиции придерживается британский рабочий класс в отношении предложения русских

революционеров заключить мир без аннексий и контрибуций при гарантии права на самоопределение наций. Им отвечали, что эта формулировка является неясной, а отчасти и противоречивой, и потребовала бы более детальной разработки в случае, если бы от британских рабочих ожидали, что они воспримут ее как приемлемый шаг к миру. Эти красивые формулы, заявил один из английских делегатов, остались бы без влияний на британских рабочих, которые-де полны решимости довести войну до полной победы. Дальше говорилось, что русские революционеры не имеют-де понятия об опасности, которой они подвергаются, заговаривая в настоящее время о мире.

Один из русских, напротив, заявил, что принятие программы мира русских революционеров союзниками означало бы отнюдь не заигрывание с прусским милитаризмом, а скорее стремление морально поддержать его противников в самой Германии, которые добиваются свержения кайзера.

Но британские делегаты стояли на своем. Никакого мира, говорили они, этим путем не достигнешь. Только полное уничтожение и разгром Германии принесли бы человечеству мир на долгие годы. «Но даже если бы это было лучшей тактикой, чтобы уничтожить прусский милитаризм, который является как нашим, так и вашим врагом, — сказал один из русских, — является ли это причиной к тому, чтобы держаться за старые, воздвигнутые незадолго до крушения царизма, аннексионистские планы и не опубликовать секретные договоры? Царь заставил нас бороться за Константинополь, который не является русским и никогда им не был!» Один из английских делегатов разразился на это веселым смехом и цинично добавил: «Что ж, если вы не хотите Константинополя, черт побери, тогда возьмем его мы!» Я вспоминаю, что за этим замечанием последовало долгое молчание — затем рукопожатие и делегация покинула представителей британских «рабочих».

Поистине, психология русских революционеров и этих британских рабочих вождей отличалась как небо от земли! В то время, когда они разговаривали между собой, мне казалось, что я вижу два различных мировоззрения, слышу два чуждых друг другу языка.

Красный день занялся над матушкой Москвой. Россия зажгла огонь новой жизни. Но заметила ли Западная Европа искорку на небе?

## 2. Петроградский совет и первая коалиция

Петроград, как и Москва, пережил свои лучшие дни в начале Февральской революции. Здесь они достигли своей вершины 1 мая 1917 г. Я не помню, чтобы я когда-нибудь видел более впечатляющее зрелище. Это была не толь-



1 мая 1917 г. в Петрограде

ко демонстрация рабочих, хотя каждая социалистическая партия и каждый рабочий союз России, от анархистов и синдикалистов до умеренных буржуазных демократов, был здесь представлен. Это была не просто интернациональная демонстрация, хотя там и можно было видеть представителей всех национальностей, населявших бывшую Российскую империю, от балтийских финнов до тунгусов Сибири со знаменами и транспарантами, некоторые из них на каком-нибудь редком, незнакомом языке. Празднование 1 мая 1917 г. в Петрограде и во всей России скорее походило на большой религиозный праздник, на который было приглашено все человечество, чтобы возвестить, что все люди — братья. Революционная Россия принесла с собой обращение ко всему миру и провозгласила его под гром пушек и шум боя, в то время как рабочие Европы и Америки убивали друг друга ради выгоды кучки людей.

Прекрасные дни Февральской революции достигли 1 мая своей вершины. Они прошли, и то, что последовало за ними — было борьбой между социальными группами, которые совместно совершили революцию. Борьба шла за то, какая из этих групп возьмет на себя руководящую роль в России.

Чтобы понять события, происходившие летом 1917 г., необходимо поэтому, прежде всего, представить себе учреждения, созданные революцией. В предыдущей главе мы видели, как стихийные уличные митинги, на которых рабочие в первый раз столкнулись лицом к лицу с буржуазией, как собрания солдат в казармах, на которых говорилось обо всем, начиная с норм пайка — и кончая проблемами войны, явились первыми ростками

революционной власти масс. Но Петроград был первым крупным центром России, где эта власть начала принимать осязаемые формы. Рабочие и солдатские комитеты, которые образовались в Петрограде непосредственно после свержения самодержавия, объединились в один центральный Совет и стали, таким образом, первым самым мощным примером пролетарского Совета. От всех других общественных организаций, которые до того времени существовали в России и стремились к политической власти, они отличались тем, что их депутаты избирались организациями, созданными на профессиональной основе. Каждая фабрика с тысячью рабочих, служащих, каждый союз подмастерьев или ремесленников имели право послать представителя в Петроградский центральный совет. Петроградский рабочий внезапно увидел, что он может через депутата своей профессиональной организации заставить выслушать себя по всем важнейшим вопросам города и деревни. Он избегал тем самым и скучных формальностей, которые были связаны со внесением в парламентские списки избирателей. Он приобрел влияние в общественной жизни благодаря уже тому, что работал на общее благо, и был в состоянии сделать действительным это влияние при помощи им самим выбранного представителя той отрасли промышленности, где он зарабатывал свою ежедневную плату. Этого делегата он мог, если хотел, отозвать и таким образом осуществлять прямой контроль за его деятельностью.

Не удивительно, что русский рабочий оказался первым, кто осуществил эту новую форму народного представительства. Русским рабочим и призванным на военную службу крестьянам понятие «парламентские выборы», при которых все общество голосует по искусственно созданным избирательным округам, на которые разбита страна, было чем-то чуждым. И потом, как могла такая огромная страна, как Россия, простиравшаяся на двух континентах, провести в течение нескольких недель после падения царизма всеобщие выборы и решить такой животрепещущий вопрос, как вопрос о том, как управлять государственным кораблем в разгар великого переворота? Даже если такие выборы технически были возможны, для их проведения пришлось бы обратиться к царскому государственному аппарату, так как никакого другого не было. Но чиновничество, которое держало государственную машину в своих руках, происходило из слоев господствующей дворянской касты и ее интеллигентских подпевал из лагеря буржуазии. Пресса и банки служили крупным промышленникам, а для проведения парламентских выборов пришлось бы обратиться за помощью к тем банкам и той прессе, которые сами являлись агентурой старого режима. Напротив, на предприятиях и в мастерской петроградский рабочий

находил сплоченную промышленную ячейку, которая держала его в постоянном соприкосновении с его товарищами по работе и гарантировала ему возможность непосредственно влиять на ход революции. Представительство фабричных рабочих, их действия — такова была тактика, которой инструктивно следовал петроградский рабочий, чтобы дать почувствовать свое влияние в дни, последовавшие за Февральской революцией. Эти действия и породили первый Петроградский совет. Позже на его сторону встали похожие на него революционные организации на предприятиях по всей стране. Даже в далеких от центра заброшенных деревнях исконные сельские общины замещались крестьянскими комитетами, которые стремились осуществлять политическую власть над сельскими районами. Это был простой и естественный процесс, так как Россия не чувствовала себя связанной традициями парламента и других учреждений средневековья. Россия была в этом отношении еще чистым неисписанным листом, и ничто ей не мешало пуститься в новые эксперименты в области искусства управления.

В картине деятельности Советов на протяжении восьми месяцев после Февральской революции бросается в глаза тот факт, что первые несколько дней их существования означали наивысшую точку их власти, которую они постепенно выпускали из своих рук до тех пор, пока не понадобилась вторая — Октябрьская революция — чтобы снова помочь им обрести прежнюю власть. Можно сказать без преувеличения, что в знаменательные дни первой мартовской недели 1917 г., когда Николай II подписывал свой акт отречения, комната № 13 Таврического дворца, где собирались первые делегаты Петроградского совета рабочих и солдат, стала важнейшим центром города и всей России. Комитет царской Думы, члены которой принадлежали к партиям центра, не только ничего не сделал для свержения царизма, но напротив, ничего не упустил, чтобы искусственно оставить его у власти под видом конституционной монархии.

Председатель Думы Родзянко<sup>4</sup> послал царю телеграмму, в которой умолял его предоставить в момент, когда бил двенадцатый час, конституцию, с тем, чтобы «династия была спасена, а Петроград избавлен от того, чтобы попасть в руки черни». Действительно, делегаты Петроградского совета сорвали план конституционной монархии, открыто разоблачая господина Милюкова, нового министра иностранных дел, когда он выступил перед собравшимися в центральном зале дворца рабочими и солдатами. Речь его начиналась с сообщения о том, что «корона с этого момента переходит к вели-

<sup>4</sup> Родзянко М.В. (1859–1924) — председатель Государственной думы в 1911–1917 гг.

кому князю Михаилу Александровичу»<sup>5</sup>. Но Петроградский совет не только бдительно наблюдал за конституционными монархистами и за буржуазией, но и перешел в наступление, как это подтверждает знаменитый приказ № 1. Этот приказ исходил от Петроградского совета, из комнаты № 13 и возник по инициативе большевистского вождя Стеклова<sup>6</sup>. Члены Совета — меньшевики продемонстрировали своим молчанием, что они не одобряют приказа, но и боятся ему противоречить. Приказ № 1 был обращен к солдатам Петроградского гарнизона и предписывал каждому солдату исполнять только те приказы своих командиров, которые подтверждены солдатскими комитетами и Петроградским советом. Это было первым действием Совета, которое показывало, что он воспользовался профессиональной организацией, чтобы достичь политических целей. Ибо власть офицерского состава над солдатами была основным оружием, которое мог использовать буржуазный комитет царской Думы или какой-нибудь конституционный монарх в противовес рабочей и солдатской массе. Рабочие и солдаты хорошо знали, что без контроля над войском невозможно было улучшить экономическое положение и без политической власти невозможны изменения в экономике. Делегаты Петроградского совета под нажимом масс завладели политическим оружием контроля над войском, как только оно выпало из рук преданного царю дворянства и прежде, чем им сумела завладеть буржуазия. В течение всего лета 1917 г. бушевали споры вокруг приказа № 1. В то время как под поверхностью событий назревали силы второй революции, а меньшевистские вожди Совета встали на путь капитуляции перед буржуазией, дух приказа № 1 продолжал жить в тысячах солдатских комитетах на фронте и в тылу. Этим приказом власти буржуазии над армией был нанесен удар, от которого она так и не смогла оправиться. И этот удар был нанесен ей в самые первые дни Февральской революции.

Из кого состоял Петроградский совет на этой ранней стадии революции? Первый толчок к его образованию дали рабочие люди физического труда. Эти люди жили на грани голода и отчаяния, и были потому больше всего заинтересованы в уничтожении современной экономической системы. Они меньше всего беспокоились о пережитках прошлого и меньше всего боялись перемен, при которых они ничего не теряли, а могли, наоборот, лишь приобрести. Но не было никаких препятствий для вступления в Советы и других слоев наемных работников. Ничто не мешало работникам ум-

<sup>5</sup> Иной вариант перевода: «власть перейдет к регенту, великому князю Михаилу Александровичу» (Суханов Н.Н. Записки о революции. Т.1. Пб., 1919. С. 242).

<sup>6</sup> Стеклов Ю.М. (1873–1941) — член исполкома Петроградского совета в 1917 г.



ственного труда или домашним хозяйкам, не получавшим зарплаты, послать делегатов в Советы. Тогда еще не было определенной системы построения Советов. Соблюдался только один общий принцип, а именно: избиратели состояли из действительно работающих, организованных по профессиям или роду занятий. Поэтому и союзы банковских служащих, бухгалтеров и техников имели после Февральской революции своих представителей в Петроградском совете. Поэтому, проходя в те дни через приемные Таврического дворца, можно было встретить людей, представляющих все слои общества, начиная с мелкобуржуазной интеллигенции и вплоть до самых бедных, необученных рабочих и рядовых солдат.

Но в то время в Петроградском совете можно было нередко найти и неожиданные элементы, например, офицеров, журналистов с буржуазными взглядами, мелких владельцев лавок, адвокатов и врачей, клиентура которых ограничивалась главным образом средним сословием. На первое заседание Петроградского совета своих представителей послали только активные революционные силы, имевшиеся среди рабочих и солдат. Но постепенно в Советы были втянуты и другие слои трудящихся: мелкие ремесленники, полупролетаризированные крестьяне, подмастерья, банковские служащие и т.д. Эти недостаточно организованные и политически малоразвитые группы допустили, чтобы над ними стали господствовать люди, не принадлежавшие в полном смысле слова к их классу. Так Петроградский совет в месяцы, следовавшие за Февральской революцией, утратил шаг за шагом свой классовый характер, потому что крестьяне и люди умственного труда наводнили его депутатами, которые раньше были слугами господствующего класса. Более того, работники умственного труда, казалось, не верили в свои собственные силы и были готовы признать в качестве своих представителей людей из тех кругов, которые стояли близко к господствующему классу. В конце концов, это было вполне объяснимо. Хотя эти работники умственного труда, в соответствии со своей политической идеологией, называли себя «социалистами», они, однако, стремились к осуществлению своего идеала путем соглашения со смертельным врагом социализма. Отсюда их колеблющаяся тактика, витиеватые фразы и их требование «умеренных реформ». С первых дней Февральской революции эти социальные элементы начали группироваться вокруг меньшевистского крыла социал-демократической рабочей партии. Представителей квалифицированных рабочих, голодающих поденщиков, солдат, находившихся в казармах, и матросов Балтийского флота в количественном отношении превзошли депутаты-меньшевики интеллигентского толка, обязанные своим вступлением в Совет влиянию, которое они оказывали на слабее организованную и политически менее сознательную часть городского пролетариата.

Еще быстрее шел этот процесс «разбавления» Советов в провинции. Кулаки в деревнях приветствовали революцию не потому, что ожидали от нее изменения системы народного хозяйства, а так как надеялись благодаря ей избавиться от ограничений своих прав и выжимать еще большую прибыль, заставляя своих односельчан платить им дань. До февраля 1917 г. царская бюрократия, грабя русских рабочих и крестьян, забирала себе львиную долю награбленного. После Февральской революции антиобщественные элементы, стоявшие вне чиновничества, вознамерились занять место последнего. Но для этого нужно было овладеть политическим и социальным строем, созданным революцией. Им нужно было получить в свои руки Совет и для этой цели проникнуть в те политические партии, которые имели влияние на Совет. Для их намерений особенно хорошо подходила партия социалистов-революционеров. Вокруг нее и группировались все те, кто хотел использовать революцию в своих целях. На стороне этой партии была сильная традиция. В течение многих лет она боролась с самодержавием, применяя на несколько театральный манер покушения с помощью бомб и убийства. Она стала глашатаем двусмысленных, но звучных фраз вроде «Земля и воля!», «Мир и народная воля!» и т.д. Короче говоря, это была самая известная революционная организация в стране. Под ее знаменем собирались представители всех, какие только мыслимы, направлений — искренние идеалисты из рядов мелкой буржуазии, паразитические кулацкие элементы и большая масса тех, кто хотя сам и не располагал инициативой, но тем легче поддавался воздействию традиции и ходячих фраз.

В общем и целом, вполне можно сказать, что три русские революционные партии — социалисты-революционеры, меньшевики и большевики — летом 1917 г. представляли три различные группы внутри трудящихся. Меньшевики опирались на работников умственного труда и привилегированную рабочую аристократию, которые в результате очень слабых ростков профсоюзного объединения в царской России играли в общественной жизни весьма незначительную роль. За большевиками стояли большинство квалифицированных рабочих, которые не находились под влиянием буржуазной интеллигенции, и часть солдат, отважившихся выступить против собственного начальства. Социалисты-революционеры представляли средний и верхний слои крестьян и ту часть крестьянской бедноты, которая в этот момент революции уже была политически сознательна, перекупщиков-спекулянтов, мелких помещиков, сельских ремесленников и просто карьеристов.

Происхождение этих трех революционных партий уходит далеко вглубь русской истории. Их можно разделить на две группы, которые представляют две различные школы политической мысли. Одна является марксистской,

другая — немарксистской школой. Марксист основывает свою тактику на определенных общих идеях, в том числе теории капиталистической прибавочной стоимости, которую присваивает себе за счет пролетариата господствующий класс, теории классовой борьбы и экономического объяснения истории. К этой марксистской группе принадлежали как большевики, так и меньшевики. К моменту Октябрьской революции 1917 г. существовала партия, которая охватывала оба эти крыла — Российская социал-демократическая рабочая партия. Большевики и меньшевики расходились вначале только по вопросам революционной тактики и, прежде всего, во взгляде на характер и существо грядущей русской революции. Более серьезный характер приняли эти разногласия на Лондонском партийном съезде в 1903 г. Тогда был выдвинут вопрос о том, принесет ли с собой грядущая русская революция лишь политические изменения, т.е. переход власти, после падения царизма, в руки буржуазии, или она принесет с собой социальный переворот, который передаст власть в руки рабочего класса и при помощи диктатуры пролетариата создаст новый экономический строй общества. Меньшевики отстаивали тот взгляд, что такая неразвитая страна, как Россия, не должна пытаться ввести у себя социалистическую систему прежде, чем другие страны не созреют для этого процесса. Россия, говорили они, должна оставить для себя время, чтобы русский рабочий класс и русская буржуазия смогли найти собственный путь, которому им нужно будет следовать в этот переходный период вплоть до того, пока не продвинулся вперед в своем развитии другие страны. Для них Февральская революция была революцией политической. Русская буржуазия, считали они, должна взять власть в свои руки, так как рабочий класс не может нести государственную ответственность. Он должен пользоваться Советом лишь как инструментом для оказания влияния на политику буржуазии, но и в коем случае не пытаться использовать его в качестве органа власти. Большевики со своей стороны подчеркивали, что такая политика означала бы закабаление рабочего класса на неопределенно долгое время, так как русская буржуазия становилась все более и более послушным агентом западноевропейского капитализма, который не уступает в жестокости прогнившей дворянской олигархии царизма, но гораздо сильнее и энергичнее ее. Россия, говорили большевики, именно потому, что она экономически менее развита, меньше засорена грузом векового социального мусора, чем более древние культурные нации Запада. Ей должно быть тем легче проложить новый путь социального развития и, по меньшей мере, достичь первой переходной ступени к социалистическому устройству общества.

Немарксистская группа русских социалистических партий была представлена трудовиками и социалистами-революционерами. Те и другие вып-

ли из группы революционных интеллигентов-народников. Как и славянофилы, «народники» стояли на той позиции, что Россия должна избежать промышленной революции. Россия может собственным путем прийти к социализму, считали они, развивая те примитивные пережитки средневековья, которые сохранились до настоящего времени. «Народники» провозглашали поэтому призыв «назад к земле!», проповедовали возврат к основным установлениям крестьянского быта и бегство от пороков современной цивилизации путем спасения и перенесения в современность ценного прошлого.

Однако по мере того как время шло и Россия все больше и больше попадала под влияние Западной Европы, «народники» шаг за шагом теряли почву под ногами. Было все тяжелее отстаивать тезис: «Никакого социализма через капитализм», когда всюду вокруг капитализм развивался и становился якорем спасения для государства, экономики и финансов. Все это народническое интеллигентское движение проделало поэтому известное превращение. Группа правоверных последователей «народников» — «трудовики» — существовала еще к началу 1917 г., но наиболее активной революционной силой с начала XX в. становится новая партия социалистов-революционеров. Как и «народники», социалисты-революционеры предполагали, что толчок и движущая сила русской революции должны исходить от крестьян. Но они отказались от того враждебного отношения, какое «народники» проявляли к городской фабричной системе и техническому прогрессу современной промышленности. Одновременно их программа предусматривала организацию трудового крестьянства в самостоятельный политический класс, независимый от городского рабочего класса, и считала, что сельские коммуны — правда, перестроенные и приспособленные к новому времени — приведут Россию к социализму.

Но они при этом не закрывали глаза на тот факт, что наряду с крестьянством имеется рабочий класс городов, и они допускали сотрудничество с последними в интересах достижения общего идеала.

Социалисты-революционеры и «трудовики» отличались от марксистов также и в области государственной теории. Марксист говорит, что решающее значение для истории имеет экономический фактор. Немарксист — русский социалист-революционер заявляет: экономический фактор является лишь одним из многих других факторов. Влияние человеческой личности представлялось социалисту-революционеру столь же определяющим элементом истории, как и влияние материальных сил, действующих на человека извне. Из этого хода мыслей ведет свое происхождение более мятежный дух социалистов-революционеров в сравнении с почти мистическим фатализмом марксистов. Отсюда и признание социалистами-революционерами террора как законного оружия в революционной борьбе. Именно партия

эсеров была в действительности той партией, которая стояла за всеми террористическими актами, совершенными в России на протяжении многих лет. Таким образом, она вступала в непримиримое противоречие с марксистскими группами, которые отвергали индивидуальный террор, ссылаясь на то, что они борются не с отдельными личностями, а с угнетениями.

Несмотря на эти теоретические и тактические разногласия в момент Февральской революции существовало неоформленное сотрудничество марксистских и немарксистских групп в рамках одного блока, который был известен под именем «революционной демократии» Совета. На общей платформе сошлись тогда все революционные партии, — мир с рабочими всех стран на основе отказа от аннексий и контрибуций, земля крестьянам и социализация промышленности. Все революционные партии, входившие в Совет, могли договориться между собой относительно теоретических целей. Карьеристы и антиобщественные кулацкие элементы в эсеровской партии не могли поэтому осмелиться открыто воспротивиться этим целям, не рискуя своим положением в Совете. С другой стороны, в революционных партиях царило величайшее расхождение во мнениях по тактическим вопросам. Теоретические разногласия, которые отделяли правое крыло марксистов (меньшевики) от эсеров немарксистов, были не такого рода, чтобы они мешали практическому сотрудничеству этих партий в Петроградском совете. Однако сотрудничество в Совете между двумя марксистскими крыльями, большевистским левым крылом и меньшевистским правым, было невозможно, ибо они, хотя и не расходились по теоретическим вопросам, не могли прийти ни к какому модус вивенди (единодушию) относительно образа революционных действий. В начале Февральской революции партии, имевшиеся внутри Совета, еще не пришли к окончательному определению своих взаимных отношений, но в конце апреля международная обстановка сложилась так, что они вынуждены были определить свои позиции. Эта обстановка была делом рук русской буржуазии, которая считала момент подходящим, чтобы помериться силами с Советом.

Борьба за контроль над внешней политикой русской революции была первым полем, на котором Петроградский совет был поставлен перед испытанием. Вожди всех партий «революционной демократии» в Совете с самого начала понимали, что без контроля над внешней политикой не может быть контроля над внутренней социальной политикой, а также и перспективы держать контрреволюцию под прицелом. Им было совершенно ясно, что до тех пор, пока военные инстанции будут иметь возможность ссылаться на «государственную необходимость» в оправдание своего вмешательства в дела, подлежащие ведению гражданских властей, революция будет оста-

ваться пленницей в руках военщины и Министерства иностранных дел, которые руководствовались одной целью: заставить эту революцию служить их собственным целям.

Одним из первых шагов Петроградского совета было поэтому непризнание царских тайных договоров, как он об этом и заявил в своем обращении к рабочим всего мира с призывом к заключению мира без аннексий и контрибуций. Чтобы сорвать эту попытку вождей Советов покончить с наследием царской внешней политики, Милюков выступил по собственной инициативе в середине марта с заявлением о том, что Россия останется верна своим международным обязательствам. К этому присоединилось упомянутое мной в предыдущей главе интервью (опубликовано в «Манчестер гардиан» 26 (13) апреля), которое отчетливо преследовало цель заявить рабочим и демократическим силам в Англии, что внешняя политика царизма является также внешней политикой русской революции. Официальное заявление Министерства иностранных дел от 2 мая (19 апреля)<sup>7</sup>, выдержанное в тех же выражениях, как и предыдущее, доказало, что буржуазные партии во Временном правительстве, действовавшие под руководством кадетов, окончательно бросили перчатку вызова Петроградскому совету и вообще отказали ему в праве принять участие в определении внешней политики.

Лидеры Совета увидели, таким образом, что находятся перед серьезным испытанием. Если они допустят, чтобы вызов, брошенный Милюковым, остался без ответа, то они этим самым признают, что рабочие не имеют права контроля над внешней политикой и что определение ее остается исключительным правом буржуазии. Если же они будут действовать, то должны быть готовы взять на себя ответственность за управление страной. Большевистское крыло марксистской группы в Совете, которое было того мнения, что русская революция является социальной, приветствовало создавшуюся благоприятную возможность для принятия этой ответственности и превращение Петроградского совета, а позднее и других рабочих Советов, возникших повсюду в стране, в единственных руководителей внешней и внутренней политики. На заседании Петроградского совета от 3 мая (20 апреля), на котором я присутствовал, большевистская группа потребовала: «Вся власть Советам!» Этой властью, говорили они, Петроградский совет мог бы обладать уже в начале Февральской революции, но он выпустил ее из рук, уступил ее Временному правительству, созданному из приверженцев буржуазных партий, заседавших в старой царской Думе. Но большевики составляли

<sup>7</sup> Имеется в виду нота П.Н. Милюкова от 1 мая (18 апреля) 1917 г., которая обсуждалась на заседании Исполнительного комитета Петроградского совета 2 мая (19 апреля).

тогда только небольшое меньшинство петроградских депутатов, опирались только на квалифицированных рабочих крупных машиностроительных и оружейных предприятий, на матросов Балтийского флота и корабельных верфей в Кронштадте да небольшую часть Петроградского гарнизона. Большинство депутатов Совета выступали на стороне меньшевиков и эсеров. Последние искали средства к тому, чтобы приобрести влияние на внешнюю политику революции и зорко следить за Милюковым, не принимая на себя все же полную ответственность за управление страной.

Совет послал делегацию к Временному правительству с требованием сделать недвусмысленное заявление о его внешней политике. А в это время рабочие и солдаты уже шли по Невскому проспекту со знаменами, на которых было написано: «Долой Милюкова! Да здравствует мир между рабочими всех стран!».

В беседе, состоявшейся в Мариинском дворце, Милюков показал Чхеидзе<sup>8</sup>, председателю Совета, какое-то письмо. Один из меньшевиков, член делегации, сообщил позднее автору этих строк, что это письмо исходило от французского министра Рибо<sup>9</sup> и было адресовано Альберу Тома<sup>10</sup>, который прибыл тогда в Россию в качестве чрезвычайного представителя французского правительства. Тома письменно обратился к Рибо с просьбой разъяснить позицию французского правительства в отношении политики Советов в вопросе о мире. Письмо было после этого передано Милюкову, и с этим-то письмом в руке он и выступил перед депутатами Совета. В письме отчетливо говорилось, что Франция не изменила и не модифицировала свои военные цели, и хотя Франция относится дружественно к революции, но если Россия не заявит о готовности непоколебимо придерживаться существующего союза, она будет вынуждена изучить вопрос о том, должна ли она оказывать России ту экономическую поддержку, которую она ей до сих пор оказывала.

Эта попытка Милюкова запугать делегатов Совета гневом союзников и угрозой экономической изоляции осталась безуспешной. Делегаты еще более решительно настаивали на своем требовании разъяснить заявление Министерства иностранных дел, которое противоречило всем решениям Совета. Милюков проиграл. Он пустил в ход свой последний козырь, письмо Рибо, но и тот не оказал ожидаемого действия. С этого момента его судьба как министра была решена.

<sup>8</sup> Чхеидзе Н.С. (1864–1926) — председатель исполкома Петроградского совета в 1917 г.

<sup>9</sup> Рибо А. (1842–1923) — глава кабинета министров Франции в марте — сентябре 1917 г.

<sup>10</sup> Тома А. (1878–1932) — французский министр вооружения в 1916–1917 гг.

Демонстрация на Невском проспекте послужила причиной падения Милюкова. Через несколько дней он ушел в отставку, официально заявив, что он остается на своей точке зрения и что его уход не означает перемены в политике. Из этого было ясно видно, что партия кадетов, хотя и вынуждена пожертвовать своим вождем, ни в коем случае не имеет в виду менять свою внешнюю политику.

Поскольку Петроградский совет не дал себя просто оттеснить в сторону подобными приемами и заставил считаться с собой, о фронтальной атаке на него, особенно в данной обстановке, не могло быть речи, кадетам не оставалось ничего другого, как пойти на сближение с Советом и предоставить его лидерам посты в правительстве, рядом с представителями буржуазии. Следствием этого был громкий крик об опасности «двойного контроля», поднятый буржуазной прессой на следующий день после ухода Милюкова. Раздавались голоса, что не должно быть двух правительств, править должны или Совет, или Временное правительство. «Современное положение немислимо, — заявил военный министр Гучков<sup>11</sup> на публичном митинге в Александринском театре. — Россия стоит на краю гибели. Мы, члены Временного правительства, находимся в действительности под надзором. Совет перед лицом общественности заявляет, что мы являемся “буржуями”, и одновременно требует не подчиняться нашим приказам». Чтобы совладать с трудностями, было выдвинуто требование единения классов и коалиции партий. Это предполагало общую программу, и на первой неделе мая попытка выработать такую программу была сделана, что соответствовало меньшевистской теории о том, что на данном этапе революции рабочие должны сотрудничать с буржуазией. Совет выдвинул свои условия. Он знал, что Временное правительство, опираясь только на буржуазию, не сможет просуществовать в тех условиях ни одного дня. На армию, в результате приказа № 1, положиться было нельзя, некоторое время нельзя было думать и о создании «белой гвардии» или отрядов надежных войск. Совет был достаточно силен, чтобы выставлять любые требования. Он мог даже выдвинуть большевистский лозунг — «Вся власть Советам!», если бы у него хватило мужества принять на себя полноту ответственности за управление страной. Но депутаты — меньшевики и эсеры в Петроградском совете цеплялись за свою теорию политической революции и высказались за коалицию с партиями центра. Так они совершили первую попытку компромисса. Их условия вступления во Временное правительство состояли в том, что последнее должно быть ответственно за свои действия пока что перед Петроградским советом, а затем перед Исполнительным комитетом Перво-

<sup>11</sup> Гучков А.И. (1862–1936) — военный и морской министр в 1917 г.



го Всероссийского съезда Советов, который должен скоро собраться. Совету должно было принадлежать право вето на любое действие коалиционного правительства. Последнее должно будет немедленно предпринять необходимые шаги, чтобы добиться выработки заявления союзников о целях, ради которых они продолжают войну, а также о возможных облегчениях для немедленного созыва международной конференции социалистов в Стокгольме.

Таким образом, принцип сотрудничества социалистов с классом капиталистов был подвергнут испытанию в России. Сможет ли пролетариат через демократический контроль принимать участие в решении вопросов внешней и внутренней политики страны? Удастся ли Совету добиться принятия и проведения в жизнь революционной программы мира в условиях, когда вся исполнительная власть и весь оставшийся от царизма аппарат управления находятся в руках буржуазии? История последующих шести месяцев должна была дать ответ на этот вопрос. Проблема, которая возникла с этого момента перед партиями, входившими в Совет, была проблемой власти и средств, с помощью которых эту власть можно было приобрести. Большинство в центре и на правом крыле Совета, которое группировалось вокруг фракции эсеров и меньшевиков, стремилось к образованию блока. За ними стояли в стране те, кто боялся богатства и влияния буржуазии, кто надеялся посредством демократического контроля с помощью конституционных методов — речей, резолюций и протестов сломить мощный инструмент подавления, который выковали царизм и иностранные посольства против русского народа. Против них поднималось небольшое меньшинство, которое выкристаллизовалось в Совете под руководством большевистской фракции. В стране оно могло опереться на людей, настроенных мятежно и независимо, находившихся на фабриках, верфях и в гарнизонах. Они начинали открыто проповедовать, что пока исполнительная власть и машина управления находятся в руках классовых врагов, невозможны ни политические, ни социальные перемены как во внутренней, так и во внешней политике. Постепенное распространение этой идеи характерно для развития революции после образования первого коалиционного правительства.

### 3. Кронштадт и Первый съезд Советов

Время пребывания у власти первого коалиционного правительства Февральской революции характеризовалось временным спадом революционной инициативы пролетарских масс. Они еще не вполне осознали свою мощь и

потому допускали, чтобы буржуазия не только и дальше осуществляла свое господство над государственной бюрократией, но и овладела новым, созданным революцией, инструментом политической власти. Нужны были новые страдания, новые разочарования и отрезвление, чтобы они научились понимать, что дело их освобождения может быть только их собственным делом.

Впрочем, встречались отдельные смелые и независимые люди, распыленные по всей стране, которые понимали, что политика, рассчитанная на то, чтобы лев и ягненок мирно уживались рядом друг с другом, должна привести к тому, что ягненок будет растерзан. Этим людям было нетрудно заставить слушать себя, поскольку их критика первоначально направлялась против коалиционного правительства, ибо в сердце каждого русского издавна живет неистребимое недоверие к авторитету властей всякого рода, недоверие, первопричины которого уходят глубоко в русскую историю.

Февральская революция на своем втором этапе после образования коалиционного правительства не должна была остаться без своего Стеньки Разина. Там и тут, в различных местах, где условия для укрепления духа независимости были особенно благоприятны, группы рабочих начинали уже ощущать, что их судьба может улучшиться только в том случае, если они сами, с помощью своих собственных, избранных на местах заводских комитетов или Советов, будут управлять судьбами революции. Так, в июне стало известно, что в Шлиссельбурге и Кронштадте, в Царицыне на Волге, в Екатеринбурге, в глубине казацких степей, в Красноярске и Канске, далеко в Сибири, один за другим Советы рабочих и солдатских депутатов заявляют, что они не хотят признавать власть коалиционного правительства, что они сами являются исключительными обладателями власти в этих местах вплоть до открытия Первого Всероссийского съезда Советов или Всероссийского Учредительного собрания. Некоторые местные Советы получили, таким образом, в течение июня чрезвычайно большую независимость. В Харькове солдаты гарнизона арестовали своих офицеров, заперли их и отказались посылать подкрепления на фронт. Солдатские Советы на фронте организовали встречи с немцами, в ходе которых происходило братание: на Западном фронте вместе с болгарскими солдатами ловили в реках рыбу. Местные Советы не ограничивали свою деятельность внутренними делами. Своеобразный прием был оказан американской комиссии Рута<sup>12</sup>, которая имела задачу побудить русскую революцию вести и дальше войну за Константинополь и левый берег Рейна: кронштадтские матросы в последнюю неделю мая начали осаждать американское посольство и довольно бурно настаивали на том,

<sup>12</sup> Рут Э. (1845–1937) — американский сенатор в 1909–1915 гг.



Президиум 1-го Всероссийского съезда Совета рабочих и солдатских депутатов

чтобы посол Фрэнсис<sup>13</sup> сопровождал их в Кронштадт как заложник. Они хотели, таким образом, получить определенные гарантии того, что ирландский анархист Том Муни<sup>14</sup>, приговоренный в Америке к смерти по обвинению в покушениях с помощью взрывов динамита, будет немедленно освобожден. И только с большим трудом коалиционному правительству удалось уговорить кронштадтских «товарищей» ослабить их нежелательное внимание к личности американского посла.

Вследствие совершенно невероятных слухов, которые носились тогда в Петрограде, о «террористическом» режиме в Кронштадте я решил туда поехать, чтобы собственными глазами убедиться в том, что там происходило. Прекрасным июньским утром я сел на набережной Васильевского острова на маленький пароходик, который шел вниз по Неве мимо больших верфей этого «окна в Европу» и далее по голубым водам Финского залива. Вскоре появился длинный пологий остров. Он был расположен почти посередине между двумя берегами, и от его контроля не ускользал ни один корабль, проходящий мимо него к устью Невы. Под охраной острова находилось несколько крейсеров, учебных кораблей и рыбацких лодок, скопившихся в маленькой бухте. Фабричные трубы свидетельствовали о железоделательных заводах, а ломаная линия земляных сооружений на горизонте возвещала, что долговременные укрепления охраняют подступы к Петрограду. Это была знаменитая крепость острова, вооруженная, чтобы выдержать осаду, и способная, благодаря своим фабрикам и военным складам, существовать неделями,

<sup>13</sup> Фрэнсис Д. (1850–1927) — посол США в России в 1916–1918 гг.

<sup>14</sup> Муни Т. (1883–1942) — участник рабочего движения в США.

даже будучи отрезанной от внешнего мира. Из Кронштадта, казалось, веяло в этот июньский день, когда я приближался к нему со стороны моря, духом независимости и упрямства. Глядя на него, я невольно вспоминал образы тех своеобразных людей, какие выдвигались здесь в ходе минувших революций. Я вспоминал об отце Иоанне Кронштадтском<sup>15</sup> и других монахах-политиках, голоса которых звучали оттуда, из Кронштадта.

Пароход причалил. Я покинул главную площадь и пошел по центральной улице города. Моей целью был Кронштадтский совет, помещения которого находились в здании бывшего Собрания морских офицеров. Я спросил, где можно найти председателя, и мне указали комнату, где сидел кто-то, похожий на студента. У него были длинные волосы, мечтательные глаза и отрешенный от действительности взгляд идеалиста. «Пожалуйста, садитесь! — сказал он. — Я предполагаю, что вы приехали из Петрограда, чтобы посмотреть, что является правдой из слухов, распространяемых о нашем терроре. Вероятно, вы уже составили себе представление о том, что ничего особенного здесь не происходит. Мы просто наводим здесь порядок после деспотизма и неразберихи царского режима. Наши рабочие, солдаты и матросы находят, что они сами проведут эту работу лучше тех людей, которые называют себя демократами, но в действительности являются друзьями старого режима. Вот причина, почему мы передали Кронштадтскому совету высшую власть на острове. Мы признаем факт существования коалиционного правительства в Петрограде подобно тому, как я признаю тот факт, что вы сидите передо мной на стуле, однако это не означает, что мы признаем его власть над нами».

После дальнейшего разговора он предложил мне осмотреть крепостные сооружения, морские и военные тюрьмы и взялся сам быть провожатым. Этот председатель, похожий на студента, и я поднялись и зашагали вдоль главной улицы острова. По чисто русской манере он держался со мной весьма дружелюбно и, доверительно взяв меня под руку, хотя мы были знакомы всего каких-нибудь полчаса, начал рассказывать о себе и о Кронштадте. «Я был студентом Технологического института в Петрограде, — сказал он, — и во время занятий имел возможность часто приезжать сюда и смотреть, что здесь происходит. Вы даже не можете себе представить того, что было! С солдатами и матросами на этом острове обходились как с собаками. Они должны были работать с раннего утра до поздней ночи. Им не разрешался даже самый короткий перерыв для отдыха, из опасения, что они столкнутся

<sup>15</sup> Кронштадтский Иоанн (наст. фамилия Сергеев) (1829–1908) — настоятель Андреевского собора в Кронштадте.

между собой в политических целях. Нигде нельзя было лучше, чем здесь, изучить до самых глубин систему капитализма и империализма, основанную на рабском угнетении. За малейшее нарушение заковывали в цепи, а каждого, у кого находили социалистическую брошюру, расстреливали. Тогда здесь слово “террор” было действительно уместно. Господствующие классы России должны были цепляться за этот режим в Кронштадте, чтобы запугать людей и держать их в подчинении. С другой стороны, солдаты и матросы, скученные на этом острове, управляемом на манер некоей автономии, легко могли объединиться и свергнуть власть офицеров.

Последние были в силах удерживать свою власть только благодаря тому, что опирались на испытанный жандармский корпус и систему шпионажа. Большой процент кронштадтских солдат и матросов происходил из рабочего класса, а также из более развитой и культурной части крестьянства, например, тех, которые могли освоить какое-либо ремесло. Большинство из них умело читать и писать. Это обстоятельство делало Кронштадт одним из самых передовых революционных центров России».

За этими разговорами мы подошли к большой площади перед собором. Из собора как раз выходила процессия с красными знаменами и примерно 5 или 6 урнами, которые матросы несли высоко над головами. «Это останки, — сказал мой спутник, — некоторых товарищей, которые были здесь казнены царской реакцией после революции 1905 г. за свою революционную деятельность. Один из них попытался принести пищу своим товарищам, которые были сосланы царскими жандармами на один маленький остров, лежащий далеко от финского берега, и обречены на голодную смерть. А другой, чтобы спасти товарища, попытался освободить его из тюрьмы в ночь перед казнью. Мы сначала не знали, где похоронены эти товарищи, но позже узнали, что их тела были сброшены в шахту. Мы нашли эту шахту, выкопали останки и оказываем теперь последнюю почесть тем, кто отдал свои жизни за свободу, которой мы теперь пользуемся». Могила была выкопана рядом с памятником адмиралу Макарову<sup>16</sup>. Солдаты и матросы сказали несколько слов о своих товарищах, и урны исчезли в земле. Эти мужчины умерли 12 лет тому назад. Они не были знакомы лично никому из присутствующих, за исключением тех немногих солдат, кто уже тогда принадлежал к Кронштадтскому гарнизону. Но они погибли за то же дело, и та же таинственная сила призвала их подняться и повести отчаянную борьбу за свободу. Сознание братства по оружию в общей борьбе против тиранов устранило пропасть,

<sup>16</sup> Макаров С.О. (1848–1904) — вице-адмирал, командующий Тихоокеанской эскадрой в 1904 г.

образованную годами, и привело к тому, что люди, не знавшие друг друга, оказались близкими по духу. Так велика была магическая сила идей, которая стояла за русской революцией. В груди кронштадтцев жила сила, которая не могла быть сломлена, даже и тогда, когда двумя годами позже британский флот, обстреливая кронштадтские укрепления, подошел к ним, стремясь обратить их опять в рабство, от которого они освободились в феврале 1917 г.

Наконец мы подошли к тюрьмам, расположенным в северо-восточном углу острова. Часовые кивнули председателю, приветливо сказав: «Доброе утро, товарищ», когда мы проходили мимо них.

Миновав тяжелые железные двери, мы попали в низкое помещение, где на железных койках сидели или лежали несколько полуодетых мужчин с отросшими бородами и волосами. Это были бывшие сатрапы царской власти в Кронштадте. Среди них был офицер Морского штаба — мужчина лет за пятьдесят, на котором были уже видны следы заточения. «Посмотрите сюда, — сказал он, схватив мою руку и положив ее на выступавшую вперед тазобедренную кость. — Что я такого сделал, чтобы заслужить это?» Идя дальше, я подошел к одному генерал-майору, который раньше командовал крепостной артиллерией Кронштадта. Он стоял в рубашке, на нем не было украшенного орденами мундира, хотя он сражался в Порт-Артуре и участвовал в сражениях за Польшу. Его брюки — на прусский манер голубого цвета, с красной полосой — носили следы трехмесячного пребывания в заключении. Он посмотрел на меня испуганно и неуверенно; как будто не зная, будет ли соответствовать его достоинству, если он расскажет о своем положении случайному незнакомцу. «Я бы хотел, чтобы велось следствие по нашему делу, — сказал он наконец, — ибо заставляя нас сидеть здесь и держать в неведении о том, что с нами будет, довольно жестоко». «А я сидел здесь не три месяца, а три года, — вмешался дежурный матрос, который нас сопровождал, — и я не знал, что мне предстоит, хотя моим единственным грехом был тот, что я распространял брошюру о жизни Карла Маркса». После этого я подошел к молодому офицеру-артиллеристу, который, казалось, стойко переносил свое несчастье. «Я никогда не обращался плохо с моими людьми, — сказал он, — но они арестовали меня вместе с кучкой других офицеров, которые у них находились на подозрении, и они были правы, ибо эти офицеры обращались со своими людьми, как с собаками. Я постоянно спорил с моими товарищами, которые, в конце концов, исключили меня из клуба моряков за то, что я поднял свой голос против некоторых порядков. И именно мне приходится теперь сидеть здесь рядом с ними». Я подошел к одному вице-адмиралу. Его душевный надлом был виден сразу по изможденному и бледному лицу, слабому голосу, дрожащим рукам. «Я выполнял

по отношению к моему царю свой долг, — бормотал он, — я всегда честно служил своей стране и был готов отдать жизнь за нее. Я принимал участие в японской войне и был дважды ранен. Если я был строг со своими людьми, то только потому, что я любил царя и свою страну, и знал, что только так Россия может стать великой, а русский народ счастливым», — и при этих словах он заплакал.

Меня привели к южной оконечности острова, где в другой тюрьме содержались бывшие чины военной полиции, жандармы, полицейские шпики и провокаторы свергнутого царского правительства. В низком грязном проходе я смог различить очертания больших мускулистых фигур. Здесь находился жандарм в том длинном сером плаще, который когда-то наводил страх на всю бастующую и выражающую недовольство массу. В ответ на поставленный мною вопрос он сказал: «Если бы только нас отсюда выпустили и дали выполнять какую-либо работу! Ведь мы — сильные мужики и могли бы послужить своей стране, все равно, является ли она монархией или республикой!» Его сосед был военным полицейским. В его жестоких грубых чертах не отражалось ни озлобления, ни раскаяния. Его мысли были, видимо, заняты такими вещами, как пища, питье и сон. Действительно счастливая жизнь для человека в его положении!

В этот момент мой взор упал на худое лицо человека в гражданской одежде, стоявшего против меня. Его налитые кровью глаза, глядевшие из-под спутанных волос, казались глазами затравленного зверя, чувствующего приближение собак. «Наконец-то вы пришли, — казалось, говорили они. — Что же, меня повесят или расстреляют, или мне предназначен какой-нибудь другой вид смерти?» Я как раз хотел спросить его, чем он занимался и что привело его сюда, но в этот момент он скрылся в темноте и у меня промелькнула мысль — не был ли то кронштадтский Азеф<sup>17</sup>, которого настигла революционная справедливость?

Когда я покинул тюрьму, к моему спутнику подошла старая, согбенная женщина и со слезами на глазах попросила его сказать ей хоть что-нибудь о ее единственном сыне. Он был полицейским; в первый день революции он с полдюжиной других занял с пулеметами сторожевую башню и обстреливал главную улицу смертоносным огнем. Этот огонь скошил многих рабочих верфи и трех революционных вождей. Женщина была вдовой и теперь лишилась кормильца. Она ничего не понимает в политике, сказала она, и не хочет ничего, кроме мира. Председатель Совета был явно растроган и на минуту задумался. Человеческое сочувствие подсказывало ему смягчиться,

<sup>17</sup> Азеф Е.Ф. (1869–1918) — один из руководителей партии эсеров.

революционная дисциплина заставляла его оставаться твердым. «Дело всех этих людей будет проверено, — сказал он, — мы даже разрешаем Временному правительству послать комиссию, которая вместе с нами проверит это дело. Вероятно, ваш сын будет скоро освобожден».

Я покинул тюрьмы и попытался забыть то, что увидел. За их стенами находились люди, наказанные за то, что являлись пособниками той жестокой системы, которая в конечном счете давала им средства к существованию. Там были и другие, служившие этой системе потому, что они выросли в среде, которая побуждала их видеть в ней только хорошее. Но этих подручных старого режима наказали те, кому пришлось пережить нечто гораздо более тяжкое, чем то, что переносили теперь их узники.

Больше всего меня удивляло то, что новые хозяева Кронштадта после всего, что они пережили, сохраняли в своих сердцах человеческое чувство сострадания. О чем только не рассказывали каменные стены Кронштадта! Поистине, описать обитателей этих «мертвых домов» было бы благодарной темой для Достоевского, для Толстого, чтобы заставить заиграть струну человеческого сострадания!

На следующий день я посетил верфи и мартеновские печи Кронштадта. Одним из первых результатов Февральской революции было создание так называемых фабричных комитетов (русская форма немецких «производственных советов»). У рабочих верфей они, развиваясь, привели к возникновению «районных союзов». Эти комитеты и союзы представляли собой основные хозяйственные и производственные объединения, на которые опиралась идея Советов. В Кронштадте они получили большое развитие. В комитеты входили рабочие различного уровня — обученные и необученные; после окончания рабочего дня они собирались на полчаса вместе. Когда я проходил по верфи и близ мартеновских печей, я натолкнулся на бюро одного из этих комитетов. В углу цеха стояли стол и стул. Секретарь записывал в книгу принятые постановления и делал пометки. Это было все. И все же внутри этих невзрачных стен было уже сделано нечто бесконечно важное для всего общества, для человечества. Комитеты посылали депутатов в Кронштадтский совет, который если и не де-юре, то де-факто представлял из себя высшую политическую власть на острове и осуществлял военную власть, имея в своем распоряжении тюрьмы, средства связи, транспорт и дело снабжения. Отсюда отправлялись делегаты на фабрики для непосредственного контроля. Они были уполномочены проверять счета и книги, следить за тем, чтобы без серьезных оснований не вывозилось с предприятия сырье, и вообще заботиться о благополучии предприятия и его работников. Фабричные комитеты — эти низовые пролетарские орга-



низации — направляли свою деятельность в две области — политическую и экономическую.

Фабричные комитеты и союзы портовых рабочих, энергичное развитие которых я так отчетливо наблюдал в Кронштадте, были действительно боевыми органами революционной рабочей массы. В Петрограде подобные комитеты возникли уже в первые революционные дни, в результате деятельности ряда энергичных квалифицированных рабочих. Они очень охотно подхватили идею создания фабричных Советов, ибо до того они еще никогда не были объединены в производственные союзы в сколько-нибудь широком масштабе. Вследствие слабости профсоюзного движения в России во времена царизма квалифицированные рабочие не представляли собой какую-то привилегированную касту, члены которой добиваются для себя всевозможных льгот. Поэтому после февраля происходит быстрый охват квалифицированных и неквалифицированных рабочих крупными производственными союзами. Скорее, именно квалифицированные рабочие взяли на себя руководящую роль при создании этих фабзавкомов нового типа, имевших целью осуществить рабочий контроль. В Кронштадте, где имелось необычно большое число квалифицированных рабочих и матросов, деятельность фабзавкомов уже с июня 1917 г. достигла высокого уровня. Самым крупным работодателем на острове было государство. Однако, несмотря на это, работа государственных чиновников была поставлена под строгий контроль, ибо люди слишком хорошо сознавали, что в капиталистическом государстве бюрократия является лишь подручным крупных капиталистов.

Но в Кронштадте имелись также и частнокапиталистические предприятия, и самым большим из них был кабельный завод. Он также находился, как я установил, под контролем фабзавкома. Владелец, который попытался закрыть завод и продать часть машин за границу, был арестован, предприятие же властью Кронштадтского политического совета конфисковано и передано под управление фабзавкома. В тот момент, когда я там был, этот комитет послал своих руководителей в Петроград с поручением закупить запасы металла и другого необходимого для предприятия сырья. Он также принял меры для стабилизации финансовой деятельности завода при помощи снижения на известный процент заработной платы. Стоял, однако, вопрос, как долго сможет продолжаться это состояние. Было ясно, что необходима направлявшая рука, чтобы регулировать производство в интересах общества и не допустить, чтобы только что созданный рабочий контроль выродился в синдикалистские притязания на собственность, в новую форму капитализма. Тем временем рабочие кронштадтских металлических заводов и верфей уже сломали на острове власть крупного капитала и его союз-

ника — бюрократии — и заложили основу системы, которая, учитывая в необходимой мере интересы потребителей, передала дальнейшее руководство экономической жизнью в руки рабочих коллективов. И тут я понял, почему в буржуазных кругах Петрограда с таким бешенством кричали о Кронштадте — Кронштадт достиг более высокой ступени, чем вся остальная страна; он представлял собой открытую угрозу капиталистической системе.

Прежде чем покинуть Кронштадт, я присутствовал на заседании политической группы Совета рабочих, солдатских и матросских депутатов, которое проходило в Клубе офицеров флота. Совет заседал в большом салоне, в котором раньше проходили балы и приемы, где со стен еще смотрели на посетителей картины, на которых был изображен русский флот, приветствующий царя и иностранных вельмож. Адмиралы, генералы и офицеры, цвет аристократии, имевшие раньше обыкновение здесь собираться, населяли теперь тюрьмы, которые я посетил в тот же день. Их места заняли коренастые, простые матросы, сильные солдаты крестьянского происхождения и станочники с мозолистыми руками, только что закончившие свой рабочий день. То были энергичные и сильные люди, дети труда, цвет революционных сил России, собравшийся в Кронштадте со всех концов страны. Своим достижениям они были обязаны не тому, что их интеллект развивался в школах и университетах; они обладали естественным инстинктом, который позволял им ясно видеть вещи такими, каковы они есть, и называть их своими именами, понимать веление времени и действовать там, где это необходимо. На повестке дня стоял вопрос о том, надо ли разрешать уполномоченному Временного правительства доступ на остров. Начались дебаты. Эти люди говорили кратко, просто и по-деловому. Некоторые были того мнения, что допуск уполномоченного на остров означал бы, что в Кронштадте признают власть коалиционного правительства. Другие выступали за компромисс, поскольку вся остальная часть страны еще не пришла к точке зрения Кронштадта в вопросе о власти Советов. Тон, в котором велись дебаты, был исключительно умеренным, и, в конце концов, пришли к тому, что уполномоченный должен иметь доступ на остров как «гость» Совета.

Познакомившись ближе, я узнал, что большевики составляли лишь меньшинство в составе Совета. Большинство делегатов не принадлежали ни к какой партии. По сути дела, однако, они делали все то, что официально проповедовали большевики. Большевистский руководитель в Кронштадте сказал, что его партия не имеет в виду действовать опрометчиво. Само время работает на нее. Война и спекуляция быстро ведут Россию к нищете, к голоду, и это непрерывно возбуждает массы, толкает их к большевикам. Этот процесс, сказал он, еще не закончился, но закончится в течение нескольких

месяцев. Тогда наступит подходящий момент. А до того можно понаблюдать за теми интересными небольшими экспериментами, которые пролетарские массы проводят по собственной инициативе. В Кронштадте, сказал он, в силу особых местных условий развитие происходит быстрее, чем во всей остальной России.

Примерно на первой неделе июня выяснилось, что Кронштадт, Царицын и Красноярск были лишь большевистскими островками, в то время, как остальная часть страны еще шла за партиями, проводившими политику компромисса. Доказательством тому послужили выборы на Первый Всероссийский съезд Советов, который проходил в конце мая. При описании в предыдущей главе состава Петроградского совета я указывал, что и не пролетарские элементы начали проникать в Совет вскоре после его образования. В провинции это происходило еще в большей степени. В деревне торговец зерном, которому была должна половина деревни, мог обещать не требовать долга, если его за это выберут в Совет. Тыловые гарнизоны и боевые части на фронте делегировали на Всероссийский съезд Советов в Петроград врачей, журналистов, адвокатов, а в некоторых случаях даже офицеров. Ни у кого, за исключением нескольких проникательных ветеранов революционного движения в Кронштадте и на некоторых петроградских фабриках, не возникало серьезных сомнений насчет того, способны ли меньшевики и эсеры выполнить свои обещания — заключить мир без аннексий и контрибуций, передать землю крестьянам и установить рабочий контроль на фабриках. «Революционно-демократический» блок принял участие в коалиционном правительстве, исходя из предположения, что определенные, точно очерченные условия будут выполнены. Первое из этих условий состояло в том, чтобы добиться от союзников краткого и недвусмысленного заявления, что они принимают революционную программу мира; вторым являлся немедленный созыв международной конференции социалистов. Этим тогда большинство могло бы удовлетвориться, и поэтому рабочие провинциальных городов, крестьяне в деревнях и солдаты в гарнизонах, кроме Петрограда, поддерживали меньшевиков и эсеров. Не удивительно было поэтому, что в день открытия съезда выяснился следующий состав делегатов: эсеров — 321, меньшевиков — 247, большевиков — 107, беспартийных — 73, бундовцев — 10, народников — 3 и анархистов — 1<sup>18</sup>.

Открытие этого первого русского рабочего парламента было очень знаменательным днем. Уже в первые утренние часы коридоры и залы в помещении морского кадетского корпуса на Васильевском острове заполнили

<sup>18</sup> В исторической литературе приводятся иные данные о составе этого съезда.

делегаты, прибывшие со всех концов страны. Уже по внешнему виду каждой из групп можно было видеть, откуда она прибыла. Вот вокруг самовара и гармоники собралась живописная группа украинцев. В другом месте стояла толпа загорелых солдат из гарнизонов Средней Азии. Поодаль — несколько черноглазых уроженцев Кавказа, около них закаленные солдаты, только что пришедшие из окопов, и офицеры с суровыми лицами. Неподалеку — станочники с московских заводов и представители горняков с Дона. В зале, где съезд заседал, не определившиеся в политическом отношении делегаты различных национальностей, прибывшие с разных концов страны, вырабатывали свою политическую позицию. Там происходило и их разделение в соответствии с принадлежностью к различным партийным группам.

Первым пунктом повестки дня был вопрос о вотуме доверия коалиционному правительству, внесенный от имени Исполкома Петроградского совета меньшевиком Либером<sup>19</sup>. «Русская революция, — начал он, — не похожа ни на одну из бывших до сих пор в Европе, потому что в самом начале она была выступлением масс против господства капиталистов и помещиков<sup>20</sup>». Но при попытке решить классовый вопрос революционным путем массы натолкнулись на западноевропейскую классовую проблему, которая еще не созрела для решения с помощью таких средств. Русская революционная демократия столкнулась с двумя проблемами. В области внешней политики речь идет о том, чтобы как можно скорее покончить с войной на основе международного соглашения. При этом цель заключается не в том, чтобы одна группа держав одержала победу над другой, эта война скорее должна закончиться победой рабочего класса над капиталистами и империалистами во всех странах. Второй проблемой является внутреннее восстановление России. Буржуазное Временное правительство потерпело крушение и лишилось всякой поддержки. Старый режим ушел в прошлое. Широкие массы рабочих, крестьян и солдат перешли к организации своих рядов и выработке собственной программы. Совет должен поэтому непременно послать представителей в правительство, чтобы заставить его учитывать интересы тех, кто совершил революцию и продолжает ее делать.

<sup>19</sup> Либер М.И. (1880–1937) — один из лидеров партии меньшевиков, член исполкома Петроградского совета.

<sup>20</sup> Ср.: «Русская революция тем отличается от революций, которые происходили в Европе, что во время тех революций противоречие классовых интересов не выступало и не могло выступать с такой остротой, именно потому, что русская революция произошла позже, под непосредственным напором борьбы рабочих масс, которые пришли с этой борьбой, с подготовленной классовой борьбой против своих антагонистов, борьбой крестьянства с классом помещиков» (Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Т. 1. М.; Л., 1930. С. 47).

После него взял слово меньшевистский вождь Церетели<sup>21</sup>, который одновременно являлся одним из новых министров коалиционного правительства. Это был худой, тонкий человек с темным цветом лица, типичный представитель кавказских социалистов. Он слыл тогда одной из наиболее заметных личностей, выдвинувшихся после Февральской революции. Было довольно странно, что именно ему поручено руководство рабочими и крестьянами Великороссии, ибо хозяйственные проблемы областей Закавказья, где занимались исключительно земледелием и скотоводством, очень отличались от проблем, стоявших перед областями Центральной России. К этому надо прибавить, что, как ни странно это покажется, кавказские революционеры обладают гораздо меньшим темпераментом, чем их русские товарищи.

Это объясняется, возможно, тем обстоятельством, что революционное движение на Кавказе захватило большей частью мелкую буржуазию, в то время как в России движение получало свою силу от пролетарских масс. «Русской революции, — начал Церетели, — приходится, поднимая знамя мира перед всеми народами, нести бремя войны, развязанной другими правительствами, — войны, окончание которой зависит не от нее одной. В этом заключается наибольшая и основная трудность, с которой встретилась революция. Несмотря на это, мы знаем, что для защиты и гарантии революции необходимо покончить с империалистической политикой прошлого»<sup>22</sup>. Но как, спросил он, это может произойти? Могут ли послужить этой цели какие-либо старые дипломатические каналы? Ответ был очевиден. При помощи дипломатических переговоров и договоров прежнего рода вопросы мирового значения в будущем больше не удастся решить. Задача, сказал он, заключается в том, чтобы продемонстрировать перед правительствами и народами мира уроки русской революции. Надо обратиться к союзным правительствам и, прежде всего, избежать разрыва с ними, так как изоляция

<sup>21</sup> Церетели И.Г. (1881–1959) — министр почт и телеграфов Временного правительства в мае — июле 1917 г.

<sup>22</sup> Ср.: «Русская революция, взявшая в свои руки знамя борьбы за всеобщий мир, русская революция должна была принять войну, начатую другими правительствами, решение и завершение которой не зависит от усилий только русской революции. В этом основная черта, основная трудность для деятелей русской революции и для представителей революционной демократии в правительстве. Пока не будет разрешен вопрос о войне, пока не будет достигнута та цель, к которой стремится вся российская демократия — цель всеобщего мира на началах, исключающих насилие с чьей бы то ни было стороны, — закрепить окончательно свои завоевания, подводить итоги великой российской революции демократия не может, ибо не только внешние, но и все внутренние вопросы связаны с вопросом о войне» (Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Т. 1. С. 55).

России вынудила бы ее пойти на сепаратный мир. Но сепаратный мир не только нежелателен, но совершенно невозможен, ибо, отказавшись от одного военного союза, Россия оказалась бы втянутой в другой такой союз. Если, следовательно, сепаратный мир невозможен, то не остается ничего другого, как убедить союзников в справедливости революционных идеалов. Коалиционное правительство уже созвало конференцию союзников и потребовало от них заявления о их военных целях. Итак, с союзниками начат разговор, и результаты усилий, предпринятых в этом направлении, не останутся без влияния на товарищей в Германии. Обращаясь к военным вопросам, Церетели сказал своим слушателям, что они должны быть готовы к тому, чтобы начать наступление, с целью защитить идеалы революции. Это будет борьба не ради завоевания чужих земель, какую вело царское правительство или ведут другие правительства, а борьба за то, чтобы пронести знамя братства по всему миру. Этими словами меньшевистский вождь закончил свою богатую мыслями речь.

Из темного угла зала поднялся вслед за тем коренастый человек невысокого роста с круглым голым черепом и узкими татарскими глазами. Он был руководителем маленькой группы делегатов, которые заняли места на крайних левых скамьях в конце зала. По-видимому, никто не обращал особенного внимания на угол, где они сидели; всем казалось, что здесь собрались ультралибералы, люди неуступчивые и мечтатели всех оттенков. Но как только этот приземистый невысокий человек поднялся и твердыми шагами прошел по середине зала мимо переполненных рядов, занятых революционной демократией, воцарилась, как бы по мановению волшебной палочки, напряженная тишина, ибо это был Ленин, вождь той маленькой, незначительной по численности большевистской группы меньшинства на этом Первом Всероссийском съезде Советов, о которой упоминалось выше. Произнесенная им речь не была половинчатой. С первого же момента он перешел прямо к делу и напал на своих противников с беспощадной последовательностью. «Где мы присутствуем? — начал он. — Что представляет собой этот съезд рабочих и солдатских депутатов?»<sup>23</sup> Есть ли во всем мире что-либо подобное? Нет, безусловно, нет, ибо нечто столь необычное не может существовать сегодня ни в какой другой стране, кроме России. Нам нужно выбрать одно из двух: либо буржуазное прави-

<sup>23</sup> Здесь и далее изложение речи В.И. Ленина на Первом Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов, произнесенной 4 июня 1917 г., воспроизводится краткой записью, которая сильно отличается от стенограммы, выправленной В.И. Лениным и опубликованной в газете «Правда» № 82 и 83 за 28 и 29 июня 1917 г. (см.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 263–276).

тельство, с его так называемыми планами “социальных” реформ на бумаге, подобное тем, с какими мы встречаемся сегодня во всех других странах, либо же такое правительство, какого вы (при этих словах он указал на Церетели), по видимости, добиваетесь, но для осуществления которого вам явно недостает решимости — правительство пролетариата, историческую параллель которого представляла бы Франция 1792 г.

Видите ли вы, какая анархия создалась сейчас в России? — продолжал он. — Что это означает? Неужели вы серьезно думаете, что можете создать социалистический общественный строй с помощью капиталистов? Имеют ли малейший шанс на успех красивые планы Церетели побудить правительства Западной Европы принять нашу точку зрения в вопросе о мире? Нет, этот план будет терпеть жалкую неудачу до тех пор, пока власть не перейдет в руки русского пролетариата. Взгляните-ка на свои дела! — воскликнул он и презрительно указал при этом на социалистических министров. — Капиталисты, с их военными прибылями в 800 процентов в кармане разгуливают по стране так же свободно, как и при царизме. Почему вы скрываете от общественности истинные размеры их спекулянтских прибылей, почему не арестуете хотя бы парочку из них и не посадите их за решетку, под замок, хотя бы в те же роскошные условия, в каких вами содержится Николай Романов? Вы говорите о мире без аннексий. Но претворите-ка этот принцип в действительность, а именно в отношении Финляндии и Украины! Вы говорите нам о военном наступлении против немцев. Мы не являемся принципиальными противниками войны. Мы только против капиталистической войны, проводимой с капиталистическими целями, и прежде, чем вы не возьмете власть полностью в свои руки и не прогоните буржуазию, вы — только орудие тех, кто принесли миру это бедствие»<sup>24</sup>, — с этими словами он вернулся в свой темный угол зала под громовые одобрительные возгласы своих сторонников и под иронический смех делегатов «революционной демократии».

Опять стало совсем тихо, когда поднялся приземистый человек с широким лицом и коротко остриженными волосами. На нем были коричневый костюм и гетры, его лицо было бледным и напряженным, глаза светились лихорадочным блеском. Это был Керенский<sup>25</sup>, герой момента, который, как думали, был на пути к тому, чтобы повести русскую революцию к успешному осуществлению ее идеалов, отдать землю изголодавшимся по ней крестьянам, а уставшим от войны солдатам дать мир без аннексии и контрибу-

<sup>24</sup> Изложение Прайсом речи Ленина сильно отличается от отчета в «Правде».

<sup>25</sup> Керенский А.Ф. (1881–1970) — министр-председатель Временного правительства в сентябре — октябре 1917 г.

ции. Стоя прямо, держа правой рукой пуговицу нагрудного кармана своего френча, он начал речь в очень спокойном тоне. «Нам только что привели исторические сравнения, — сказал он, — нам указали на 1792 г. как пример того, как мы должны проводить революцию 1917 г. Но чем закончилась Французская революция 1792 г.? Она окончилась установлением жалкой императорской власти, которая парализовала на долгие годы развитие демократии в стране. Наша задача состоит в том, чтобы избежать у нас повторения такого хода событий с тем, чтобы нашим товарищам, которые только что возвратились из ссылки из Сибири, не пришлось опять попасть туда, и чтобы также тот товарищ, — при этом он презрительно указал на Ленина, — который все время спокойно в безопасности жил в Швейцарии, не был бы вынужден опять туда бежать. Он предлагает для нашей революции новый и чудотворный рецепт: просто мы должны посадить несколько капиталистов под замок. Товарищи, я не марксист, но я думаю, что я больше понимаю в социализме, чем товарищ Ленин, и я знаю, что Карл Маркс никогда не одобрял такие методы восточного деспотизма. Меня упрекают в том, что я выступаю против национальных стремлений Финляндии и Украины отделиться от России, и благодаря моей деятельности в коалиционном правительстве превращают в насмешку принцип мира без аннексий и контрибуций. Но в первой Думе именно он, — при этих словах Керенский в бешенстве повернулся к Ленину, — напал на меня, когда я выступил за федеративную республику и за национальную автономию. Это он обзывал тогда эсеров и трудовиков “мечтателями и утопистами”»<sup>26</sup>.

<sup>26</sup> Ср.: «Товарищи, начну также с исторической справки. Нам говорили о 1792 годе, о французской революции, о 1905 годе, т.е. о первой русской революции. Для того, чтобы указывать нам на путь 1792 года и 1905 года и говорить, что то, что сегодня существует в государстве русском: организации демократии, Советы, в истории уже известно и опытами истории оправдано, но я спрашиваю вас, как кончился 1792 год для Франции? <...> Он кончился тем, что республика Франции превратилась в империалистическую подлинную завоевательную империю, остановившую прогресс демократии в Европе на многие десятилетия. <...> И задача наша, — объединенных русских социалистических партий и русской демократии, — наша задача заключается именно в том, чтобы не допустить такого конца, который был во Франции 100 лет тому назад, чтобы закрепить за русской демократией те завоевания, которые мы сделали теперь, чтобы наши товарищи, которые были на каторге и вернулись, не вернулись бы туда обратно, чтобы тов. Ленин, который был за границей, мог бы и дальше здесь говорить и не возвращаться к себе в Швейцарию. <...> Какие же средства нам предлагают? Арестовать русских капиталистов. Товарищи, я не принадлежу к с.-д., я не марксист, но я с глубоким уважением отношусь к доктрине марксизма и верному учителю марксизма, Карлу Марксу, и его ученикам. Таких элементарных детских вещей никогда марксизм никому не предлагал <...> Нам говорят: вот военный министр Керенский ведет борьбу с Финляндией и Украиной. <...> В первом же заседании Государственной думы... мы и социал-демократы... проголосовали против





А.Ф. Керенский выступает на Московском государственном совещании.  
*Рисунок Ю.К. Арицыбушева*

Перейдя к вопросу о братании на фронте, он вызвал бурное оживление в зале своим указанием на наивных людишек, которые воображают, будто возможно при помощи дружеской встречи нескольких групп немецких и русских солдат начать победное шествие социализма по всему миру. «Но будьте настороже, — добавил он, — иначе вам придется в один прекрасный день обнаружить, что вы побратались с бронированным кулаком Вильгельма Гогенцоллерна»<sup>27</sup>. Его лицо покраснело и его голос стал крикливым от возбуждения, когда он, стоя на трибуне, все больше приходил в возбуждение под влиянием собственной речи. «Вы говорите, что боитесь реакции, — чуть ли не вскричал он, — и все же вы хотите послать нас по пути Франции 1792 г.? Вместо того чтобы настаивать на восстановлении, вы призываете к разрушению. Из полного хаоса, на который вы делаете ставку, поднимется, как феникс из пепла, некий диктатор»<sup>28</sup>. Он умолк и медленно

---

военных ассигновок публично» (Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Т. 1. С. 77–79).

<sup>27</sup> Упоминание о Вильгельме II отсутствует в сборнике «Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов» (1930 г.).

<sup>28</sup> Ср.: «Что же вы хотите, закрепив эту силу, борясь с анархией, с реакцией, создать мощный оплот интернационалистического движения в Европе? Нет, вы предлагаете идти путем, которым шла французская революция в 1792 году. <..> Вы предлагаете путь дальнейшего разрушения. Из этого хаоса, как феникс из пепла, восстанет диктатор» (Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Т. 1. С. 80).

прошел вдоль ораторской трибуны, пока не очутился в углу, против того места, где находилась группа, окружавшая Ленина. В зале не было слышно ни шороха, когда мы, затаив дыхание, ждали его следующих слов. «Но я не стану тем диктатором, появлению которого вы пытаетесь помочь»<sup>29</sup>, — и с этими словами он повернулся к Ленину спиной. Последний спокойно поглаживал подбородок и думал, казалось, о том, исполнятся ли слова Керенского, и если да, то на чьи плечи упадет мантия диктатора.

Дебаты продолжил вождь эсеров Виктор Чернов<sup>30</sup>. «Товарищи, — начал он, — трагедия русской революции заключается в тех невыносимых исторических условиях, в которых она зародилась. Ее сжимает железное кольцо войны. Внутри страны революция прочно укрепила свои политические позиции. Но может ли она обеспечить также за границей свое международное положение? Ибо мы видим, что чем дальше длится война, тем больше становятся ее экономические трудности. Война — это большой насос, который высасывает силы страны. В этом заключается опасность, и она так велика, что никто не знает, уцелеет ли при этом революция»<sup>31</sup>.

Затем он перешел к разбору доводов Ленина, стремясь показать, что его представление о социальной мировой революции не вполне применимо к русской революции. Против него говорит-де достаточно данных о том, что в странах, где капитализм пустил крепкие корни, революционное движение еще заставит себя ждать довольно долго, в отличие от экономически неразвитых стран, где оно стремительно развивается. «Мы не можем сбросить со счетов это обстоятельство путем простой ссылки на общие законы, — продолжал он, — мы должны также остерегаться того, чтобы рассматривать капитализм как исключительно экономическое явление. История последних лет учит, что капитализм обладает ярко выра-

<sup>29</sup> Ср.: «Не я, которого вы стараетесь изобразить диктатором» (Там же).

<sup>30</sup> Чернов В.М. (1873–1952) — министр земледелия Временного правительства в мае — июле 1917 г.

<sup>31</sup> Ср.: «Товарищи... в чем же заключается вся сущность того трагического положения, той исторической драмы, той исторической трагедии, которую переживает русская революция в современной международной обстановке. <...> Россия окружена огненным кольцом войны. Внутри ее победа революции с политической точки зрения может считаться совершенно упроченной, но упроченная политическая победа не упрочена в полной мере экономически и социально. <...> Мы не можем не видеть, что вот эта экономическая разруха усугубляется продолжающейся войной; эта война, как могучий насос, продолжает выкачивать из нашей страны все силы... Здесь, товарищи, колоссальная опасность, опасность тем более, что никто не может с полной определенностью предсказать, в течение какого времени русской революции придется перетерпеть, пережить» (Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Т. 1. С. 96–97).

женными национальными чертами и что его влияние во многих странах проникло глубоко в пролетарские слои. Но если это так, то не возникает ли тогда серьезный вопрос, а именно: сможет ли русская революция выйти за рамки своего национального существования, или она израсходует свои силы и затем угаснет, или сможет, спокойно собирая свои силы, продержаться долго до того времени, когда созреют условия для ее победы в остальных странах? Другими словами, сможет ли она послужить живым наглядным пособием для товарищей в других странах? Мир был поражен нашей революцией, вспыхнувшей в самом разгаре войны. Мы хотим и дальше поражать мир, поднимаясь вверх по ступеням революционного развития. Русская революция подобно рычагу, который постепенно приводит в движение силы социализма во всем мире, а своими призывами, обращениями к воле народов она закладывает основы мира, который будет свободен от всех следов империализма. Ближайшей задачей, которую выполнит русская революционная демократия, будет организация встречи социалистов-интернационалистов всех стран<sup>32</sup>». При этих словах все присутствовавшие в зале, за исключением маленькой непримиримой группы, сидевшей в темном углу, поднялись со своих мест с долго не умолкавшими приветственными возгласами в честь эсеровского лидера. Председатель позвонил в колокольчик, и делегаты один за другим покинули зал, чтобы подать голоса. Вотум доверия коалиционному правительству был принят большинством 543 голосов против 126<sup>33</sup>. Тем самым блок «революционной демократии» в составе Совета получил поддержку.

Последующие недели должны были показать, оправдывает ли себя доверие масс к коалиции, или скептицизм Кронштадта относительно влияния, которое русская «революционная демократия» рассчитывала оказать на Западную Европу одними лишь словами, будет подтвержден суровыми фактами жизни.

<sup>32</sup> Ср.: «Если раньше можно было думать, что капитал есть абсолютно космополитическая сила, не знающая отечества, то вся эволюция, эволюция последних лет, показала, что... капитализм выявил свой глубоко национальный лик, переплелся, сросся с классовым национальным государством. <...> Ясно для всех, что российская революция или перешагнет ... узкие национальные рамки своего существования ... и тогда не только она, но и все лозунги, в ней заключенные, спасены. Если же этого не случится или слишком поздно случится, тогда российской революции грозит опасность задохнуться ... в этих ограниченных национальных рамках» (Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Т. 1. С. 98). Дальнейшая цитата, которую приводит автор, является обобщением речи Чернова (Там же. С. 98–110).

<sup>33</sup> Речь идет о резолюции, предложенной съезду фракцией меньшевиков и эсеров. Кроме голосов «за» и «против» 52 — воздержались.

#### 4. Крах первой коалиции

Вскоре выяснилось, что коалиционное правительство стоит перед почти безнадежной задачей. Для того чтобы приостановить разложение армии и воспрепятствовать тому, чтобы классовая борьба принимала формы, которые могли нарушить единство России, следовало полностью, пункт за пунктом, осуществить революционную программу, изложенную блоком партий Совета на Первом Всероссийском съезде. Керенского, военного министра первой коалиции, солдаты, как на фронте, так и в тылу, без сомнения, любили. Этой популярностью он обладал потому, что в нем видели олицетворение «нового русского духа», который создал революционную программу мира и, как предполагали, проведет ее в жизнь. Чтобы показать русским массам, что революция — есть нечто большее, чем пустая фраза, что царские тайные договоры принадлежат прошлому, что война, которая в представлении масс неразрывно связана с царизмом и угнетением, не будет продлена ни на минуту ради того, чтобы союзники России могли совершить аннексии, договорились, что умеренные социалисты, образовавшие блок в Совете, войдут в коалиционное правительство. Это должно было стать залогом того, что указанная программа будет выполнена. Задача Керенского состояла в том, чтобы объяснить солдатам, что от них не потребуется никаких жертв, кроме тех, которые необходимы для установления мира без завоевания территорий и репараций и обеспечения самоопределения наций. Задачей его коллег в Совете было позаботиться о принципиальном принятии этой программы союзниками. Если бы эта задача потерпела неудачу, то русский солдат потерял бы всякую веру в честность союзников и в их заверения, что они борются против прусского милитаризма, руководствуясь совершенно бескорыстными мотивами, и если бы это случилось, то это — рано или поздно — означало бы разложение и исчезновение армии. При этом не нужно забывать, что русский крестьянин чаще всего не умел ни читать, ни писать и не был отравлен пропагандой буржуазной прессы, запугивавшей читателя всевозможными ужасами вражеского вторжения — пропагандой, которая составляла такое сильное оружие капиталистической машины других воюющих стран.

Каждый, кто внимательно наблюдал в то время подспудные изменения настроений русских людей, не мог не понять, что союзники находились в крайне тяжелом и щекотливом положении, которое требовало от них максимального такта и мудрости. В их власти действительно было использовать русскую революцию как средство для пропаганды в Германии, с тем чтобы воодушевить тамошние революционные элементы и одновременно

изолировать прусскую военную клику в самой Германии. Без сомнения, существовали определенные шансы на то, что революционный дух распространится на Германию и ослабит там «волю к победе». Даже в военных воспоминаниях Людендорфа<sup>34</sup> содержится упоминание об этом. Ибо если прусские юнкера приветствовали распад старой русской армии, то они в то же время с ужасом думали о возможности создания пролетарской диктатуры и Красной армии в непосредственном соседстве со страдающими, уставшими от войны массами Германии. Уже умеренное в начале революционное движение, развернувшееся между февралем и октябрём 1917 г., не могло понравиться людям типа Людендорфа. Если большевистские красные армии были изобретениями дьявола, то организованные меньшевиками международные конференции в Стокгольме — изобретением черта размером поменьше. «Мы попали в ловушку, поставленную нам Антантой; я был против этих поездок», — пишет Людендорф в своих воспоминаниях о войне, касаясь участия делегатов немецких социалистических партий в заседаниях комитета по подготовке к созыву Стокгольмской конференции. И действительно, решения рейхстага и «прощупывания насчет мира», которые, с помощью Ватикана, как посредника, проводили Лондон и Берлин летом 1917 г., был не чем иным, как попыткой буржуазии Западной Европы выхватить инициативу мирных переговоров у тех политических элементов Европы, которые хотели, чтобы конец войны совпал с началом новой социальной эры<sup>35</sup>.

К началу весны 1917 г. было ясно, что Советы проводят внешнюю политику, которая угрожает тайным договорам. Союзники должны были, таким образом, считаться с появлением нового противника, который, благодаря своим идеям, будет не менее опасным, чем прусский противник с мечом в

<sup>34</sup> Людендорф Э. (1865–1937) — немецкий генерал, заместитель начальника германского Генштаба в 1916–1918 гг.

<sup>35</sup> Этот взгляд находит новое подтверждение. В одной статье официозной «Дойче альгемайне Цайтунг» от 29 февраля 1920 г. бывший канцлер Т. Бетман-Гольвег сообщает о беседе, которую имел папский нунций 20 июня 1917 г. с кайзером в немецкой штаб-квартире. В этом интервью кайзер заявил, что он приветствует предпринятые папой шаги к миру. «Международная организация церкви, — сказал он, — делает ее наиболее подходящей для того, чтобы пропагандировать идею мира в условиях войны, которую ведут так много наций. Другая большая международная организация, — продолжал он, — организация социалистов, кажется, поняла важность этой пропаганды. Если распознали опасность, какую представляла бы обособленная деятельность социал-демократии, и если бы решили дать ей отпор, то нужно призвать католическую церковь выступить со своей стороны. Интересам церкви отвечало бы — и он, как правитель страны, исповедующий протестантство, признает это, — если бы путь к миру был проложен не социалистами, а папой».

руке. Таким образом, обе воюющие империалистические группировки Европы были действительно склонны в течение лета 1917 г. пересмотреть свои военные планы и даже скрытно прозондировать друг друга насчет возможности заключения мира. Как теперь установлено, тогда происходили тайные переговоры между союзниками и Австрией с целью побудить последнюю порвать союз с Германией. Эти переговоры кончились безуспешно, ибо Германия была еще достаточно сильна, чтобы держать Австрию в узде. «Реальные политики», как в Англии, так и в Германии, исходя из того, что война уже достигла «мертвой точки», перешагнула ее и угрожает теперь экономическому равновесию Европы, предпринимали другие неофициальные шаги в смысле «мирного наступления», надеясь достичь мира между обоими империалистическими лагерями за счет русской революции. Большое впечатление произвела тогда в России речь Ллойд Джорджа<sup>36</sup>, в которой он дал понять Германии, что если она хочет заключения мира, она поступила бы хорошо, если бы, прежде всего, подумала о том, как прийти к соглашению с Россией. Правительства обеих сторон, как союзников, так и центральных держав, явно чувствовали себя обеспокоенными распространением взглядов на внешнеполитические вопросы, подобных тем, какие высказывали Советы. Казалось, что те и другие, независимо друг от друга, пришли к решению сорвать проведение Стокгольмской конференции социалистов. Так и произошел тот ошеломляющий спектакль, когда союзные правительства презрительно отвергли Стокгольмскую конференцию как «орудие немецких интриг», а прусские полководцы, со своей стороны, осудили ее как «ловушку, поставленную союзниками».

Причины, в силу которых летом 1917 г. мир между союзниками и Германией не был заключен, до сих пор еще не вскрыты. Одно, во всяком случае, твердо установлено, а именно то, что союзники в середине июня придерживались той точки зрения, что немецкие империалисты представляли собой, по крайней мере в тот момент, большую опасность, чем русские революционеры. Их, без сомнения, укрепило в этом мнении то обстоятельство, что Советы после их первого съезда попали в руки тех социалистических партий России, которые, будучи готовы на компромиссы, ни в коем случае не решались извлечь логические выводы из своих убеждений. Относительная слабость большевиков и относительная незначительность «Кронштадтских оазисов» укрепили их в убеждении, что они, несмотря ни на что, имеют теперь русскую революцию «в кармане» и могли бы продолжить войну с немецкими империалистами на основании тайных договоров.

<sup>36</sup> Ллойд Джордж Д. (1863–1945) — премьер-министр Великобритании в 1916–1922 гг.

Именно в конце июня буржуазная пресса России ревностно подхватила идею наступления против Германии, а стимулом для этого послужило появление многочисленных «миссий» союзников в Петрограде.

Причина для наступления лежала не в военной области. Русской буржуазии и союзническим военным миссиям было известно, что русская армия не способна к наступлению и что, даже если бы вражеская территория была занята, эта армия, из-за отсутствия технического оснащения, была бы совершенно не в состоянии удержать завоеванное. Причины наступления имели, таким образом, чисто политический характер. С помощью наступления надеялись достигнуть сплочения мелкой буржуазии и интеллигенции (которые и без того, при помощи меньшевиков и эсеров, в значительной мере держали Советы в своих руках) с крупной буржуазией, а затем добиться принятия программы мира, выдвинутой союзниками. Если наступление будет успешным, то волна патриотизма толкнет мелкую буржуазию вправо и, таким образом, «кронштадтцы» и большевики будут изолированы. Если же наступление потерпит крах, то эту неудачу можно будет использовать как предлог, чтобы вновь ввести в армии смертную казнь и палочную дисциплину, существовавшую во времена царизма. Каждый, кто внимательно следил в те дни за русской буржуазной прессой, должен был прийти к убеждению, что истинная причина июньского наступления заключалась не столько в том, чтобы ударить по немцам, сколько в том, чтобы поразить внутреннего врага.

Идея начать наступление против немцев исходила от буржуазных членов коалиционного правительства, действовавших под влиянием партий центра. Все было заранее тщательно подготовлено союзными миссиями. Был сделан намек, что финансовая помощь не заставит себя ждать, если Россия докажет, что она «действует всерьез». Присутствие комиссии Рута, которая благоразумно держалась в тени, производило впечатление, что Америка присутствует, чтобы оказать щедрую помощь, и что опасение, будто страна в случае продолжения войны окажется совершенно истощенной, неосновательно.

Члены правительства — социалисты действовали и вели себя при этом так, как обычно это делают социалисты, заключившие союз с буржуазией — они взирали на события и поступали теми принципами, для защиты которых их, в сущности, послали в состав правительства. На одном закрытом заседании Президиума I Всероссийского съезда Советов, в последней неделе июня вождь меньшевиков Церетели капитулировал перед лицом требований, выдвинутых буржуазными партиями правительства, возглавляемого кадетами. Последние потребовали от Совета согласия не только на наступление на фронте, но и на разоружение части Петроградского гарнизона,

посылки оставшейся части солдат на фронт, замену их «надежными» батальонами казаков и офицеров, а также разоружения всех рабочих в пределах Петрограда и его уезда<sup>37</sup>.

Церетели добился на заседании президиума принятия своей резолюции и получил, таким образом, официальную санкцию Совета на проведение политики, намеченной буржуазными партиями. Но это событие имело для «революционной демократии» в Советах зловещие последствия. Если бы она честно преследовала те цели, которые громогласно провозглашала, то, прежде чем дать какую-либо санкцию такого рода, она должна была настоять на выполнении тех условий, на которых направила в состав коалиционного правительства своих членов. В этот критический момент Советы были вправе потребовать гарантии того, что союзники официально заявят о своем согласии на созыв Стокгольмской конференции. Они были также вправе потребовать от союзников заявления об условиях мира, соответствующих революционной программе. Только имея такие гарантии и заявления, можно было решиться дать согласие на наступление. Но этот драгоценный момент был упущен. После этого буржуазные члены коалиционного правительства получили возможность заявлять о молчаливом согласии «Совета» на наступление; большевики же могли теперь сказать, что «революционная демократия» в Советах предала рабочих и солдат, ибо она не настояла на выполнении тех условий, на которых была создана первая коалиция.

Передовая часть Петроградского и Кронштадтского советов и все те элементы, которые находились вне «революционно-демократического блока», не упустили случая извлечь пользу из создавшегося положения. Большевики и анархисты знали, что все интриги, предпринимаемые с целью вызвать переход армии в наступление, и капитуляция меньшевистских министров в конечном счете льют воду на их мельницу. Еще до того, как I Всероссийский съезд Советов закончил свою работу, были предприняты шаги, чтобы вывести рабочих и гарнизон Петрограда на улицы для участия в демонстрации против коалиционного правительства. Первый толчок исходил при этом от анархистов, которые, с целью подтолкнуть события, осуществили с кучкой вооруженных людей захват типографии буржуазной газеты «Русская воля» и роскошной виллы Дурново<sup>38</sup> в одном из северных предместий города. Таким способом они хотели показать правительству, что, если оно будет продолжать цепляться за план наступления, это вызовет волнения. Не меньшую

<sup>37</sup> Прайсу сообщил об этом в свое время один из тех, кто присутствовал на этом заседании.

<sup>38</sup> Дурново П.Н. (1845–1915) — министр внутренних дел Российской империи в 1905–1906 гг.



роль играло при этом и явное намерение оказать давление на большевиков, которые тогда колебались в выборе наиболее приемлемой для себя тактики. В конце концов было решено выяснить настроение рабочих и солдат путем проведения демонстрации протеста. Большевики и анархисты выступали при этом вместе, так как и те и другие придерживались тактики, рассчитанной на то, чтобы оказывать влияние на общественное мнение с помощью массовых демонстраций. Меньшевики и эсеры поначалу сторонились развернувшегося движения петроградских рабочих и солдат и отказывались поддерживать проведение демонстраций. Но точно так, как большевики дали анархистам увлечь себя за ними, так и блок в Совете предоставил большевикам и анархистам возможность толкнуть себя вперед. В конечном счете меньшевики и эсеры, чтобы не выпустить масс из своих рук, заявили о готовности взять на себя организацию демонстрации.

На 1 июля (18 июня) была подготовлена большая манифестация. С предприятий, рабочих мест и казарм массы стекались тысячами, и с 11 часов дня до позднего вечера бесконечный поток демонстрантов разливался по Марсовому полю, мимо могил павших в феврале. Хотя демонстрантов вели меньшевики и эсеры, они несли знамена и транспаранты большевиков. Большинство лозунгов было обращено к солдатам и призывало их, действуя по собственному почину, заключать в окопах мир с немецкими солдатами. А немецких солдат лозунги призывали, в свою очередь, не выполнять приказов своих начальников. Только несколько меньшевистских транспарантов призывало к «конституционным» средствам, как, например, к тому, чтобы достичь всеобщего демократического мира при помощи Стокгольмской конференции. Но уже было ясно, что значение, которое придавалось Стокгольму в глазах масс, быстро падало, во всяком случае, если говорить о настроениях в Петрограде. Чрезвычайно характерно — и это бросалось в глаза, — что различные транспаранты, которые несли большевистские группы, имели надпись: «Долой капиталистическое правительство Керенского! Вся власть Советам, чтобы обеспечить созыв Учредительного собрания!».

День, последовавший за большой демонстрацией, 2 июля (19 июня), был одним из поворотных пунктов в истории революции. В середине дня пришло известие, что Керенскому удалось побудить войска, стоявшие на Юго-Западном фронте, начать наступление против австрийских позиций. К полудню несколько линий окопов и ряд местечек были уже в руках у русских. Психологическое воздействие этого известия на Петроград последовало немедленно, и было очевидно. Тысяча уставших от войны рабочих, которые вот уже свыше трех лет читали сообщения Генерального штаба о военных действиях, которые должны-де «освободить их от германской угрозы»,

пришли к заключению, что, чем бы ни кончилась война, они останутся обездоленными и нищими, если не возьмут свою судьбу в собственные руки. Эти тысячи, только что выступавшие за всеобщий компромиссный мир между народами, внезапно увидели, что все их надежды терпят крушение, и это побудило их к зловещему молчанию. Сторонники блока «революционной демократии» в Петроградском совете имели озабоченный вид и не говорили ни слова. Их официальный орган «Известия» опубликовал длинную тусклую статью, которая отчасти защищала наступление, отчасти представляла собой самозащиту, указывая на то, что речь идет о наступлении не как о принципиальном вопросе, а как о техническом деле, решение которого должно быть предоставлено военным специалистам. Начало наступления все же свидетельствует, указывалось в статье, о военном сотрудничестве между революцией и союзниками, — теперь нужно-де прийти и к честному политическому единению. Россия сделала свое дело, теперь очередь за союзниками.

Слишком поздно! «Революционная демократия» попала в ловушку. Она частью из-за доверчивости, частью из страха перед русской буржуазией и посольствами союзников не настаивала на выполнении условий, которые лежали в основе первой коалиции. Подобно Гамлету она провозгласила лучшие намерения и самые благородные желания, но, когда настал момент действовать, испуганно отшатнулась. Революционную драму должны были продолжать играть другие, люди с более ясной головой и более твердой волей. Наступление, начавшееся 2 июля (19 июня), было первым признаком разложения «революционной демократии».

В лагере русской буржуазии запели в этот день триумфальные песни. Масса хорошо одетых людей обступила здание газеты «Новое время», чтобы прочесть специальные телеграммы с фронта. Возникали шествия офицеров и студентов. И они несли красные знамена, сильно отличавшиеся, однако, от знамен предыдущего дня. Теперь лозунги гласили: «Война до победного конца! Да здравствуют наши великие союзники! Доверяйте Временному правительству!» Офицеры, переодетые в простых солдат, со ступеней Казанского собора обращались с речами к стоявшим перед ними группам людей, пытаясь повлиять на общественное мнение. Излюбленным пунктом этих проповедей буржуазии было указание на женские батальоны в Красном замке, где обучалось некоторое количество деревенских девушек. Эти так называемые женские батальоны смерти были созданы на деньги, пожертвованные богачами, с целью «подпереть» с тыла войска на фронте. Их заставляли маршировать мимо уставших от войны фронтовиков, которые после долгих четырех лет страданий застревали в Петрограде в надежде, что Стокгольмская конференция разрешит им вернуться в родные края законным

путем. По-видимому, при этом рассчитывали, что ораторы, указывая на этих бедных девушек, которые, находясь в тисках нужды, пошли в эти части, скажут уставшим от войны солдатам: «И не стыдно вам прятаться в тылу, когда женщины идут на фронт?»

Но что же происходило в массах? Я получил некоторое представление об этом через несколько дней после начала наступления, посетив Балтийский флот в Гельсингфорсе. Меня взяли с собой на встречу депутатов солдатских и матросских Советов части гарнизона и флота в районе крепости Свеаборг. В большом деревянном зале, в центре скалистого острова, перед слушателями, которые состояли из делегатов всех линкоров, крейсеров, эскадренных миноносцев и батарей береговой артиллерии, выступали представители меньшевиков и эсеров. Ораторы изошрялись в самых общих выражениях на тему о подготовке к Стокгольмской конференции. Когда они умолкли, возникла длинная и мучительная пауза. Наконец кто-то спросил, почему Советы не держат в рамках министров-капиталистов, входящих в состав коалиционного правительства. Другой спросил, кто им может поручиться, что кровь русских солдат и матросов не прольется ради империалистических захватнических планов правительств союзников. Третий спросил, не расценят ли в союзных странах наступление как признак того, что Россия отказалась от своей революционной программы мира. На все эти вопросы меньшевистские ораторы отвечали указанием на предстоящую международную конференцию социалистов в Стокгольме, которая является-де гарантией того, что русская кровь не прольется за империалистические интересы. «А что будет, если Стокгольмскую конференцию не соберут, “просаботируют”?» — настаивал чей-то голос. «Присутствие представителей “революционной демократии” в коалиционном правительстве дает гарантию того, что конференция состоится», — ответил оратор-эсер. Матросы и солдаты расходились с мрачными лицами; по-видимому, они были мало убеждены тем, что им говорили. Вечером, когда я находился в зале Гельсингфорского совета, я услышал, что экипажи трех военных кораблей только что приняли решение призвать Балтийский флот направиться в Петроград и провести там демонстрацию против «капиталистического правительства», которое проливает русскую кровь в интересах господствующих классов Англии и Франции. Совет тотчас же поручил члену эсеровской партии отправиться на корабли и побудить экипажи пересмотреть свою позицию. Я пошел с ним. За 20 минут мы пересекли на паровом баркасе голубые воды залива, приблизились к военным судам. Офицер без погон, державшийся скромно, встретил нас и направил к членам судового Совета, представлявшего, очевидно, единственную власть на борту. Уполномоченный из Гельсингфорса сказал, что действия, предусмотренные в резолюции, приведут к гражданской войне

в России. «Ответственность за гражданскую войну будут нести те, — последовал ответ, — кто предал русский народ, который им доверял!» «Не скажет ли нам этот англичанин, заявит ли английское правительство о своем согласии с принципом мира без аннексий и контрибуций и с правом национального самоопределения?» — спросил большой, коренастый матрос, показав при этом на меня. Я сказал, что, насколько мне известно, официально русская программа мира не принята ни одним союзником России и что я со своей стороны сомневаюсь в том, что она будет принята. Обсуждение приняло бурный характер, и временами казалось, что меня и эсеровского делегата арестуют и будут держать как заложников с тем, чтобы принудить союзников и коалиционное правительство России хорошо себя вести. Но горячие головы на этом корабле скоро одумались, когда услышали, что остальная часть флота пойдет против них в случае, если они будут действовать опрометчиво. Нам было поэтому разрешено уйти с миром.

Войска Юго-Западного фронта продвигались вперед в течение нескольких дней. Галич и Станислав были взяты русскими. Но на горизонте уже сгушались тучи. Дело было не только в том, что солдаты тыловых гарнизонов сопротивлялись отправке на фронт, а петроградские рабочие не хотели сдавать своего оружия, но также и в том, что умеренные демократические и мелкобуржуазные элементы среди народностей, населяющих западные области России, становились беспокойными. Украина и Финляндия стали теперь очагами недовольства. Как в Гельсингфорсе, так и в Киеве имелись значительные партии и группы, которые, хотя и не имели ничего общего с большевизмом и революционным социализмом, все же являлись заклятыми врагами старой империалистической России и были полны недоверия по отношению к коалиции Керенского, которую они рассматривали как открытое продолжение царизма.

Интеллигенция, ремесленники и мелкая буржуазия этих окраинных государств, которые раньше видели в тяжелой длани царского Петрограда помеху для применения своих способностей, которые приветствовали Февральскую революцию, как провозвестницу окончания войны, уже опасались того, что все останется по-старому, что Керенский является лишь орудием в руках союзников и что он, под предлогом войны для разгрома прусского милитаризма, находится на пути к возрождению царизма. Вот чем объясняется то, что многие элементы, ни в коей мере не являвшиеся большевистскими, к этому времени пошли вместе с Лениным. Национал-демократические партии Финляндии и Украины выступали с требованиями автономии, которые были чрезвычайно близки к требованиям полной независимости. В этих требованиях их поддерживали большевики и другие прогрессивные рево-



Проводы женского батальона в Москве. Лето 1917 г.

люционные элементы в самой Великороссии, и не потому, что большевики хотя бы в какой-то степени симпатизировали национальным стремлениям этой мелкой буржуазии, а потому, что они видели в них скорее оружие, чтобы победить великорусскую контрреволюцию и ее опору — иностранный империализм.

В ближайшие дни, последовавшие за началом наступления на Юго-Западном фронте, финские социал-демократы внесли в палату депутатов законопроект, который должен был гарантировать Финляндии полную независимость во внутренних делах страны.

Вопросы внешней политики планировалось передать смешанной комиссии русских и финнов. Подобное движение происходило и в Киеве, где украинская Рада или Совет национал-демократических партий издали «Универсал», в котором объявлялись независимыми 6 губерний Юго-Западной России. Центральный совет в Петрограде<sup>39</sup> тотчас же направил двух своих членов, Авксентьева<sup>40</sup> и Церетели, одного в Финляндию, другого — на Украину. Как представители «революционно-демократического блока» они думали, что революционные завоевания могут быть защищены без большевистских методов прямого действия и без распада России на ее национальные составные части. Они подавляли поэтому «преждевременные»

<sup>39</sup> Имеется в виду Центральный исполнительный комитет Советов (ЦИК), избранный на I съезде Советов летом 1917 г.

<sup>40</sup> Авксентьев Н.Д. (1878–1943) — министр внутренних дел Временного правительства в июле — сентябре 1917 г.

попытки добиться автономии и независимости, ссылаясь на то, что федеративная демократическая Россия может быть создана лишь Учредительным собранием. Как Авксентьев, так и Церетели возвратились назад, не убедив националистов, которые, напротив, еще громче выступили с призывами: «Долой великорусскую контрреволюцию, долой войну, начатую царем и продолжаемую его союзниками!»

Я очень хорошо помню интервью, которое я получил в то время у члена тогдашнего финского правительства, одного из лидеров социал-демократов, сенатора Токой<sup>41</sup>. «Я боюсь, что Советы мало что значат в коалиционном правительстве России, — начал он. — Керенский полностью находится в руках Англии и Франции. Россию понуждают продолжать войну, не давая ей каких-либо гарантий. Это означает, что те же самые стратегические соображения, которыми руководствовалась царская Россия в своем отношении к демократам окраинных государств, с необходимостью окажут свое влияние и на коалиционное правительство. Внутреннее развитие Финляндии наткнулось на преграды, ибо хотя она фактически и не находилась в состоянии войны, но все же несла тяжелое финансовое бремя, в результате занятия Финляндии русскими войсками. Испытывая такого рода финансовое бремя, мы не можем проводить социальные реформы, в которых нуждается наш народ. Поэтому мы держимся того мнения, что Финляндия во всяком случае имеет право на безусловную независимость во внутренних делах». Эти слова были типичными для позиции демократов окраинных государств в то время.

Распад первого коалиционного правительства начался 16 (3) июля<sup>42</sup>. Члены правительства — кадеты ускорили кризис своей отставкой, которую они обосновали тем, что оппозиция Совета и центробежные стремления окраинных государств ослабляют мощь России, необходимую для продолжения войны. В одиннадцатом часу, когда наступление уже началось, революционная демократия в Советах нашла наконец подходящий случай, чтобы предпринять предупредительные меры против саботажа революции со стороны буржуазных членов правительства. Исполнительный комитет Центрального совета потребовал отставки министра просвещения Мануйлова<sup>43</sup>, который, с того момента, как занял свой пост, не принял никаких мер, чтобы изменить преподавание в школе, в сравнении с тем, что было при царизме.

<sup>41</sup> Токой О. (1873–1963) — глава финского парламента в 1917–1918 гг.

<sup>42</sup> Отставка кадетов произошла 15 (2) июля 1917 г.

<sup>43</sup> Мануйлов А.А. (1861–1929) — министр народного просвещения Временного правительства.

Исполком потребовал также от министра торговли Коновалова<sup>44</sup> принять меры к обеспечению государственного контроля над главными отраслями промышленности. Характерно, однако, что исполком не предпринял никаких шагов, чтобы провести в жизнь требования в области внешней политики, выполнение которых ему было обещано. Желая нанести в отместку за эти запоздалые меры свой ответный удар, кадеты в полном составе вышли из правительства. Вместе с этим всплыл решающий вопрос — расценит ли революционно-демократический блок в Центральном совете этот «переворот», произведенный крупнейшей буржуазной партией России, как доказательство того, что «священный союз» более невозможен. И, в этом случае, сочтет ли он момент назревшим для того, чтобы власть перешла в руки Совета, как этого желали большевики и их сторонники на фабриках и на Балтийском флоте? Именно этот вопрос вставал на очередь.

Несколькими днями позже, 20 (7) июля<sup>45</sup> негодование солдат и масс петроградских рабочих, которое до того было скрытым, прорвалось наружу. Оно было вызвано двойной игрой, какую разыгрывали за их спиной с того дня, когда они вышли на демонстрацию на Марсово поле. Как обычно бывает, когда политическая атмосфера накалена, было достаточно одной искры, вспыхнувшей в любом пункте, чтобы поджечь пороховую бочку. В то время в Петрограде было немало солдат в возрасте 40 лет и старше, которых отпустили из армии для полевых работ в северных провинциях. Теперь эти люди получили приказ принять участие в наступлении. Можно себе представить действие, какое оказал этот приказ коалиционного правительства! После того, как они три года подряд переносили страдания и лишения в войне за ненавистный царизм, им было сказано, что мир стоит на пороге. Те несколько дней, которые они провели у своих домашних и на уборке урожая, лишь удесятирили их жажду мира. И вот они неожиданно узнают, что им приказано вернуться на фронт, и притом без малейших шансов на то, что война закончится скоро. Надо было заглянуть в души этих людей, чтобы понять истинное значение того, что произошло после этого в Петрограде и в других частях страны. Эти сорокалетние солдаты вышли на улицу вместе с пулеметным подразделением, движимые инстинктивным ощущением, что нужно свести счеты с вождями, которые их предали. Прежде всего, надо было свести счеты с «революционно-демократическим» блоком в Совете. Итак, они направились к Таврическому дворцу, на их пути туда к ним присоединялись

<sup>44</sup> Коновалов А.И. (1875–1949) — министр торговли и промышленности Временного правительства.

<sup>45</sup> Имеются в виду события июльского кризиса 3–5 июля 1917 г.

группы заводских рабочих, не менее проникнутых чувством горечи, чем солдаты. Кронштадтские матросы, охваченные как никогда нетерпеливой жаждой действий и в то же время обрадованные известием, что Петроград, наконец, пробуждается, послали судно со своими людьми, чтобы поддержать демонстрацию. По дороге они остановились перед штабом большевиков, расположенным неподалеку от Петропавловской крепости, и побудили выйти к ним Ленина, который должен был выступить перед ними. Перед лицом уже совершившегося факта Ленин призвал их провести мирную манифестацию под лозунгом «Вся власть Советам!». В полдень перед Таврическим дворцом собралась громадная толпа. Люди требовали, чтобы к ним вышли вожди блока партий в Совете. Когда они появились, их встретили возгласами: «Вся власть рабочим и солдатам!» В Совет были посланы делегации с запросом, возьмет ли он в свои руки революционную власть вместо коалиционного правительства, которое в результате выхода из него кадетов потерпело крах. Наступил момент, когда надо было решать. Готов ли революционно-демократический блок ответить на этот главный вопрос и возьмет ли он власть в свои руки? Минуты проходили в молчании, и ответа все не было, поведение солдат, матросов и рабочих становилось все более угрожающим. «Демос», которого подобно дикому зверю держали за решеткой, клокотал и пригнулся, готовый к прыжку. Меньшевицские и эсеровские вожди даже в тиши своих уединенных залов для заседаний могли слышать доносившийся туда его гневный ропот. Они совещались всю ночь напролет, в поисках выхода между разъяренным зверем большевизма и алчущим тигром буржуазии. Шли часы. Они видели невозможность ускользнуть и должны были всю ночь искать выход из положения осажденных, в котором они оказались. И все же они никак не могли прийти к какому-либо решению. Они понимали, что время для коалиции на старой основе прошло, так как она надсмеялась над оказанным ей доверием. Они со страхом отшатнулись от того, чтобы стать свидетелями перехода власти в руки буржуазии, у которой в тех самых комнатах, где они теперь сидели, восставшие рабочие и солдаты выхватили было ее в первые дни революции. Но еще больше они опасались перехода власти в свои собственные руки. Они решили поэтому примирить, успокоить обе стороны, попытка, которая имела лишь тот результат, что они еще более восстановили против себя обе стороны. Все уже становилась лежавшая перед ними дорога; слева и справа от нее открывались бездонные пропасти.

Но и «демос» не знал, что ему делать. Революционная демократия колебалась, но никто не решался предложить прогнать ее из Таврического дворца и поставить на ее место революционный комитет, который был бы создан народом. К тому же ходили слухи, что не весь гарнизон охвачен ре-



волюционным духом и, действительно, некоторые полки объявили о своем «нейтралитете». О Керенском говорили, что он заручился поддержкой некоторого количества надежных казаков и слушателей кадетского корпуса, которые готовы выступить против «анархии», и что, кроме того, с фронта отозван в Петроград Волынский полк, слывший «надежным». Горечь «демоса» еще не достигла той точки, когда все ставят на карту; энтузиазм еще не был так велик, чтобы решиться на все, не задумываясь о последствиях. Массы, собравшиеся перед дворцом, начали таять. Они удовлетворялись тем, что проехали по городу на броневиках и дали пулеметные очереди в воздух в надежде, что Керенский прислушается к голосу пролетариата, его протесту против наступления на фронте и разоружения рабочих, к его требованию о заключении мира без аннексий. Но Керенский не слышал их голоса, не слышали его и его генералы, прежние слуги царя. Остались совершенно глухими и иностранные посольства. Так был растрочен впустую преждевременный и бесполезный взрыв революционной силы России. Ожесточенный «демос» должен был еще подождать, — его время еще не пришло. То, что он допустил слишком раннюю пробу сил, привело к его первому поражению, но тем самым он получил и первый урок на будущее.

Для русской буржуазии и посланников союзников это была пиррова победа. Их попытка использовать в своих целях революционный дух русской армии обернулась ошибкой, ибо разложение войск было благодаря этому только ускорено.

27 (14) июля я присутствовал на интересном заседании Исполнительного комитета Центрального совета<sup>46</sup>, на котором выступали депутаты различных солдатских Советов с фронта. Их выступления проливали свет на состояние духа войска накануне наступления. Из речей ораторов можно было заключить, что Керенскому лишь с величайшими усилиями удалось вообще осуществить наступление. Ораторов кадетов и других буржуазных партий, пытавшихся побудить солдат к переходу в наступление, во многих местах прогоняли прочь, окунали в колодцах, и им приходилось дрожать за свои жизни. Только один Керенский, поддержанный эсеро-меньшевистскими лидерами солдатских Советов в округах, был в состоянии оказать какое-то влияние. Да и он мог добиться того, что его вообще слушали только благодаря обещаниям, что это наступление будет действительно последним и мир будет тогда обеспечен. Его все время прерывали, как рассказывали, возгласами: «Скажи нам, за что мы воюем?» Немцы очень умно использовали брата-

<sup>46</sup> Скорее всего, речь идет о совместном заседании малого Совета солдатской секции и представителей батальонных комитетов 12 июля 1917 г.

ния для того, чтобы внушить русским солдатам, что они борются только за союзников, заключивших ряд тайных договоров с царским правительством. Керенского то и дело спрашивали, что содержат эти тайные договоры. Его спрашивали: отказывается ли коалиционное правительство от участия России в этой сделке и отказывается ли оно от притязаний на Константинополь? Он мог на это ответить лишь, что пока союзники не опубликовали относящуюся к ним часть договоров, публикация их коалиционным правительством означала бы нарушение правил вежливости. Он был в состоянии указать лишь на то, что Стокгольмская конференция прольет свет на окруженную тьмой сущность этих тайных договоров.

Благодаря личному влиянию Керенского с большим трудом удалось, наконец, получить согласие части армии на это последнее наступление. Полки, готовые к наступлению, были особо выделены из состава войск, усилены особыми ударными батальонами, которые состояли из офицеров, кадетских корпусов, «Дикой татарской дивизии»<sup>47</sup> и казаков. Остальные части войска полностью отказались продвинуться хотя бы на дюйм вперед и заявили, что они устали от войны, хотят идти домой и желают разделить земли помещиков.

Именно в такой обстановке, как рассказывали ораторы, и началось наступление. Австрийцы, застигнутые этим наступлением врасплох, были отброшены на несколько миль, а местечки и деревни — заняты. Но тогда возник вопрос, прибудет ли подкрепление, чтобы сменить войска, которые вели наступление. Часы проходили, но ни подкрепление, ни продовольствие, ни боеприпасы не прибывали. Немцы срочно послали австрийцам помощь, и в результате их контрудара русские позиции развалились как картонный домик. Затем последовало общее замешательство и бегство («*Sauv qui rent!*»<sup>48</sup>), причем это привело к грабежам и погромам. Хуже всего пришлось Тернополю, который был разграблен отступающими русскими солдатами. О Тернопольском погроме русская буржуазная пресса раструбила на весь мир, чтобы в противовес этим проявлениям упадка дисциплины похвалить мужество и дисциплину «вражеских» немецких войск и осыпать оскорблениями собственных солдат. Есть ли лучшее доказательство того, что классовое сознание постепенно становилось сильнее, чем национальная гордость?

После заседания я разговаривал с делегатами с фронта. Они заверили меня, что непосредственное влияние большевиков и анархистов на фрон-

<sup>47</sup> «Дикая дивизия» (Кавказская туземная конная дивизия) — кавалерийская дивизия, одно из соединений русской армии, сформированная 23 августа 1914 г.

<sup>48</sup> «Спасайся, кто может!» (*фр.*). (*Прим. пер.*)

те действительно очень невелико. Буржуазная пресса учила солдат видеть в большевиках немецких агентов, и они обращали мало внимания на большевистских агитаторов, когда те появлялись. На некоторых участках фронта большевикам было даже опасно показываться. Но при этом те самые люди, которые проклинали Ленина как немецкого агента, делали именно то, что им советовал Ленин, — они складывали оружие, братались с немцами и вели в своей среде беседы о социализме и об экспроприации помещиков.

Поражение на Юго-Западном фронте означало, что коалиционное правительство окончательно оказалось на краю гибели. Подобно Гамлету «революционная демократия», заседавшая в Совете, имела лишь благие намерения, но ничего больше, в то время как контрреволюция, олицетворяемая царскими генералами, собрала свои силы, а большевики, хотя временно и уступали еще в силах на попроще открытой борьбы, действовали в подполье более ревностно, чем когда-либо. Тем временем нормы выдачи хлеба по карточкам сокращались, железнодорожные поезда шли все более переполненными, и все больше предприятий останавливалось из-за нехватки сырья. Все ощущали, что Россия стоит на краю глубочайшей, головокружительной пропасти.

## 5. Московское совещание и мобилизация сил контрреволюции

Три факта, характерных для политического положения России в июльские дни 1917 г., запомнились мне особенно живо. Первый из них — это то, что все четыре «Думы» опять поднялись, как из гроба; второй — это капитуляция «революционной демократии» в Совете; третий — это все растущее и ставшее теперь уже ощутимым вмешательство иностранных посольств и миссий в русские дела. Все эти факторы имели отношение к событиям, последовавшим за поражением на фронте, развалом первого и образованием второго коалиционного правительства. Все эти события расчистили путь Корниловской авантюре.

24 (11) июля депутаты, заседавшие в четырех царских Думах, собрались вместе в Таврическом дворце. Уже одно это обстоятельство было чрезвычайно характерным, ибо эти корпорации, избранные на основе самого реакционного в Европе избирательного права, со времени революции не отваживались заявить о себе. Теперь они вдруг сочли себя вправе говорить от имени «русского народа». И то, что они заявили, было не менее поучительно. Я присутствовал на одном из заседаний депутатов четырех Дум. Пер-

вым взял слово пресловутый антисемит Пуришкевич<sup>49</sup>. Он потребовал немедленного упразднения Советов и введения военного положения по всей стране. Известный монархист Шульгин<sup>50</sup> был того мнения, что даже союз с умеренными социалистами из лагеря «революционной демократии» является слишком компрометирующим. Оратор кадетов Родичев<sup>51</sup> выступил за то, чтобы предоставить военным неограниченные полномочия для образования правительства. Но председатель Родзянко, который, прежде всего, интересовался реальными возможностями, не мог не учитывать, что революция создала учреждения, которые нельзя попросту устранить с дороги путем принятия резолюций.

Он указал, поэтому, на путь, ведущий к Учредительному собранию. Однако большинство членов Думы не хотели об этом и слышать. До тех пор, пока страна находится на военном положении, задача каждого гражданина состоит в том, чтобы отдать себя целиком участию в войне, а не препираться с другими насчет того, как провести демократические выборы. Выборы, считали они, дали бы большинство таким элементам, у которых в современных условиях недостаточно патриотизма и которые вместо того, чтобы думать о том, как выиграть войну, помышляют о том, как бы лишить собственности помещиков и подчинить фабрикантов контролю. Позиция четырех Дум в вопросе об Учредительном собрании была блестящим подтверждением той теории, что парламентские учреждения, равно как и Советы, являются орудиями классового господства. В июле 1917 г. русская буржуазия не хотела ничего слышать об Учредительном собрании, исходя из того хорошо продуманного вывода, что она не имела бы над ним никакой власти. Большевики же были согласны с созывом Учредительного собрания, ибо знали, что смогут его использовать, как средство для установления диктатуры городских рабочих пролетариата и безземельных крестьян.

В то время как четыре Думы устроили свое шумное театральное представление, Керенский старательно подготавливал образование нового коалиционного правительства. Скоро выяснилось, что основа нового коалиционного правительства должна отличаться от основы предшествующего. Буржуазные партии вкусили крови, и их аппетит при этом возрос. Совету пришлось теперь упорно бороться, чтобы вообще быть хоть как-то представленным в правительстве. Чтобы разрядить обстановку, Керенский 5 ав-

<sup>49</sup> Пуришкевич В.М. (1870–1920) — монархист, депутат IV Государственной думы.

<sup>50</sup> Шульгин В.В. (1878–1976) — монархист, один из лидеров фракции националистов в IV Государственной думе.

<sup>51</sup> Родичев Ф.И. (1854–1933) — комиссар Временного правительства по делам Финляндии в марте — мае 1917 г.

густа (23 июля) созвал в Зимнем дворце на берегу Невы конференцию. Здесь присутствовали представители кадетов, московских промышленников, четырех Дум и Центрального исполнительного комитета Советов. Кадеты и их союзники оставались непреклонными и требовали своего «фунта мяса»<sup>52</sup>. Они заявляли, что первая коалиция, возникшая на основе признания за Советами рабочих и крестьянских депутатов права на контроль за действиями правительства, потерпела крушение; «революционной демократии» в Советах представлялась полная возможность самой взять на себя образование правительства. Но поскольку она этого не делает, а напротив, сама обратилась к буржуазным партиям с призывом к сотрудничеству, — ну что ж, они готовы сотрудничать, но требуют за это свою цену. И она состояла в том, что ни один министр не должен подчиняться какой-либо входящей в коалицию политической партии или учреждению. «Пока безответственные организации претендуют на то, чтобы оказывать влияние на Временное правительство, — заявил Милюков от имени кадетов, — моя партия не будет иметь ничего общего со второй коалицией. Кто стоит за Чхеидзе? Только группа неисправимых демагогов, которые опираются на чернь». «А кого вы представляете? — спокойно возразил в ответ вождь Советов. — Никого, кроме группы неисправимых реакционеров, опирающихся на зарубежных империалистов!» Но «революционная демократия», подобно жиронде<sup>53</sup>, ограничивалась высокопарными словами. В данный момент она с ужасом отшатнулась от того, чтобы взять на себя ответственность за власть, которая оказалась бы в руках пролетарских диктаторов. Таким образом, она приняла условие кадетов о том, что члены новой коалиции «должны нести ответственность только перед своей собственной совестью» — удобная фраза, особенно для тех, чья совесть была достаточно гибкой. За Советом было оставлено только право обращаться с запросом к своим членам, входящим в правительство, которые раз в неделю должны были отчитываться о своей деятельности.

В 5 часов утра я ушел с заключительных сцен конференции в Зимнем дворце. Я прошел по большому, выходящему на Неву залу, в котором всего лишь год назад царь имел обыкновение обедать во всем великолепии своей царской власти. На этом же самом подиуме бывшие верноподданные разбитого самодержавия боролись теперь за унаследование власти. Служители дворцовых палат спали, лежа на полу. Полупустые стаканы несладкого чая

<sup>52</sup> Намек на требование Шейлока, ростовщика в пьесе У. Шекспира «Венецианский купец».

<sup>53</sup> Жиронда — умеренная республиканская партия во время Французской революции 1789–1799 гг.

стояли в беспорядке на столе, где мы за несколько часов до того наспех проглотили свой обед. Когда я вышел из дворца, тот серебристый свет севера, который освещает ночь в середине лета, упал на очертания Петропавловской крепости и окрасил воды Невы в ажурно-синий цвет. Петроград во всей своей летней роскоши приветствовал создание второго коалиционного правительства революционной России. Но что происходило по ту сторону этой переливающейся воды в темных переулках Васильевского острова? «Демос» вместе с «товарищем Лениным» находился за работой, чтобы создать нечто такое, что позднее заставит весь мир обратить к нему свои взоры.

Как только создание второй коалиции стало фактом, усилились и обострились нападки правых на революционную программу. От внимательного наблюдателя не могло ускользнуть, что нити контрреволюционного гнезда ведут к посольствам и миссиям союзных держав в Петрограде. Можно без преувеличения сказать, что одним из чувствительных ударов, который был направлен против «революционной демократии» в Совете, чтобы сделать неизбежной вторую революцию, исходил от союзников. В первые дни августа мы узнали из телеграмм о заявлении Ллойд Джорджа в одной из его парламентских речей, что представляется сомнительным, одобряет ли вообще Временное правительство России план созыва Стокгольмской конференции. Я не скоро забуду ту сенсацию, которую вызвала эта речь в России. «Революционная демократия» в Совете почувствовала, что означает на деле «коалиция» с кадетами и думцами.

Как выяснилось, прежнее русское посольство в Лондоне, представлявшее собой еще один пережиток царских времен, в ответ на поступивший от английского Министерства иностранных дел запрос о позиции Временного правительства в отношении Стокгольмской конференции выразило свое собственное мнение, равно как и мнение своих друзей, стоявших на правом крыле второго коалиционного правительства, и при этом представило дело таким образом, как будто оно являлось одновременно мнением Керенского и «революционной демократии», заседавшей в Совете. 3 августа (21 июля) после заседания Исполнительного комитета Центрального совета<sup>54</sup> я получил интервью у меньшевистского лидера и тогдашнего министра почт Церетели. Церетели дал мне ясно понять, что между Советом и вторым коалиционным правительством не существует никаких разногласий относительно необходимости Стокгольмской конференции, и если в Лондон попало из официальных русских источников сообщение, которое ставит под сомнение

<sup>54</sup> Скорее всего, имеется в виду заседание Исполнительного комитета Петроградского совета 19 июля, а 21 июля состоялось заседание фракции меньшевиков.

этот пункт, то в ответственных кругах Петрограда не разделяют эту точку зрения. Однако было ясно, что безответственные круги имелись как в Петрограде, так и в Лондоне, воодушевленные капитуляцией «революционной демократии» при образовании второго коалиционного правительства, они считали, что момент созрел для того, чтобы начать наступление и в области внешней политики.

Примерно через неделю последовало известие о том, что союзные правительства окончательно отказали членам социалистических и рабочих партий своих стран в выдаче паспортов для поездки на Стокгольмскую конференцию. Было очень интересно понаблюдать за реакцией на это известие со стороны различных классов, представляющих общественное мнение России. Буржуазная пресса Петрограда и Москвы восприняла это известие с бурным энтузиазмом. Благодарение богу! Наконец-то, говорила она, союзники положили конец «немецким интригам», которые были рассчитаны только на то, чтобы подорвать волю русского народа к победе. Сначала полный разгром Германии с помощью наших благородных союзников, и только тогда может идти речь о мире без аннексий и контрибуций! В таком тоне были выдержаны статьи того времени. В частных разговорах давала себя чувствовать всеобщее облегчение та мысль, что благодаря союзникам «революционная программа мира» получила смертельный удар и вновь открылась надежда извлечь из революции то, чего буржуазия хотела с первых дней — передать политическую власть в другие руки с целью более энергичного продолжения войны.

Радость в другом лагере была не меньшей. Большевики видели в этом развитии логическое претворение их теорий в жизнь. Мировая война, говорили они, является столкновением двух мощных группировок «финансового капитала», боровшихся между собой за мировое господство над неразвитыми народами; эти группировки употребляли всю свою огромную военную мощь для достижения этой цели. Само собой понятно, что ни одна из этих двух милитаристских группировок не могла быть сторонницей Стокгольмской конференции, на которой трудящиеся всех стран, выступающие как под революционными знаменами, так и под знаменами умеренного «реформизма», составили бы общую программу мира, чтобы покончить с войной и с системой, которая ее создала. Стокгольмская конференция не могла состояться с одобрения империалистических правительств, ибо последние не решались допустить того, чтобы психологические границы, разделявшие пролетариат различных стран, были сломаны. Тем, кто хотел мирных конференций, не оставалось ничего другого, как устанавливать такие связи самостоятельно с солдатами противника из окопа в окоп. Те, кто хотел разорвать эти искусственные границы, могли добиться этого не путем принятия

резолуций протеста, а только путем действий. Такова была аргументация большевиков. Отсюда их радость по поводу того, что интриги союзников увенчались успехом и привели к крушению плана созыва Стокгольмской конференции. Только «революционная демократия» повесила голову. Но тогда «революционная демократия» начала уже угасать. Ее дни, даже дни ее пребывания в Совете были уже сочтены.

Едва лишь вопрос о Стокгольмской конференции был исчерпан, как иностранные миссии в Петрограде почувствовали себя свободными в своих действиях. Россия, думали они, еще встанет в ряды остальных союзников и оторвется от Германии, и это еще крепче привяжет ее к колеснице Антанты. Однако, чтобы достичь этого, надо было, считали они, внушить людям здоровые идеи. Эти замыслы наткнулись, однако, на то, что как раз в этот момент Максим Горький начал выпускать газету — «Новая жизнь», которая на весь мир разгласила, что вторая коалиция позволила иностранным державам опозорить революцию; эти державы ведут войну ради собственных тайных целей и при этом используют русский народ в качестве своего орудия. Само собой разумеется, что эту неудобную газету следовало призвать к порядку. Вот почему было ускоренным порядком выработано и представлено на утверждение правительства распоряжение, которое под угрозой денежного штрафа и конфискации запрещало любой газете «оскорбление наших союзников». Одновременно сэр Джордж Бьюкенен<sup>55</sup> сделал заявление прессе, в котором изложил причины, по которым союзники, исполненные благородства, решили пожертвовать собой и принести эту жертву на алтарь справедливости и человечности. Это заявление содержало перечисление тех переговоров, которые предшествовали началу войны; оно было составлено на основе английской «Белой книги». Мне вспоминается комментарий, какой дала этому вымученному литературному труду английского посольства одна старая женщина, читавшая заявление Бьюкенена в трамвае. «Все равно, — сказала она сухо, — будут ли нами править союзники или немцы, в предстоящую зиму мы будем мерзнуть и голодать».

Скоро контрреволюция добилась создания важного опорного пункта, опираясь на который она получила возможность подкреплять дипломатические шаги иностранных посольств реальной силой. В течение последних 4–6 недель Генеральный штаб превратился в центральный сборный пункт генералов-монархистов и реакционных политиков, которые видели в нем орудие для того, чтобы устранить «революционную демократию» в Советах и очистить рабочие кварталы от большевизма, раз и навсегда положить ко-

<sup>55</sup> Бьюкенен Дж. (1854–1924) — посол Великобритании в России в 1910–1918 гг.



нец социалистическим проповедникам всех мастей. Уже во время последней недели июля, когда второе коалиционное правительство решило перевезти царя из Царского Села в Тобольск, Генеральный штаб распространил слух о том, что гарнизон Царского Села возмущен этим предложением и демонстрирует по улицам городка под пение монархических песен. Хотя в этом не было ни слова правды, цель была достигнута. В начале августа Генеральный штаб стал действовать смелее. Генерал Корнилов<sup>56</sup>, который после июльских волнений и провала наступления был назначен главнокомандующим с правом восстановить смертную казнь на фронте, начал играть главную роль в военной камарилье. Его адъютант как раз только что вернулся из Англии со значительной суммой в руках. Британские власти облегчили ему по возможности поездку. Этот адъютант вступил вскоре после своего прибытия в связь с Союзом георгиевских кавалеров. Некоторые члены этого Союза размещались в гостинице «Националь» в Москве, где они создали центр всех «патриотов», стремившихся к «обновлению» России. Все они видели в Корнилове подходящий инструмент для выполнения своих планов.

18 (5) августа буржуазная пресса Петрограда и Москвы сообщила, что Корнилов прибудет в столицу, чтобы предъявить Керенскому ряд требований, касающихся деятельности Советов. Эти требования, говорилось далее, будут выдвинуты в форме ультиматума. 19 (6) августа Корнилов прибыл в Петроград. Буржуазная пресса распространила слухи о том, что члены Совета совершили ряд нападений на его поезд, и указывала в завуалированной форме на необходимость покончить с этими организациями. В это же время московский миллионер Рябушинский<sup>57</sup> на конференции промышленников, на которой он председательствовал, охарактеризовал Советы как «красных воров, возглавляемых евреями» и подчеркнул необходимость того, чтобы выступил какой-то сильный человек. Состоялась встреча между Керенским и Корниловым. Но, вероятно, в самый решающий момент нервы генерала не выдержали, ибо он отодвинул на будущее сроки осуществления всех своих требований. Было принято решение весь вопрос о Советах и их притязаниях на власть передать на разрешение государственного совещания всех «живых сил страны», которое Керенский должен был созвать 25 (12) августа в Москве. Это совещание должно было сделать последнюю попытку преодолеть все более широкую пропасть между классами и выработать какую-либо общую «национальную программу». У всех на устах был

<sup>56</sup> Корнилов А.Г. (1870–1918) — генерал, Верховный главнокомандующий русской армией в августе 1917 г.

<sup>57</sup> Рябушинский П.П. (1871–1924) — российский предприниматель, банкир.

вопрос: состоится ли эта конференция, и если состоится, то справится ли она со своей задачей?

Едва только распространился слух о том, что Керенский собирает государственное совещание в Москве, как сейчас же реакционные силы, группировавшиеся вокруг Генерального штаба, а также дирижеры буржуазной прессы развернули борьбу с «революционной демократией», заседавшей в Советах, за руководящую роль на совещании. В то время как «революционная демократия» пыталась достичь этой цели при помощи завоевания большинства внутри самого совещания, первые начали шумную кампанию в печати и стали готовить военные демонстрации с целью запугать таким образом делегатов. Газеты «Русское слово» и «Утро России» приветствовали Корнилова как сильного человека. Храбрые вояки из Союза георгиевских кавалеров сочли уместным пригласить Корнилова ко времени его прибытия на Московский вокзал почти королевскую встречу. Но страх перед московскими отрядами самообороны, которые подчинялись власти городского Совета, состоявшего в большинстве из эсеров и меньшевиков, побудил их, в конце концов, к тому, чтобы рассеять всякие подозрения и придать всему делу видимость религиозной манифестации. Корнилова проводили поэтому к Иверской Божьей Матери у Кремлевских ворот, где он помолился за обновление России.

Я прибыл в Москву днем 24 (11) августа и мог установить, что по городу распространялись тревожные слухи. Рассказывали, что Корнилов отозвал с фронта три казачьих полка под предлогом необходимости защитить московское совещание от нападения большевиков. На следующий день выяснилось, что слух о вызове полков подтверждается, но Московский совет, до которого он дошел, собственной властью приказал Совету гор. Калуги, через которую должны были проследовать казаки на своем пути в Москву, задержать вплоть до особого распоряжения все поезда, следующие в этом направлении. Это было сделано с помощью железнодорожников, и притом без разрешения уполномоченных коалиционного правительства.

В день открытия государственного совещания буржуазные газеты приняли очень угрожающий тон. Они потребовали от совещания карт-бланш для коалиционного правительства, чтобы восстановить «порядок» в стране и продолжить войну «рука об руку с нашими благородными союзниками». Атмосфера была насыщена электричеством. Можно было инстинктивно чувствовать, что невидимые силы находятся за работой, одни — справа, другие — слева. Власть левых проявилась уже ранним утром 25 (12) августа. Когда я вышел на улицу, я заметил, что трамваи не ходят. Вскоре я услышал, что и фабрики не работают, так как рабочие объявили двадцатичетырехчасовую



Встреча генерала А.Г. Корнилова на вокзале в Москве. Август 1917 г.

забастовку. Это произошло под влиянием большевиков, вынужденных работать нелегально, но все же показавших, какой властью они обладают. Их листовки разоблачали государственное совещание как хитрость Керенского, пущенную в ход для обмана рабочих, так как состояло из организаций, которые частично открыто выступали как контрреволюционные и частично были лишь замаскированы. При этом можно было наблюдать тот любопытный факт, что из 10 московских рабочих 9 наверняка поддерживали к тому времени эсеров и меньшевиков, а большевиков рассматривали как немецких агентов. Однако они инстинктивно следовали призыву, напечатанному в листовках большевиками, и участвовали как один в однодневной забастовке. Это был серьезный удар по авторитету государственного совещания. Его созвали в Москве, надеясь, таким образом, вывести его из-под создававшего помеху влияния революционного Петрограда. Но теперь выяснилось, что фактически не было ни одного места, которое было бы свободно от революционной бациллы.

Наступил час открытия этого большого совещания, которое должно было предпринять последнюю попытку спасения России. Делегаты были собраны коалиционным правительством из различных местных организаций и учреждений на основе совершенно произвольных норм представительства. Советы получили 30% мест, кооперативы — 10%, профсоюзы — 5%, различные союзы свободных профессий — 10%, четыре реакционные Думы — 15%, буржуазные партии — 15%, Союз городов и «земство» — остальные. Голосования проводить не предполагалось, каждая группа должна была

лишь выделить своего оратора, чтобы тот изложил ее мнение о совместной национальной программе. Выступления всех ораторов должны были показать, возможно ли прийти к сотрудничеству между всеми классами. В сверкающем зале Большого театра глазам зрителя открывалось блестящее представление. Все места на правой стороне были заполнены делегатами четырех Дум и представителями партий центра — это были учтивые люди во фраках и с крахмальными воротничками. На левой стороне сидели делегаты Советов с небритыми подбородками и в косоворотках, среди них виднелось несколько гимнастеров рядовых солдат. В центре, как бы зажатые между двумя жерновами, сидели представители кооперативных союзов и свободных профессий. В ложах и на ярусах сидели группы мелких национальностей и различные союзы офицеров, в бывшей царской ложе — дипломатические представители иностранных держав и чиновники союзных военных миссий. На сцене находились министры Временного правительства, а за ними — представители прессы и гости.

Около двух часов поднялся Керенский. «Государственное совещание открыто, — начал он скрипучим голосом. — Коалиционное правительство ожидает от совещания, что оно станет тем центром, из которого наша страна почерпнет новые движущие силы, способные помочь ей разрешить стоящие на ее пути тяжелые задачи. Все, кто действительно любит свою страну, надеются, что государственное совещание найдет путь к тому, чтобы собрать воедино все здоровые элементы в России»<sup>58</sup>. Обращаясь к группам левых, он предостерег их от использования методов анархии и подрыва государственности. Обращаясь к группе правых, он заявил, что коалиционное правительство не потерпит никаких попыток противозаконно отобрать у него власть, — ясный намек на Союз георгиевских кавалеров и группу Корнилова. После речи Керенского последовал ряд официальных выступлений министров коалиционного правительства, которые говорили больше об обязанности гражданина приносить своему отечеству жертвы, о «патриотическом долге», о признании истинных интересов России и сотрясали воздух тому подобными фразами. Делегаты начали зевать. Почему не сказать лучше правду, говорили, как мне казалось, люди на левой стороне,

<sup>58</sup> Ср.: «По поручению Временного правительства объявляю Государственное совещание ... открытым. <...> Временное правительство призвало вас сюда... чтобы открыто и прямо сказать вам подлинную правду о том... что переживает сейчас великая, но измученная и истрадавшаяся родина наша. <...> Мы... призывали вас сюда, чтобы услышать от вас... полный огня и любви к свободе и родине голос, который сделает нас... еще более близкими широким народным массам и всему гражданству русскому» (Государственное совещание. М.; Л., 1930. С. 3, 16).

перешептываясь между собой. Почему не сказать, что полуголодные русские рабочие физически не в состоянии продолжать далее большую войну ради тайных договоров этого детища царизма? Почему не сказать, что безземельные крестьяне не для того страдали три года, чтобы остаться и дальше без земли? Но, когда я взглянул на царскую ложу, где сидели представители союзников, я усомнился в том, понимают ли они, что происходит в головах левых участников совещания.

На следующий день были произнесены действительно важные речи. Первым поднялся на трибуну генерал Алексеев<sup>59</sup>, приземистый, толстый, маленький человек в форме генерала, которому было далеко за пятьдесят. Он был начальником Генерального штаба со времени отречения царя. Предметом его выступления было состояние, в котором находилась русская армия, за снабжение и вооружение которой он тогда отвечал. Он подчеркнул, что с самого начала войны вооружение русской армии было недостаточным. Он объяснял, почему ответственность за это следует в значительной степени возложить на старую царскую бюрократию, ибо она становилась поперек дороги там, где добровольные буржуазные организации — например Союз городов и «земство» — брались за дело, желая его исправить, поскольку бюрократия явно с ним не справлялась. Но это не единственная причина слабости русской армии, продолжал он. России не хватало мощной промышленности, чтобы использовать свои большие природные богатства, не хватало и того технического оснащения, которое необходимо для ведения большой войны. Наступление Брусилова<sup>60</sup> в июне 1916 г. не могло достичь своих стратегических целей, потому что отсутствовало необходимое вооружение, чтобы прикрыть тыл. Затем последовала фраза, значение которой я тотчас же оценил. «Русская армия, — сказал он, — с лета 1916 г. была неспособна предпринять наступление»<sup>61</sup>. Было не вполне ясно, намеревался ли он с помощью этих слов бросить упрек союзникам в том, что они не помогли устранению нехватки военных материалов на Восточном фронте, или же он хотел намекнуть, что Россия не в состоянии продолжать войну против европейской державы, стоящей на высоте могущества, и должна будет поэтому в скорости заключить мир. Во всяком случае, речь генерала Алексеева на московском совещании была убедительнейшим доказательством, из всех, какие я когда-либо слышал, того, что ответственность за сложившееся в русской армии в 1917 г. положе-

<sup>59</sup> Алексеев М.В. (1857–1918) — генерал, начальник Штаба Верховного главнокомандующего с августа 1915 г.

<sup>60</sup> Брусиллов А.А. (1853–1926) — генерал, главнокомандующий Юго-Западным фронтом с 1916 г.

<sup>61</sup> Речь М.В. Алексеева не зафиксирована в стенограмме.

ние дел никак нельзя возлагать на большевиков, ибо это положение существовало уже давно, еще тогда, когда о большевиках ничего не было слышно.

Наступила глубокая тишина, когда в зале театра раздался голос Керенского: «Слово имеет главнокомандующий генерал Корнилов»<sup>62</sup>. На трибуне появился сухой жилистый человек небольшого роста с ярко выраженными татарскими чертами лица. Он был в полной генеральской форме, с пашкой и красными лампасами на брюках. Он начал свою речь в краткой солдатской форме, заявив, что с политикой он ничего общего не имеет. Он пришел сюда, продолжал он, чтобы сообщить правду о положении в русской армии. Дисциплины просто больше не существует. Армия находится на пути к тому, чтобы превратиться в толпу. Солдаты расхищают не только государственное имущество, но и имущества частных лиц и движутся по стране, совершая грабежи и акты насилия. Русская армия грозит превратиться в большую опасность для мирного населения западных губерний, чем ею могла бы быть даже наступающая немецкая армия. В этом месте его речи с мест, где сидели представители Советов, раздалась возглас: «В этом виноваты ваши офицеры!»<sup>63</sup>, после чего возник большой шум. Керенский поднялся и при мертвой тишине призвал участников совещания воспринять это описание национальной трагедии из уст верховного главнокомандующего с озабоченностью, а не с гневом. Генерал Корнилов, со своей стороны, решил избежать дальнейшего применения вызывающего тона и перешел к более объективному освещению положения, причем сделал ряд разоблачений, привлекая к себе внимание. Запасы продовольствия и фуража, сказал он, так малы и транспорт в тылу находится в таком плохом состоянии, что уже давно невозможно не только какое-либо наступление, но вызывает сомнение и то, возможно ли провести организованную демобилизацию армии. При этом заявлении все затаили дыхание. Итак, из уст антантофильски настроенного военачальника здесь услышали, что Россия действительно не в состоянии более продолжать войну. Корнилов указал далее на Советы<sup>64</sup> как на учреждения, ценность которых «не должна оспариваться», но «сфера власти которых должна быть точнее ограничена»<sup>65</sup>. Впечатление,

<sup>62</sup> Ср.: «Временное правительство признало нужным вызвать верховного главнокомандующего... Ваше слово, генерал» (Государственное совещание. С. 61).

<sup>63</sup> Возглас в стенограмме не зафиксирован.

<sup>64</sup> Скорее всего, речь идет не о Советах, а о комитетах.

<sup>65</sup> Ср.: «Я не являюсь противником комитетов. <..> Но я требую, чтобы деятельность их протекала ... в пределах, которые должны быть точно указаны законом» (Государственное совещание. С. 64).



Генерал  
 А.М. Каледин

которое я вынес, было то, что Корнилов сделал честную попытку найти выход из тупика, но за ним стояли незримые силы, а он был достаточно тщеславен, чтобы дать им овладеть собой с помощью льстивых речей.

После него выступил главный апостол контрреволюции в казачьей среде генерал Каледин<sup>66</sup>. Он имел представительную внешность, аристократические черты лица и был одет в мундир атамана донских казаков. Он не оставил никаких сомнений насчет своего взгляда на то, как можно было бы восстановить ударную силу русской армии. «Совет казачьего союза, — сказал он, — требует от коалиционного правительства немедленного роспуска всех Советов, как на фронте, так и в тылу»<sup>67</sup>. Поистине, несложный рецепт, как с помощью методов, выработанных Бисмарком<sup>68</sup>, подавить все революционное движение, как его крайнее, так и умеренное крыло! Для него было совершенно несущественно, являются ли депутаты Советов большевиками, меньшевиками или эсерами, — все они должны были убраться, как «революционная демократия», так и более радикальные представители воли масс.

Что же сможет ответить «революционная демократия» на этот неприкрытый вызов? Все взоры обратились к меньшевику Чхеидзе, пред-

<sup>66</sup> Каледин А.М. (1861–1918) — генерал, Донской войсковой атаман с июня 1917 г.

<sup>67</sup> Ср.: «Для спасения родины ... все Советы и комитеты должны быть упразднены» (Государственное совещание. С. 75).

<sup>68</sup> Бисмарк О. (1815–1898) — первый канцлер Германской империи.

седателю Всероссийского исполнительного комитета Советов, когда он поднялся со своего места. «Хотя я случайно и являюсь председателем того самого учреждения, о котором предшествующий оратор изволил любезно сказать, что с ними “покончено”, я все же охотно использую это обстоятельство, — так начал он свою речь, — чтобы напомнить ему о том факте, что они, эти Советы, продолжают существовать. Совет русских рабочих, крестьян и солдат олицетворяет ту силу в стране, которая осуществила революцию и одна лишь в состоянии обеспечить ее дальнейшее беспрепятственное развитие. Он сумеет дать достойный отпор всем попыткам лишить его принадлежащих ему прав на осуществление контроля. Он один спас страну, когда она готова была погрузиться в пучину анархии. Как часто ему приходилось защищать офицеров таких, как генералы Корнилов и Каледин, от эксцессов со стороны солдатни, вышедшей из-под руководства»<sup>69</sup>. Вслед за тем Чхеидзе начал оглашать пространную резолюцию Центрального исполнительного комитета Советов. Резолюция эта была составлена в выражениях, свидетельствовавших о ее крайней умеренности. Она была проникнута неуместным духом уступчивости, даже подобострастия. Она призывала все демократические и патриотические элементы страны найти общую платформу и заверяла, что «революционная демократия» стремится к совместной работе со всеми классами. С помощью нескольких неясных выражений резолюция затронула вопросы, волновавшие чувства каждого — войну, хозяйственную разруху в стране, нужду крестьян в земле. Была упомянута желательность заключения мира на демократической основе и государственного контроля над промышленностью, и сказано, что земля должна быть предоставлена во всеобщее распоряжение. Но что надо предпринять, чтобы достигнуть этих целей — этот вопрос оставался без всякого ответа. «Революционная демократия», которой нанесли удар по правой щеке, явно надеялась смягчить своих врагов тем, что подставляла им также и левую щеку.

<sup>69</sup> Ср.: «Несмотря на то, что только что была провозглашена необходимость немедленно упразднения демократических организаций ... я свое дело должен начать ссылкой на эти учреждения. <...> Объединившиеся организации революционной демократии еще раз свидетельствуют свою непоколебимую решимость не останавливаться ни перед какими... жертвами, чтобы спасти ... революцию. С самого возникновения своего эти организации поставили себе целью объединение всех живых сил страны для выполнения тех великих задач, которые выдвинула перед Россией революция... <...> Только благодаря организациям революционной демократии сохранился творческий дух революции, спасающий страну от распада и власти анархии» (Государственное содействие. С. 77–78).



Затем последовала, помнится, речь известного кадетского лидера Маклакова<sup>70</sup>, который, стремясь разъяснить смысл русской революции, удалился в область социальной философии. «Что такое русская революция? — начал он. — Одни видят в ней социальный переворот, имеющий целью предоставить одному общественному классу привилегий по сравнению с другими, но любое великое движение не может быть плодотворным, если оно не охватывает всю совокупность того общества, на почве которого оно возникло. Русская революция была делом всего русского народа, поэтому ни один из классов не имеет права претендовать на какие-либо монопольные права в ущерб остальным. Революция означала, что вся нация поднялась ради собственного спасения. Россия отнюдь не любит революцию, как таковую, саму по себе. Россия любит революцию только потому, что знает, что именно ей она обязана своим спасением»<sup>71</sup>. Итак, единение классов на почве общенациональной программы! Но где же эта программа? Где практическая почва для сотрудничества классов? Вновь, как и после речи, произнесенной Чхеидзе от имени «революционной демократии», мы не приблизились к решению вопроса.

Когда день уже клонился к концу, разыгралась своеобразная сцена. Поднялся Церетели, чтобы выступить от имени Советов. В присущей ему убедительной и деловой манере он апеллировал ко всем партиям, призывая их отложить в сторону существующие разногласия. «Мы в Совете, — воскликнул он, — готовы в любой момент объединиться для совместной работы со всеми элементами общества, которые демонстрируют искреннюю готовность спасти страну и революцию. Настал момент, когда необходимы все живые силы страны. Кто готов отдать себя на службу общему делу? Я уверен в удовлетворительном ответе на данный вопрос с этой стороны, — сказал он, указывая на левую часть зрительного зала, — услышим ли мы его и с этой стороны?»<sup>72</sup> — при этих словах он указал на правую сторону, где сидели де-

<sup>70</sup> Маклаков В.А. (1869–1957) — член Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии с августа 1917 г.

<sup>71</sup> Скорее всего, автор допустил ошибку. Маклаков не обращался к членам Государственного совещания на утренней сессии 14 августа, и цитируемый отрывок не относится к его выступлению на вечернем заседании.

<sup>72</sup> Ср.: «Всегда во всех своих действиях демократия соединяет свои усилия, чтобы достичь общей цели... И в данном случае мы сочли [необходимым] в интересах дела соединить наше выступление, так как в общих основных чертах [мы не расходимся во взглядах] на ту трагическую проблему, от решения которой зависит судьба страны. <..> Настала такая година, такой час, что... без решительных жертв не только интересами чужих классов, не только аплодисментами... но и мужественным призывом своих классов к жертвам... не может быть спасена Россия. Обещаете ли вы все это сделать?» (Государственное совещание. С. 118, 125).

путаты четырех Дум и представители буржуазных партий. Едва Церетели закончил свое выступление, как поднялся Бубликов<sup>73</sup>. Это он был тем человеком, кто в качестве министра путей сообщения в составе первого Временного правительства приказал остановить поезда, посланные царем в Петроград, чтобы задуть революцию. «Мы выслушали красивые слова ваших уважаемых вождей Советов, — сказал он, обращаясь к Церетели, — и их нельзя оставить без ответа. Если Россия сумела выдвинуть такого человека в вашем лагере, то такова же и наша обязанность!»<sup>74</sup> С этими словами он покинул трибуну, направился к Церетели и горячо пожал ему руку. Большое собрание охватило непостижимый энтузиазм. Казалось, что вернулись вновь славные дни начала Февральской революции, когда все классы и партии вместе праздновали свержение царизма. Наконец-то найден золотой мост, думалось мне, способный преодолеть пропасть между классами. Или, может быть, это была последняя вспышка угасающего национального единства России — вспышка, вызванная парой случайных удачных реплик двух благородных людей?

Но пропасть не исчезла. Доказательством тому была речь товарища Рязанова<sup>75</sup>, который выступил, как он заявил, от имени группы «крайних левых в Совете»<sup>76</sup> — иными словами, от имени большевиков. Ибо никто из состава этой группы не мог в данный момент решиться выступить и открыто назвать себя большевиком, несмотря на тот факт, что в глубине души его мнение разделяли девять десятых трудящихся, как это подтвердила двадцатичетырехчасовая всеобщая забастовка, происходившая за стенами зала, где заседало совещание. Атмосфера погрома, искусственно созданная буржуазной прессой и направленная против большевиков, была так накалена, что для них было немыслимо выступать в тот момент перед общественностью открыто, под собственным именем. «Мы выждем момента, — сказал Рязанов, — который, как мы знаем, уже недалек. И если справедливо то, что сказал нам главнокомандующий о состоянии армии, то мы должны считаться с тем, что война на германском фронте уже в ближайшие месяцы сама по

<sup>73</sup> Бубликов А.А. (1875–1941) — в 1917 г. комиссар в Министерстве путей сообщения.

<sup>74</sup> Ср.: «Я вхожу на эту кафедру единственно для того, чтобы ответить на ... вопрос, поставленный благородным вождем русской демократии гражданином Церетели. Я буду отвечать в форме полемики... <...> Мы предлагаем вам все наши знания, наш опыт... чтобы произвести всю эту творческую работу ... с величайшей пользой не для нас, а для нашей всеми горячо любимой родины» (Государственное совещание. С. 267–269).

<sup>75</sup> Рязанов Д.Б. (1870–1938) — член объединения Межрайонной организации объединенных социал-демократов в 1917 г.

<sup>76</sup> Ср.: «Я являюсь представителем ... интернационалистов» (Государственное совещание. С. 278).

себе подойдет к концу. В нашу задачу не входит давать указания о том, как себя вести любой из ваших обеих групп, правой или левой. Мы, крайние левые, попросту подождем, скрестив руки»<sup>77</sup>. Эти слова прозвучали в тишине, при всеобщем ледяном молчании.

Затем состоялось взволнованное выступление, которое бросило яркий свет на жестокий антагонизм, что крылся под гладкой поверхностью фраз, звучавших на совещании. Рукопожатие Церетели—Бубликов уже превратилось в страничку воспоминаний о прежних исчезнувших идеалах. Ибо теперь потребовали себе слова те, чьей поддержкой пользовался Корнилов, и кто сам опирался на золото Англии, на ее денежный мешок. «Мы обвиняем вас, — с яростью воскликнул поручик Захаров из Союза георгиевских кавалеров, обращаясь к делегатам Советов, — в том, что вы ведете трусливую пропаганду мира. Я и мои товарищи, будучи офицерами, много раз были ранены в ходе этой войны и знаем, что такое смерть. А вы в своих пиджачках толкуете о мире без аннексий и контрибуций»<sup>78</sup>. В зале воцарилось неслыханное напряжение, когда есаул Нагаев<sup>79</sup>, молодой казак, нижний чин, поднялся, чтобы получить слово от имени секции трудового казачества в Совете. В простом мундире казака с «Тихого Дона»<sup>80</sup>, он обернулся к ложе, где среди офицеров из Союза георгиевских кавалеров сидел генерал Каледин, и смело взглянул ему прямо в глаза. В его гордом взгляде я увидел, казалось, русский дух протеста против классовых привилегий и угнетения, дух, который презирает страдания, тиранию и смерть. «С этой трибуны я говорю вам, генерал Каледин, — начал он спокойным и уверенным голосом, — не смейте говорить от имени трудового казачества, рядовых казаков. Мы, делегаты трудового казачества в Совете, который день ото дня растет численно и расширяет свое влияние, не признаем за вами той власти, какую вы себе создали за нашими спинами»<sup>81</sup>. «Предатель! Его нужно арестовать! Сколько немецких

<sup>77</sup> Данный отрывок является пересказом речи Рязанова (Там же. С. 278–281).

<sup>78</sup> Речь Захарова не была зафиксирована в стенограмме, опубликованной в сборнике «Государственное совещание» (1930 г.).

<sup>79</sup> Нагаев Д.М. (1878–1918) — казак Николаевской станции 2-го Военного отдела Оренбургского Казачьего войска, есаул.

<sup>80</sup> Имеется в виду роман М.А. Шолохова «Тихий Дон».

<sup>81</sup> Ср.: «Генерал Каледин вчера в своей речи взял на себя смелость говорить от имени двенадцати казачьих войск. Я буду значительно скромнее... В Центральный Комитет Совета я послан съездом Кавказского фронта, в состав которого входят казачьи части семи казачьих войск. Делегаты этих казачьих частей ... высказали совершенно определенные пожелания. <...> Не смейте отрывать казачество от народа, не воскрешайте дни позора казачества... Не вам вести казачество к возрождению» (Государственное совещание. С. 288–289).

марок он получил за эту речь!»<sup>82</sup> — послышалось из ложи, где сидели георгиевские кавалеры. Последовала вспышка неопишемого возбуждения. Вся левая часть зала поднялась со своих мест, люди кричали и грозили кулаками по адресу офицеров и генералов. После нескольких минут оглушительного шума послышался охрипший голос Керенского, который потребовал тишины. «Как председатель государственного совещания, — сказал он, — я требую, чтобы человек, который, находясь в ложе, сделал это замечание, вышел сюда и извинился»<sup>83</sup>. Затаив дыхание, в тишине, все обратили свои взоры к тому углу, где сидели генерал Каледин и георгиевские кавалеры. Генерал сидел спокойно и неподвижно. По-видимому, его совесть была чиста. Но большинство георгиевских кавалеров исчезли — никто не знал, куда. После нескольких мгновений Керенский спокойно сказал: «Есаул Нагаев, думаю, что молчание труса служит для вас достаточным ответом»<sup>84</sup>. В театре раздались оглушительные рукоплескания, и Нагаев смог без дальнейших помех закончить свою речь.

Но жребий был брошен. После трех дней работы совещания даже и слепому было ясно, что примирение между «революционной демократией» Совета и представителями русской буржуазии совершенно невозможно. Одна из этих сторон должна была возобладать над другой и взять в свои руки государственную власть, либо же те и другие должны были уступить дорогу людям, которые смогли провести двадцатичетырехчасовую забастовку в Москве. Потому так и получилось, что, когда все многочисленные и различные группы выложили свои проекты резолюций совещания, оказалось, что никакой совместной программы сформулировать нельзя, — то были лишь бесплодные фразы о любви к родине, о демократии и долге. Керенскому не оставалось ничего другого, как от имени коалиционного правительства принять все эти резолюции и закрыть совещание. «Государственное совещание закончено, — сказал он. — Коалиционное правительство получило от него заверения в том, что ему будет оказана всесторонняя поддержка при выполнении задачи спасти страну от угрожающей ей опасности. Хотя совещание и не вполне оправдало надежды правительства, оно, тем не менее, представило доказательства того, что русский народ проникнут духом демократии и является защитником свободы, завоеванной в результате Февраля»

<sup>82</sup> Высказывания не зафиксированы.

<sup>83</sup> Ср.: «Я предлагаю человеку, бросившему оратору — представителю русской армии, в лицо оскорбление, быть смелым и сказать, кто он» (Государственное совещание. С. 289).

<sup>84</sup> Ср.: «Есаул Нагаев и все присутствующие здесь русские люди совершенно удовлетворены молчанием труса» (Там же).

ской революции. Страна стоит перед лицом исключительных опасностей, но правительство верит, что оно может рассчитывать на любовь к отечеству всех тех русских, кому дорога их родина»<sup>85</sup>. Затем, обернувшись к делегатам левых, он сказал: «Проклятие тому, кто сейчас говорит о мире!»<sup>86</sup> Последовали ропот и озадаченные взгляды членов «революционной демократии», заседающей в Советах. А затем прозвучали слова, отчетливо показавшие, что Керенский чувствовал себя диктатором на белом коне — в роли, которую он столь патетически отклонил на I съезде Советов в июне в присутствии Ленина. «Всем тем, кто поддержит меня при выполнении лежащей на мне задачи спасти Россию, я докажу свою признательность, но в отношении тех, кто не выполняет своего долга и стремится насильственно привлечь на свою сторону массы, я буду беспощаден»<sup>87</sup>. Этими словами закончилось Московское государственное совещание.

Я покинул здание театра и пошел наискось через большую площадь. На углу женщины стояли в очереди за скудным хлебным пайком. На их бледных лицах, в глазах был страх. Я дошел до Кремля и, пройдя через его прекрасные ворота, миновал место, где покоятся цари прошлых столетий — цари, которые были свидетелями того, как не раз времена покоя сменялись временами мятежа. Россия стояла ныне на пороге новой эпохи. Мне казалось, что я слышу голос Бориса Годунова<sup>88</sup>, его духа, говорящего: «Вновь возвращаются бурные времена моего царствования».

Я остановился у колокольни Ивана Великого<sup>89</sup>. Несколько хорошо одетых граждан стояли здесь, беседуя с рабочими и солдатами, а группа студентов наблюдала за происходящим. «Почему вы не работаете? Россия стоит перед катастрофой, а русский народ бездельничает», — заявил один из хорошо одетых. «А как я буду пахать, когда у меня одна лошадь, да и та хромая? — спросил дюжий крестьянин в солдатской одежде. — Всех лошадей позабирали на войну, мы теперь с братом по уши в долгах». «Во всяком слу-

<sup>85</sup> Ср.: «Временное правительство, господа члены Государственного совещания, закрывая настоящее собрание еще раз выражает вам всем глубокую признательность, что вы ... пришли помочь нам в тяжелом и трудном деле... Может быть, не сбудутся те надежды, которые связывает каждый из нас, присутствующих, с этим Государственным совещанием... Но каждый из нас всегда, надеюсь, будет помнить, что сумели русские граждане в тяжелый и трудный час сойтись друг с другом ... и каждый по своему разумению и сознанию говорил только о государстве, о родине ... и звал только к общему, единому делу, спасению этой ... незримой для нас ценности» (Там же. С. 306).

<sup>86</sup> Ср.: «Будь проклят тот, кто скажет, чтобы мы прекратили бой сейчас» (Там же. С. 303).

<sup>87</sup> Подобное обращение Керенского в этой стенограмме отсутствует.

<sup>88</sup> Годунов Б.Ф. (1552–1605) — боярин, первый выборный русский царь (1598–1605).

<sup>89</sup> Иван III Васильевич (1440–1505) — великий московский князь (1462–1505).

чае, ты можешь пойти на фронт и воевать за Россию», — последовал ответ. «Чего ради нам воевать за Россию, когда она не наша?» — сказал солдат.

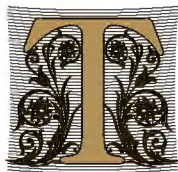
Так закончилась эта беседа. Но этот вопрос требовал ответа еще от второго коалиционного правительства. Московское совещание собралось, чтобы попытаться найти ответ на этот вопрос — и все же ответа не нашло.

Десятью днями позже я стоял на берегу Волги близ Нижнего Новгорода, мальчишка-газетчик промчался мимо меня, продавая специальные выпуски газет с известиями об ультиматуме, предъявленном Корниловым второму коалиционному правительству, и о продвижении татарских и казачьих дивизий к Петрограду. Я тотчас же направился в местный Совет, где увидел всех крайне ошеломленными. Никогда еще власть Совета не была большей, чем в этот день — и это несмотря на то, что она находилась в руках колеблющихся меньшевиков. Перед лицом опасности «революционная демократия», наконец, нашла в себе мужество действовать. Каждое служебное помещение местных органов власти в Нижнем Новгороде было взято под контроль. Введен просмотр телеграмм, выпущены прокламации. Во все отдаленные деревни этой большой губернии были посланы нарочные. Шедшие за большевиками матросы Волжской флотилии заключили союз с железнодорожниками, находившимися под влиянием меньшевиков, и с крестьянами, шедшими за эсерами, чтобы противопоставить реакции единый фронт. На мгновение я увидел, как фронт русской революции сплотился против своих врагов. Если бы какой-нибудь контрреволюционный генерал попытался в этот день выступить за Корнилова, то он скоро оказался бы за решеткой, а то и перед дулами винтовок. Опасность, которая дала о себе знать уже после неудачи преждевременного большевистского выступления в июле и образования Второго коалиционного правительства, эта опасность нависла теперь над головами. Георгиевские кавалеры, группировавшиеся вокруг Корнилова, и английские толстосумы сделали свое дело, и все же они оказались бессильными перед лицом возникшего, наконец, — кто знает, надолго ли? — сплоченного фронта «революционной демократии» и революционного «демоса» — народа.



Anastasiya A. Sotnikova

## «MY REMINISCENCES OF THE RUSSIAN REVOLUTION» BY M. PHILIPS PRICE



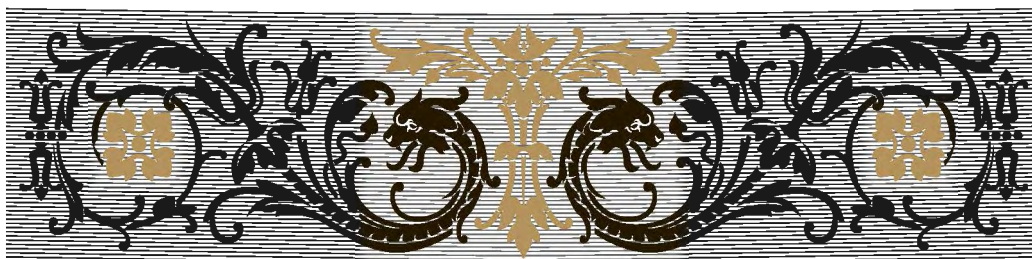
The book by the well-known British journalist Morgan Price, which appeared to be sold in England in 1921, had several main goals. First, the author told about his job in the Russian Empire during its revolutionary transformation into a democratic society. Price not only stated his attitude towards the revolution, its leaders and their opponents, but also recorded the course of the reforms, presenting them as gradually staged and multifunctional. Secondly, the author reveals his sympathy to the revolution, the people, who after long years of slavery has spoken up for their rights and freedoms. Depicting the actions of simple serfs, soldiers and workers, Price shows them, not their leaders, as revolution creators. Moreover Price offers a unique portfolio on all the political leaders of the revolutionary Russia, depicting in details their appearance, manners and behavior, having recorded them while officially speaking. This book played an important role in forging the attitude of British society towards the changes in Russia. It helped to eliminate misbeliefs and to estimate the Russian Revolution as a typical course of political changes, which at a certain moment took place in all European countries.

*Price M.P. My Reminiscences of the Russian Revolution. London, 1921. P. 1–79. Пер. с англ. О.В. Кузнецовой.*

**Вступительная статья, подготовка текста и комментарии:**

 **Сотникова Анастасия Алексеевна** 

секретарь Научного совета РАН по истории социальных реформ,  
движений и революций



## ПАМЯТКА АВТОРАМ

Уважаемые авторы!

Журнал является научным, по тематике — историческим.

В редакцию журнала предоставляются три документа в отдельных файлах:

1. Статья (публикация источника, рецензия).
2. Аннотация к статье (публикации источника, рецензии).
3. Сведения об авторе.

### ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ

Редакция журнала принимает все материалы (текст статьи, аннотацию, сведения об авторе) только в электронном виде в редакторе Microsoft Word (с расширением «.doc» или «.rtf»), набранные шрифтом Times New Roman без автоматических переносов. В имени файлов обязательно указывается фамилия автора.



## СТАТЬЯ

Объем статьи — от 1 до 2 авторских листов (40–80 тысяч знаков с учетом пробелов); кегль — 14, первая строка с отступом, межстрочный интервал полуторный. По согласованию с редакцией принимаются статьи и бóльшего объема. Обязательными компонентами статьи являются:

**ФИО автора и заголовок статьи**

О.А. Сухова

ГУБЕРНАТОРЫ ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА В НАЧАЛЕ XX В.

**Ключевые слова (после статьи указываются 4–6 понятий, терминов, имен собственных, несущих в тексте основную смысловую нагрузку)**

Ключевые слова: П.А. Столыпин, И.А. Блок, контроль за губернаторами, крестьянский террор

**Сноски**

Оформление сносок:

Сноски в статье следует проставлять постранично («внизу страницы»), их нумерация должна быть сквозной (например, с 1-й по 32-ю); шрифт (кегель) — 12.

*Иванов И.И. История европейских стран. М., 2002. С. 14.*

*Иванов И.И. К вопросу о развитии европейских стран // Вопросы истории. 1999. № 2. С. 1–11.*

Для иностранных изданий: *Johnson J. The History of USA. London, 2002. P. 14.*

**СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ**

1. Список использованной в статье литературы следует представить в конце статьи в романском алфавите.
2. Список литературы (References) в романском алфавите для международных баз данных, повторяет все источники литературы, независимо от того, имеются ли среди них иностранные. Если в сносках на русском есть ссылки на иностранные публикации, они полностью повторяются в списке, готовящемся в романском алфавите.

3. Транслитерируются фамилии авторов и русскоязычные названия источников. Переводятся названия статей, монографий, сборников статей, конференций.

Пример:

*Кочукова Е.В., Павлова О.В., Рафтопуло Ю.Б. Система экспертных оценок в информационном обеспечении ученых // Информационное обеспечение науки. Новые технологии: Сб. науч. тр. М.: Научный Мир, 2009. С. 190–199.*

*Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. The system of peer review in scientific information provision // Information Support of Science. New Technologies: Collected papers [Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh. Informatsionnoe obespechenie nauki // Novye tekhnologii: Sb. nauch. tr.] Nauchnyi Mir, Moscow. P. 190–199.*

4. Список литературы в латинице может готовиться с помощью систем транслитерации свободного доступа (<http://www.translit.ru>) и переводчика Google. Вручную делать транслитерацию не допускается в целях избежания ошибок.

## АННОТАЦИЯ

Аннотация с указанием названия статьи и фамилии автора представляется в отдельном файле (.doc или .rtf).

1. Название файла: «Фамилия автора — Аннотация».
2. Объем: 1000–1500 знаков с пробелами.

## СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

В отдельном файле (.doc или .rtf) должны содержаться:

1. Фамилия, имя, отчество автора (полностью).
2. Ученая степень, звание, должность и место работы (полное название учреждения, города, страны).
3. Контактная информация: адрес с почтовым индексом, телефоны/факсы (служебный, мобильный), e-mail.

## ИЛЛЮСТРАЦИИ

Публикация в журнале может сопровождаться иллюстрациями.

1. Иллюстрации и фотоснимки в электронном виде высылаются отдельными файлами: формат TIFF или JPG; размер не менее 2 Мб.
2. К иллюстрации необходима подпись с описанием события, объекта и датировкой. Также следует указать привязку иллюстраций к тексту статьи в отдельном документе (.doc или .rtf).
3. Редакция оставляет за собой право подбора или замены иллюстраций к статье.

Члены редколлегии в трехмесячный срок принимают решение о публикации присланного материала.

Материалы высылаются на электронный адрес:  
[historical.reporter@gmail.com](mailto:historical.reporter@gmail.com)

Материалы журнала включены в систему  
Российского индекса научного цитирования.

## Для заметок

## Для заметок

## Для заметок

---

Компьютерный набор редакции. Дизайн и верстка Ю.В. Филимонова.  
Подписано в печать 26.09.2017 г. Формат 70×100 1/16. Усл.-печ. л. 19,7. Заказ № 3

Адрес редакции: 105005, Москва, Аптекарский пер., д. 4, стр. 2, офис 214  
Тел.: +7 (495) 737-76-32, факс: +7 (495) 730-61-76  
E-mail: info@runivers.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,  
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).  
Свидетельство о регистрации средства массовой информации  
ПИ № ФС77-51055 от 03 сентября 2012 г.

© АНО «Руниверс», 2017

---

*Материалы, публикуемые в журнале «Исторический вестник», могут не совпадать  
с точкой зрения редакции.*

---

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета  
в типографии Издательского центра РГГУ. Адрес: 125993, Москва, Миусская пл., 6.  
Электронная почта: kentavr@rggu.ru. Тел.: +7 (499) 973-42-05

Журнал издается при поддержке ООО «НИКОХИМ».



Двадцать второй том  
«Исторического вестника»  
будет посвящен общеисторической  
тематике



## ПРОЕКТ РУНИВЕРС

---

### Свободный доступ к материалам по отечественной истории и культуре

Тысячи дореволюционных книг и журналов

Старинные атласы с уникальными картами  
российских земель и городов

Все дореволюционные военные энциклопедии

Полное собрание законов Российской империи

Собрание архивных документов

Это и многое другое вы можете найти на сайте [www.runivers.ru](http://www.runivers.ru)

---

### Книжная серия «Наглядная хронология»

Планируется выпуск следующих изданий:

От Руси к России (X-XVI века)

Рождение Российского царства

Россия в эпоху Смуты

Россия при первых Романовых

Россия при Петре Великом

Россия в эпоху дворцовых переворотов

Россия при Екатерине Великой

Россия в первой половине XIX века

Россия во второй половине XIX века

Россия в XX веке